

*Посвящается
памяти
Ивана Фомича Ганжи*

А. И. ГАНЖА
Н. В. ПУНДИК

**БУДЖАКСКИЙ
ИЗЛОМ**

Одесса
«Астропринт»
2013

УДК 94(477.74)
ББК 63.3(4Ук-4Од)0-1
Г19

При подготовке обложки использован «Общий план Диких полей, проще говоря Украины» (Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina) Гийома Левассера де Боплана, что был издан Вильгельмом Гондиусом в 1648 году в Данциге

Ганжа, Андрей Иванович, Пундик, Николай Владимирович
Г19 Буджакский излом / А. И. Ганжа, Н. В. Пундик. — Одесса : Астропринт, 2013. — 168 с. : ил.
ISBN 978-966-190-668-5

Книга посвящена истории и сегодняшнему дню Буджака, территории между устьем Дуная и Днестровским лиманом. Сейчас это депрессивный и дотационный уголок Украины: а ведь когда-то здесь вершились великие дела...

УДК 94(477.74)
ББК 63.3(4Ук-4Од)0-1

ISBN 978-966-190-668-5

© Ганжа А. И., Пундик Н. В., 2013

От авторов

Авторы этой книги познакомились давно. Мы достаточно похулиганили в прекрасные и безбашенные студенческие годы (они были, ну, очень бурными, эти годы!!!). За что с завидным постоянством получали «пилюли» от Ивана Фомича Ганжи, отца одного из нас и факультетского декана у другого. Это был великий человек, который считал себя вправе надавать по шее любому, кто делал глупости. Совершенно реально надавать, с маху. Но который считал своей обязанностью до конца защищать своих студентов, детей, друзей. Студенты его обожали...

А как не обожать-то? Ну, например: однажды, во время факультетского собрания, Ганжа сообщил: «Тільки що мені телефонували з медвитверезника. Двоє наших козарлюг потрапили у халепу». Публика поднапряглась: в те суровые семидесятые годы не церемонились и даже не особо разбирались, и за «залет в ментовку» отчисляли из институтов сразу. Чаще всего — без права восстановления.

Декан продолжает: «То я вас питаю, що будемо робити? Хай хлопці гинуть у ворожій неволі? Чи підемо визволяти?» Что тут началось! Студенческое собрание как-то вмиг превращается в козацкую «черную раду», а неистовый гомон быстро становится почти что боевым кличем: «Виз-во-ля-ти! Виз-во-ля-ти!!!»

Фомич минуту молчит, явно наслаждаясь ситуацией, а потом, достоинством гетмана, поднимает руку: «Тоді так... Достойне товариство хай продовжує свої збори, а ви мені даєте комсомольського ватажка та профспілкового ватажка, ми позичаємо очі у Сірка, та підемо визволяти». И, медленно, со вкусом, спустившись со сцены, с гетманским же величием движется по проходу к дверям. А «товариство», окончательно войдя в роль бунтующей козацкой голоты, с азартом скандирует: «Бать-ку! Бать-ку!»

И шел, и «вызволял». И оставлял студентами, а не гнал с «волчьими билетами». А потом вызывал сидельцев к себе в кабинет...

В котором многие знакомились с его легендарной палкой, то ли грушевой, то ли кленовой. Но крепкой.

При написании этих строк один из авторов нервно сглотнул слюну — тогда он, правда, оказался в числе освободителей, а не освобождаемых. В тот раз пронесло...

Прошли годы. Один из нас выбрал политическую карьеру (или карьера выбрала его), потихоньку дойдя до статуса одесского областного спикера. Второй выбрал свободу: ведь любой политик — это раб целей, им поставленных, или поставленных перед ним. Поэтому второй остался историком и журналистом.

Однажды мы бродили по Одессе. Время было лихое. Румыны как раз отобрали у Украины акваторию черноморского шельфа. Пусть и по решению суда, пусть по дурости украинской оранжевой власти, но для ущемленной гордости гражданина от этого было не легче. И где-то между чашкой кофе и Одесским археологическим музеем разговор зашел о причерноморских степях между Дунаем и Днестром, о той территории, которая сейчас называется Буджак, «угол» по-татарски.

И мы подумали: «А почему?» Почему она воспринимается как какой-то «чертов угол», как забытое Богом и государством окончание Великой Евразийской степи? Ведь это великое место: там умели и сражаться, и руководить, и выращивать скот, и растить зерно. Причем, очень неплохо умели.

Мы решили «покопаться в проблеме». Причем не глобально. Идея создания академической «Истории Буджака» перед нами даже не возникла: хотя надеемся, что она, когда-нибудь, возникнет перед державой. Ведь Буджак того достоин. Нам хотелось, чтобы читатель, отложив книжку, сказал сам себе: «Ого! А ведь мои предки, здесь, в степи, были тоже не лыком шиты!». Ведь гордость человека за свою историю определяет гордость Гражданина за свою Страну. А без неё все разговоры о суверенности Украины останутся сотрясанием воздуха и комедией ошибок. А гордость выковывается в победах, вечный плач над поражениями, который еще недавно с таким азартом культивировал президент Ющенко, воспитывает только гражданскую депрессию.

Мы позволим себе немножко подробнее коснуться этой темы.

Когда-то Михаил Грушевский описал то, что назвал «ментальной чертой» украинцев. А именно — умение устраивать похороны. А потом эти похороны «праздновать». Помнится, как нас покорежило празднование 360-летия битвы при Пилявцах, когда Ющенко не удержался и, по привычке, всплакнул: «Тут лежат наши хлопцы!» Тогда так и хотелось закричать: «Господин Президент! Не «лежат», а «положили». «Речь

Посполитая снарядила великолепное и довольно многочисленное войско под водительством князя Владислава-Доминика Острожского, воеводы краковского, которое позорно бежало из-под Пилявец, оставив всё добро, которое и оценить невозможно, ибо собрались в поход, как на свадьбу. Все добро досталось казакам». Это писал не украинский, а польский хронист. То бишь, враг козацкого войска «по определению». Но, в любом случае, поляков разнесли так качественно, что еще многие годы смертельно испуганного человека в Украине называли скромно и со вкусом: «пилявчик».

И таких «пилявчиков» Украина, ее бойцы, «создавали» не единожды. Под Дюнкерком и под Синопом, под Очаковом и под Смоленском. И исторический корень самого большого государства современности, Российской Федерации, тоже, кстати, у нас — в Киеве, «матери городов Русских». Там, где «воссияет Благодать Божия, будет город великий и воздвигнет Бог много церквей». И сейчас неважно, точно ли эти слова произнёс апостол Андрей, или их приписало ему церковное Предание. Важно то, что они вошли в историю страны как символ великого духовного свершения и исторической победы.

Сейчас, по прошествии нескольких лет, даже не хочется вспоминать такой подход к истории отеческого края. Но — вынуждены. Поскольку мы поставили перед собой диаметрально противоположную задачу поиска: победы и созидания. Чтобы история вызывала не опаску, а желание повторения этих побед и созиданий. С такой целью мы и начали погружение в море книг и компьютерных файлов.

Так появились «Исторические этюды», или «Дела веков минувших...». А потом политик позвонил журналисту и предложил идею: расширить поиск на современность. Да, современность Буджака радости не вызывает — депрессивный регион, с «убитыми» транспортом и промышленностью. Земли, на которые претендует соседнее агрессивное государство, которые абсолютно не защищены ни силой, ни международным правом. Место, которое действительно стало «углом», забытым Богом и властью.

Ну и что? Не впервой! Были бы только воля, желание и правильно поставленные задачи. Ведь история показывает, что и Буджак и не из такого превращали в конфетку. Так что идея была заманчивой.

Но сложной. Поскольку мы не могли писать «единым голосом»: политик, подчиняющийся бременю определенного властного протокола, и журналист, никакого пиетета перед любой властью и любыми протоколами не испытывающий. И политик предложил: «Ты пишешь все так, как видишь. А я, в случае необходимости, прокомментирую написанное. Знаю вас, журналюг... Вы же видите только то, что хотите. Зато —

самый широкий доступ к информации». Условие было честное — если авторы не сойдутся во мнениях и оценках — пусть решает Читатель.

Так появилась вторая часть — «Буджак. Анамнез», или «... и беды дней нынешних». Политик сдержал свое слово: журналист увидел все, что хотел, и имел возможность пообщаться со всеми, с кем считал необходимым. Причем это общение не было «подготовленным», поскольку журналист уверен, что самую объективную информацию в любом городе можно найти в трех местах: в такси, в пивной и в парикмахерской. И он их не обходил. Как не пропускал и местные администрации, райсоветы, управления портов, церкви, армию и прочая, прочая, прочая...

Так что во второй части мы «поем в два голоса»: критический тенор журналиста (и историка) Андрея Ганжи, и властный бас председателя Одесской областной рады (и историка) Николая Пундика. В общем: «Каждый за себя, и один Бог за всех».

Вот такие мы придумали «правила игры». Если Вы, Читатель, считаете что здесь «что-то не то», что «так нельзя» — отложите книгу сразу. Потому что мы не собираемся изменять нашим правилам.

Ну, а если Вы еще держите книгу в руках, тогда — с Богом!

Часть 1

**Исторические этюды,
или «Дела веков мультимедиа...»**

уджак... Область степей между Черным морем, нижним течением Дуная и Днестровской дельтой (включающей Днестровский лиман)... Благословенная и проклятая земля, земля обильных озер, вечных болот и иссушающей жажды. Турки эти места называли степью «Малый Хейхат», где «солнце и восходит, и заходит в степях... и там нет и следа веселья и радости». Крайний запад «степи Великий Хейхат» турецких географов, которая «тянется на протяжении одного года пути, от Московской страны до Чина и Мачина (Китай. — *Авт.*)». (Эвлия Челеби, турецкий путешественник XVII века). Арабы и персы называли эту землю «Дешт-и-Кипчак» (Кипчакская Степь), и восторга у них эта степь тоже не вызывала.

Но Челеби был уже не из тех ранних воинов-османов, которые в XIV веке делали рукоятки своих смертоносных ятаганов из берцовых человеческих костей. Это был аристократ уже дряхлеющей и деградирующей Турецкой империи, даже в своих путешествиях стремившийся к комфорту. А дети «Малого Хейхата» от комфорта и роскоши, бывало, бежали к полынным запахам своей Отчизны. Помните, в «Емшане» Аполлона Майкова:

И взял пучок травы степной
Тогда певец, и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят:
Он — грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, —
Пучок травы целуя, плачет!

Все правда, пусть и поэтическая. Когда два кипчакских хана, братья Сарычан и Артак (так правильнее, чем «Отрок» русских летописей), были разгромлены Владимиром Мономахом, второй бежал со своей ордой на Кавказ, где стал владельцем Абхазии и тестем грузинского царя Давида. Когда Мономах умер, брат предложил Артаку вернуться. Но тому были уже неинтересны песни былой славы и возможность будущих грабежей. Тогда Орев, посол Сарычана, вытащил пучок сухой полыни и отдал хану. Артак понюхал его — и вскоре его орда двинулась в кипчакские степи.

«Зов долины» оказался сильнее «золотого шатра», «роя абхазянок прекрасных» и «золота и серебра» роскошных пиров (как у Майкова).

В общем, не все так безнадежно было в дунайско-днестровских степях, как это казалось туркам и арабам.

В своей книге мы будем называть этот регион именно «Буджак». С академической точки зрения это, конечно, не совсем верно. Такое название дунайско-днестровские причерноморские степи получили только с конца XVI века, когда сюда вернулось тюркское племя мангыт. Но, если хотите, считайте это авторским капризом: мы решили историческое название сделать географическим. Во-первых, в таком качестве оно используется около четырехсот лет. Во-вторых — это красивое название. Так что: «Буджак» ныне, и присно, и во веки веков... Хоть при римлянах, хоть при татарах, хоть при турках. Хоть при суверенной Украине.

И еще одна маленькая точка над «і». Вторая часть книги посвящена ситуации в одном из регионов государства Украина. Поэтому для нас северо-западная граница современного Буджака — это украино-молдавский кордон. Исторически это тоже неверно: одна из ставок буджакских правителей была в Каушанах (Молдавия). Но давно ли история знает его, этот украино-молдавский кордон? А в средневековье, особенно у кочевников, само понятие «граница» было таким расплывчатым. Там, в зоне контакта земледельцев и скотоводов, вся жизнь была сплошным пограничным инцидентом. Или «фронтиром», как это любят называть американцы. Так что северо-западные границы «нашего» Буджака — это уже не каприз, а дань реалиям сегодняшнего дня.

Ну а теперь, когда все акценты расставлены, перейдем к рассказам о тех временах, когда Буджак был не забытым «послетатарским углом», а территорией, население которой заставляло нервно почесываться даже «властителей мира». В том числе — и римских императоров...

ГЛАВА 1

Онi почти сделали ЭТО!!!

Казалось бы — где она, та Римская империя, и где оно — наше Дунайско-Днестровское междуречье? И что такое, по сравнению с Великим Римом, наш крохотный уголок под нынешним названием Буджак?

Ан нет, заставили буджакские выходцы понервничать императоров! Причем не поздних, выродившихся и деградировавших вместе со своей Империей. А самого — Imperator Caesar Divi Nervae Filius Nerva Traianus Optimus Augustus Germanicus Dacicus Parthicus, Pontifex Maximus, Tribuniciae potestatis XXI, Imperator XIII, Consul VI, Pater Patriae — Императора Цезаря, Сына Божественного Нервы, Нерву Траяна, Лучшего, Августа, Германского, Дакийского, Парфянского, Великого Понтифика, наделенного властью народного трибуна 21 раз, Императора 13 раз, Консула 6 раз, Отца Отечества. Самого Ульпия Траяна (не путать с нынешним румынским Траяном — Бесеску), одного из самых великих императоров Рима и, безусловно, самого удачливого грабителя в его истории.

Крепость Бастарнских Альп

В среднем течении Дуная, на его левом берегу, есть удивительное место. Холмистое Трансильванское плоскогорье практически со всех сторон окружают высокие горы Южных Карпат, называвшиеся в древности Бастарнскими Альпами. Многочисленные притоки Дуная прорезают это горное кольцо, но лишь по трем из них можно было спуститься на Нижнедунайскую низменность. Короче — крепость (Рис. 1).

А к востоку от того места, где река Прут (у древних — Hierasus или Poras), — роскошный степной «коридор», где южноукраинская, еще точнее, — буджакская степь отделяется Дунаем от Нижнедунайской (или Румынской) равнины. И если переправиться через Дунай, да с хорошим конным войском, то перед тобой лежит богатая Южная Европа, такая заманчивая цель для тех ласковых мальчигов с мечами, что сидели на этих лошадях.

Поэтому спустя несколько веков этот «коридор» будут еще называть «Вратами Народов», хотя правильнее было бы назвать его их «Головной Болью». Поскольку именно через него на Европу будут накатывать волны «Великого Переселения народов» — готов, гуннов, аваров, венгров, болгар и так — до нашествия монголо-татар в XIII веке. А может быть — и русских в XVIII...

Но это все еще впереди. А пока, во времена Ульпия Траяна, в европейском мире правила бал Римская Империя. И она решала, кому существовать в этом самом мире,

Рис. 1. Дакия — крепость Бастарнских Альп

а кому исчезнуть. Причем решала сквозь призму ответа на древнейший вопрос: «А что я с этого буду иметь?»

А нужно ей было многое. После разрушительной гражданской войны 68 года новой эры ее победитель, император Веспасиан, правивший долгих десять лет, заявил, что ему нужно 40 миллиардов сестерциев, чтобы поднять государство на ноги. Запомним эту цифру...

Веспасиан честно пытался добыть эти деньги мирным путем — облагал налогом туалеты («деньги не пахнут» — это его), приторговывал старьем и даже рационалистично использовал коррупцию. По словам одного из его биографов, Светония, «самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить — говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим дает намокнуть, а мокрые выжимает».

Веспасиан старался. Но вот правление его сына, Диоклетиана, императорствовавшего с 81 по 96 годы, только усугубило ситуацию. К финансовым проблемам добавились моральные — Риму была нанесена откровенная оплеуха. Причем именно из Бастарнских Альп.

Именно там, в среднем и нижнем течении Дуная, в I веке новой эры проходил процесс формирования государства.

Сначала эту территорию заняло фракийское племя гетов и его лидер, царь Бергиста, стал настолько силен, что о родстве с ним всерьез задумывался сам создатель Римской Империи, Октавиан Август. Потом Бергисту убили, и геты задремали в воспоминаниях о собственном величии, пока туда не пришли их родственники, племя даков, и не начали всерьез создавать свое государство. Причем достаточно успешно. Настолько, что в 68 году, когда в Италии резали друг друга Гальба, Отон, Вителлий и Веспасиан (кандидаты на императорский пурпур), они даже хотели вмешаться в эту войну. Их удержал престарелый царь.

Римский политик и историк Секст Юлий Фронтин так описал это событие: «Скорилон, вождь даков, знал, что римский народ раздирается гражданской войной, однако не считал возможным перейти в нападение, так как при возникновении внешней войны могло восстановиться согласие между гражданами. Он выпустил перед своими соотечественниками двух собак, а в то время как они ожесточенно дрались, он показал волка; собаки, забыв спор между собой, немедленно бросились на волка; этим примером он удержал варваров от нападения, которое пошло бы на пользу римлянам».

Однако четверть века спустя ситуация качественно изменилась. Скорилон-миротворец умер и к власти пришел Децебал. Человек, которому даже его враги давали очень лестную характеристику: «Знаток военного дела, искусный и в самом ведении войны; который безошибочно определял подходящий момент для нападения и знал, когда нужно отступить; виртуозно использовавший засады, знавший толк и в регулярном сражении, он прекрасно умел пользоваться плодами побед и извлекать уроки из поражений. ...Он надолго стал для римлян достойным противником» (Дион Кассий).

Кем был Децебал? Или — что это было? Ответов на этот вопрос так много, что каждый из них вызывает весьма обоснованные сомнения. Нас, например, очень интригует само имя. Его окончание, «бал», не имеет никакого аналога с другими со-

хранившимися именами лидеров Гетто-Дакского царства (Беребиста, Декеней, Комосик, Корил-Скорилон, Дурас). А вот с семитским «Баал», «Ваал» («Бог», «Владыка») аналогия просто бросается в глаза. Например, в Карфагене «Баал-Хаммон» — это бог, распоряжавшийся плодородием. И имя легендарного врага римлян переводилось как «дар Баала» (Ганнибал). Так что, если вспомнить семитское «деце» («дитя»), то «дитя Ваала» — это прямой перевод имени дакского вождя. Или, скорее, его титула.

Но тогда мы имеем восточный семитский титул «во глубине Карпатских гор»? Возможно ли такое?

Более чем. Дело в том, что именно в Дакском царстве мы встречаемся с ситуацией, которую смогли создать в Древнем Мире, но не способны сотворить в мире современном: когда Запад дружил с Востоком.

Ведь на территории будущих «Врат Народов» (или современного Буджака) кочевали роксоланы, скотоводческое ираноязычное племя, относящееся к огромной группе сарматских племен, населявших в то время степные районы от Южного Урала и Западного Казахстана до Дуная.

И эти роксоланы, похоже, были компонентом Дакского государства, причем не так — простыми конфедератами своих индоевропейских соседей-даков, а полноценным государство-образующим этносом. Даже название столицы, Сармезигетуза, можно, конечно, с трудом ворочая домыслами, перевести как «город на вершине» или «теплый поток», но гораздо органичнее — как «Сарматов и Гетов город».

Страшный сон римской пехоты

А сарматы — это было уже серьезно. Даже с военной точки зрения. Потому что римлянам было не привыкать: построиться гибким манипулярным строем, врубиться в неорганизованную толпу варваров или малоподвижную греко-малоазийскую фалангу — и гнать противника, невзирая на его численность. Но стоило им, за полторы сотни лет до описываемых событий, столкнуться с тяжелой восточной кавалерией, усиленной легкими конными стрелками — и семь легионов (35 000 солдат), плюс 4 000 легких кавалеристов, растаяли, как лед под летним азиатским солнцем. Это было в битве при Каррах, в 53 году до н. э. И голова римского командующего, Марка Лициния Красса (того самого, победителя Спартака), украсила пиршественный стол парфянского царя Орода II.

Часть роксоланской конницы составлялась именно из таких тяжеловооруженных всадников. Римляне называли их «катафрактариями» (от греческого «покрытые броней»). У катафрактариев Древнего Востока все тело, включая ноги, было покрыто сложной броней, своеобразной смесью пластинчатого и чешуйчатого (лямеллярного) доспеха и немного — кольчуги. Тело лошади тоже укрывалось броневыми наголовником, нашейником и попоной. У парфян, победителей Красса, выглядело это страшновато (Илл. 1*).

* Все иллюстрации (илл.) размещены на цветных владках.

Примерно так же выглядели и сарматские аристократы. Римляне были не в силах понять, как это «варвары» смогли создать таких «универсальных солдат». И пытались «опустить» своих противников, оценивая их вооружение как смехотворное. Современник событий, географ Павсаний, специально описал сарматский доспех, хранившийся в храме Эскулапа в Афинах: «Из одних лошадиных копыт, разрезаны на тонкие и гладкие ломтики, которые клались один на другой, как рыба чешуя или как птичьи перья, и крепко нашивались на нижнее платье, сделанное из грубой материи». Но сам Павсаний отмечал, что это был «древний доспех». И можно еще добавить, что «кираса Павсания» была, наверняка, предметом культа. Потому что это очень дорого: разрезать лошадиные копыта на тонкие пластины. Проще их изготовить из железа (Рис. 2), что и показывает археология. Например, на Кубани, уже в первом веке новой эры панцирь присутствует в виде комбинированного доспеха, чешуйчатого и кольчужного, а самые ранние фрагменты кольчужных панцирей датируются еще более ранним временем, второй половиной I в. до н. э.

А еще на Востоке изобрели страшный так называемый «сарматский удар». Когда всадник на полном скаку поражал врага длинным, до 5 метров, копьём-контосом (Рис. 3).

Рис. 2. Чешуйчатый доспех

Рис. 3. «Сарматский удар»

Соединенных усилий всадника и лошади не могли выдержать никакой пехотинец и никакой пехотный строй. Конечно, для любого, когда-нибудь сидевшего в седле, все это похоже на какую-то «удалецкую скаску»: всадника просто снесет с лошади, когда копьё упрется в цель, ведь стремян-то еще не было. Но, во-первых, у наших

кочевых предков мышцы бедра, как и остальные мышцы, были покрепче нынешних. А, во-вторых, у Гелиодора, древнегреческого писателя IV века, можно прочесть интересное описание атаки катафрактария: «ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе. Острие копья сильно выдается вперед, само копьё ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копьё не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет кого ни попало, одним ударом часто пронзая двоих».

То есть копьё не удерживалось двумя руками, а всего лишь направлялось ими. И основное сопротивление цели преодолевал не всадник, а лошадь.

Конечно, могут возразить, что Андрей Гелиодор был скорее епископом, чем военным. Возможно, но атаки тяжелой персидской конницы он знал не по рассказам, поскольку родился в Эмессе, в Сирии. А в тех краях римляне воевали с персами только во второй половине III века н. э. ДЕСЯТЬ раз.

В общем, что бы то ни было, сарматская кавалерия была страшной силой. Особенно в сомкнутом строю, да в условиях нормального разгона по плоской поверхности. Такой, как, например, Нижнедунайская равнина. Поэтому немудрено, что роксоланы начали там пошаливать сразу после того, как освоились на территории нынешнего Буджака. Больше всего доставалось Мезии, римской провинции, которая располагалась на правом берегу Дуная.

И это при том, что в Мезии стояли отборные легионы Империи. Одни названия вызывают ужас: **V Македонский** (*Legio V Macedonica*), **VIII Дважды Августа** (*Legio VIII Bis Augusta*), **VII Клавдиев** (*Legio VII Claudia Pia VII Fidelis VII*), **V Жаворонков** (*Legio V Alaudae*), **I Итальянский** (*Legio I Italica*), **XXI Стремительный** (*Legio XXI Rapax*) и прочая, прочая, прочая. Просто жуть берет.

Но даков и роксолан это особо не пугало. Уже с 63 года Плавтий Сильван, наместник провинции Мезия, был вынужден воевать с сарматами. С переменным успехом: зимой 67–68 годов роксоланы вторглись в Мезию и «изрубили две когорты» (а это почти тысяча человек). А следующей зимой новый набег предприняли уже 9000 роксолан. Этим повезло меньше. Переведенный в Мезию из Сирии легендарный III Галльский легион разгромил их на льду замерзшего Дуная, в районе реки Олт.

Начало проблем

В общем, в 80-х годах в Подунавье сложилась критическая ситуация. С одной стороны — Римская империя, крайне нуждающаяся в деньгах (вспомним 40 миллиардов сестерциев, о необходимости которых так много говорил император Веспасиан). С другой — молодое и агрессивное государство даков, уже забывших притчу старика Скорилона. Причем государство очень богатое: ведь золото в Трансильвании румыны добывают до сих пор. Но об этом — позднее.

А на равнине, в Буджаке — роксоланы, чье благосостояние напрямую зависело от набегов на богатые римские территории. Такой узел трудно развязать — его проще разрубить.

Рубить начали даки. Зимой 85/86 годов они перешли по льду Дунай (в районе Железных Ворот, что на границе Сербии и Румынии) и напали на Мезию. Формальной причиной нападения был отказ императора Домициана выплатить дакам некие субсидии, обещанные еще Веспасианом. Атака была успешной: какие-то римские отряды были разбиты и в бою погиб консульский легат (наместник) Мезии Гай Огий Сабин.

Это был уже не удар по Империи, а пощечина императору, что гораздо обиднее и опаснее для обидчика. Ведь Сабин был консулом 84-го года, причем вместе с Домицианом. Такое не прощается... С римской стороны командование операциями принял начальник личной охраны императора (тогда это называлось «префект претория») Корнелий Фуск. Сосредоточив под своей командой не менее трех легионов, Фуск отбросил даков за Дунай. Тщеславный и кичливый Домициан в 86 году отпраздновал триумф над даками и приказал Фуску добить варваров. На свою голову...

В следующем году Фуск построил понтонный мост через Дунай и продвинул свои соединения вдоль Алуты (Олт) на север. Однако на горном перевале Ротен-Турм произошло невероятное — он был наголову разбит и нашел смерть в сражении. Как оказалось, руководить армией — это не тело императора охранять. Поражение было настолько полным, что из списка римских легионов исчез Legio V Alaudae, V Жаворонков.

Это может означать только одно — даже орел, символ и святыня легиона, попал в руки даков. Хуже было только в 9 году новой эры, когда три легиона, XVII, XVIII и XIX, потерпели поражение от германцев в Тевтобургском лесу. Престарелый основатель Империи, Октавиан Август, бился тогда в истерике и кричал, обращаясь к погибшему командующему: «Квинтилий Вар, верни легионы». Так что Ротен-Турм — это была вторая оплеуха.

Все изменилось в 88 году, когда командование римской «армией возмездия» принял консул 83-го года Луций Теттий Юлиан. Он начал свое наступление от Железных Ворот, в ущелье Тапы разбил армию Децебала и двинулся к Сермигетузе. Децебал уже вполне обоснованно опасался за свою столицу, но тут ему просто повезло.

В Верхней Германии восстал наместник провинции, консул 82-го года Луций Антоний Сатурнин. 1 января 89 года в Могонциаке (современный Майнц) он объявил себя императором. Сатурнина поддержали два легиона, в том числе — XIV Близ-

нецов Марсов Победоносный (**Legio XIII Gemina Martia Victrix**). Легион, который провозглашал императоров и в честь которого императоры чеканили свои монеты (Илл. 2). Со вторым легионом Сатурнина, XXI Стремительным (**Legio XXI Rapax**), мы еще встретимся.

Судя по всему, император перепугался. Домициану стало не до Дакии: впору было спасать собственную задницу, так уютно укутанную императорским пурпуром. Он отозвал Теттия Юлиана и начал собирать войска для войны в Германии. Даже из Испании был вызван VII Легион Близнецов (**Legio VII Gemina**), под командованием одного из лучших полководцев Империи, Ульпия Траяна.

Однако война не состоялась. Все оказалось просто... Пока перепуганный Домициан набирал войска, против Сатурнина выступил его коллега, наместник Нижней Германии А. Лаппий Максим. Во главе VI Победоносного легиона (**Legio VI Victrix**) он встретился с Сатурнином под Конфлуэнтесом (современный Кобленц). К узурпатору, из-за теплой погоды, растопившей лед на Рейне, не смогли подойти германцы, обещавшие помощь. А легионеры, очевидно — протрезвев после выдвижения императора, не горели желанием сражаться за «друга варваров».

Сатурнин погиб, Шестой Победоносный получил титул **Pia Fidelis Domitiana** («Преданный Честный Домициана»), но и мятежные легионы наказаны не были. Их отправили на Дунай, поближе к дакам.

Но время было потеряно, и войну с Дакией Домициан не продолжил. Он, очевидно по привычке, отпраздновал новый триумф в связи с победой над даками, хотя условия мира скорее говорят о поражении. Домициан заключил с царем Дакии Децебалом соглашения, которые можно назвать только позорными. Империя выводила войска обратно за Дунай и обязалась выплачивать варварам денежное содержание (фактически — контрибуцию). В обмен он получил только пленных, оружие и символы легионов, утерянные Фуском.

Вполне естественно, что после такого «мира» и даки, и роксоланы продолжали пошаливать на богатом римском берегу Дуная. И еще как!!!

В 92 году из списков имперских легионов исчез XXI Стремительный легион. Тот самый, который три года назад «двинул» Сатурнина в императоры. Именно в этом году Домициан, по свидетельству историка Светония, был вынужден воевать на Нижнем Дунае против роксоланов, привычно грабивших Мезию. Отогнать-то кочевников он отогнал, но ценой полной потери целого легиона.

Спустя четыре года Домициан погиб — от удара кинжалом в пах, нанесенного евнухом Стефаном, управителем имущества его жены. Не очень-то почетная смерть для человека, считавшегося, по статусу, первым воином Империи.

Сменивший Диоклетиана на троне престарелый сенатор Нерва предпринял очень правильный шаг для того, чтобы умереть в своей постели, а не повиснуть, по традиции римских императоров, на ноже убийц. Он усыновил Ульпия Траяна (Илл. 3), того самого командира VII Легиона Близнецов и лучшего полководца Рима.

Допустив Траяна на свои золотые монеты, Нерва добился главной цели: через два года он спокойно умер, оставив по себе самые благожелательные отзывы римских историков. А Траян взялся за даков всерьез.

Мраморная Книга дакских Войн

Как это ни странно, но эпоха Траяна не оставила по себе особо много книг. Ну, есть одна (неполная) 68-я книга «Римской истории» Диона Кассия, кое-что в «Римской Истории» Аммиана Марцеллина, немного в «Бревиарии» Флавия Евтропия да по несколько строк у Аврелия Виктора, Павла Орозия и других. Так что почитать о дакских войнах Траяна мы можем немного, хотя сам император вел дневник.

Зато мы можем воочию увидеть основное достижение императора. Потому что в Риме существует площадь, ограниченная улицами Via dei Fori Imperiali и Foro Traiano. И на ней стоит «Колонна Траяна». Этот монумент выполнен из 18 блоков каррарского мрамора, имеет высоту 29,74 метра (39 метров 83 сантиметра вместе с пьедесталом и капителью) и диаметр 4 м. Внутри колонна полая: в ней находится винтовая лестница со 185 ступенями, ведущая к площадке на капители.

Ствол колонны 23 раза спиралью огибает лента длиной 190 м с рельефами, изображающими эпизоды войны Рима и Дакии: всего на колонне 2 500 человеческих фигур. Траян появляется на ней 60 раз. Колонна создавалась как белоснежная книга траяновых побед. Книга с картинками из каррарского мрамора.

Не так давно европейские историки Терри Джонс и Алан Эрейра высказали забавную мысль: «поскольку нет места, откуда можно рассмотреть их (рельефы колонны. — *Авт.*) невооруженным глазом, следовательно значительную часть времени из 1900 лет, что колонна стоит на Форуме Траяна, большинство изображений были практически невидимы». И далее делают вывод: «Не исключено, что заплатив за них (рельефы. — *Авт.*), а затем убрав «с глаз долой», Траян фактически совершил жертвоприношение богам, даровавшим ему такую огромную милость, как возможность уничтожить целую нацию?» Хотелось бы, конечно, верить в благородство людей и стыдливость императоров, да не получается. 1900 лет назад колонна была не одиноким перстом, эрегирующим в римское небо (как сейчас), а частью огромного комплекса «Форума Траяна», построенного, действительно, на золото из дакской добычи.

Описывать этот комплекс я не берусь, проще посмотреть реконструкцию немецкого художника Гильберта Горски (Илл. 4).

По замыслу создателя Форума, архитектора Аполлодора из Дамаска, Колонна стояла во внутреннем дворе (Илл. 5), образованном зданиями Базилики Ульпия, храма Траяна и двумя зданиями Императорской библиотеки.

Находясь на галереях этих зданий, рельефы Колонны можно было изучать в самых мелких подробностях. Как и историю войны — от момента перехода солдат Тридцатого Ульпиева легиона (Legio XXX Ulpia) по плавучему мосту через Дунай в апреле 101 года и до заселения «зачищенной» дакской земли лояльным населением из соседних римских провинций и ветеранами кампании.

Мы не будем сейчас пересказывать историю двух дакских походов Траяна (в 101–102 и 105–106 годах). Этому посвящены сотни написанных книг и сотни книг еще не написаны. Подведем только самый краткий итог:

Сармизегетуза пала, Децебал покончил с собой, даки уничтожены, а Траян решил финансовую проблему Империи. Дион Кассий рассказывает об этом так:

«Были найдены и сокровища Децебала, хотя они и были спрятаны под рекой Саргетия, протекающей возле его дворца. С помощью нескольких пленников Децебал повернул русло реки, раскопал дно и сбросил в яму массу серебра и золота, и других предметов великой ценности, которые смогли бы сохраниться несмотря на влажность. Затем он навалил поверх камни и засыпал землей, после чего повернул реку в ее течение. Он также заставил тех же пленников спрятать его одеяния и прочие подобные вещи в пещерах и по завершении работы прикончил пленников, чтобы сохранить все это в тайне. Но Бацилий (дакский аристократ, предавший Децебала. — *Авт.*), его компаньон, знавший об этом, был схвачен и сообщил информацию о сокровищнице».

Сколько там было? Поверить сложно! Описаний походов Траяна не сохранилось, но это не означает, что их не было. Одно из них, записки Статилия Критона, личного врача Траяна, в VI веке попало в руки византийского чиновника Иоанна из Лидии. Из работы Иоанна «О магистратах» следует, что в Дакии, в казне Децебала, римляне взяли пять миллионов фунтов золота и 10 миллионов фунтов серебра.

Римский фунт — это 327,45 грамма. Во времена Траяна из фунта золота чеканилось 45 монет-ауреев. Следовательно только золотая добыча Траяна в Дакии — 225 миллионов ауреев. Или 22,5 миллиарда сестерциев, о которых мечтал Веспасиан.

Из фунта серебра римляне чеканили 96 монет-денариев. Из дакского серебра римляне могли начеканить 960 миллионов денариев, или 3 840 000 000 сестерциев.

Вот и получается, что в Дакии Траян взял 65 % той суммы, которая была необходима для восстановления после гражданской войны ВСЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ!!! Овчинка явно стоила выделки. И Траян, действительно, самый удачливый грабитель в истории Рима.

О том, как они почти сделали ЭТО!!!

А еще Траян был, безусловно, военным гением, да и римская военная машина не оставляла дакам шанса. Но они сражались достойно. И зимой 101–102 годов был момент, когда императора явно охватил озноб. Он был недалеко от поражения. И эта история хорошо отражена в рельефах Траяновой Колонны.

Итак — зима. Римляне устраиваются на зимних квартирах, а император отбывает в Рим — праздновать триумф. И вдруг Дакия наносит ответный удар. На Траяновой Колонне этой истории посвящен целый сюжет.

Даки и роксоланы переходят Дунай и вторгаются в Мезию (Рис. 4). Все было, конечно, не так организовано, как у римлян, которые для переправы сначала навели два понтонных моста, а потом, в канун второй кампании, построили огромный каменный.

Рис. 4. Переправа даков через Дунай

Даки и роксоланы переправлялись по старинке, вплавь, неся потери: дакский конник в центре рельефа явно тонет. Зато роксоланские катафрактары (в правом верхнем углу), во главе со своим предводителем Сусагом, целеустремленно рвутся в бой. Почему Сусагом?

Дело в том, что именно этот рейд буджакских кочевников в глубину римской провинции совершенно неожиданно стал темой письма Плиния Младшего к императору Траяну. Плиний последние три года своей жизни, с 110 года, был императорским наместником (легатом) в провинции Вифиния (Малая Азия). В своем творческом наследии он оставил несколько писем к императору, написанных блестящим слогом и в блестящем чиновно-политическом стиле: «Я старик честный, я старик прямой! Вы — гений, Ваше Величество!!!»

Но одно из писем посвящено отзывку роксоланской экспедиции в Мезию зимой 101–102 года. Некий Каллидром поссорился со своими работодателями, хлебниками Максимом и Дионисием, и был задержан властями. Там он рассказал, что «он был когда-то рабом у Лаберия Максима, захвачен был в Мезии Сусагом в плен и отправлен Децебалом в подарок парфянскому царю Пакору, много лет находился у него на службе, а затем бежал и очутился в Никомедии». Подробностей Плиний не выпытывал, поскольку был не столь любопытен, как его дядюшка, автор «Естественной истории» Плиний Старший. Тот погиб в 79 году, пытаясь вблизи наблюдать извержение Везувия.

Но два вывода из письма Плиния сделать можно. Во-первых, командира роксоланов звали Сусаг. И, во-вторых, царь даков пытался сколотить глобальную антиримскую коалицию, направляя посольства даже к царю парфян, самому могучему центральноазиатскому владыке того времени.

Но вернемся к рвущимся в бой роксоланам. В бой, органично связанный с грабежом (Рис. 5). Потому что Мезия — это страна богатых городов, правда — неплохо укрепленных. Приходилось штурмовать. Судя по тому, что пленных дарили даже парфянам, некоторые штурмы были удачными.

Рис. 5. Штурм римской крепости

Следующий сюжетно связанный рельеф (Рис. 6) показывает, что Траяну было явно не по себе. Он лихорадочно грузит на военные корабли три легиона (три легионных орла в центре картинке) и военные припасы. Дело явно происходит в Италии — город обнесен каменной стеной, многочисленными, украшенными портиками, общественными зданиями. И амфитеатром в центре. По логистике войны это должен быть военный порт Классис, будущая Равенна, место основного базирования одной из двух эскадр римского флота на Средиземном море.

Рис. 6. Армия Траяна грузится в порту Классис

Именно там можно было легко погрузить войска и подогнать гражданские корабли для транспортировки военных грузов. А дальше быстро переправиться через Адриатику в Сению, на далматинское побережье, и далее, по прекрасной римской дороге, через Мурсу и Сирмий — на театр военных действий.

Судя по всему, Траян так и сделал. И успел...

Потому что даки и роксоланы успели изрядно нагрузиться добычей. И когда Траян их «достал», они были вынуждены принять ночную битву: не бросать же добро. На следующем рельефе (Рис. 7) видно, как богиня ночи Селена «распростерла свой покров» и резня идет среди повозок, набитых добычей.

Рис. 7. Ночная битва

Даки явно стиснуты вспомогательными войсками римлян, германскими ауксиллариями (на рельефах Колонны они изображались обнаженными по поясу). А кавалерия римлян (в правом верхнем углу рельефа, Рис. 8) преследует отступающих роксоланских катафрактариев.

В общем, как всегда — победила жадность. Даки не смогли бросить добычу, а тяжелая кавалерия, ночью и вне строя, мало чего стоит. Поэтому для многих эта зимняя вылазка либо стала последней, либо закончилась в плену у римлян (Рис. 9).

Рис. 8. Катафрактарию бежут

Рис. 9. Расплата за жадность:
даки в римском плену

Рис. 10. Императорский плащ уходит
на повязки

Но и римлянам досталось изрядно. Один из рельефов (Рис. 10), вероятно, иллюстрирует историю, рассказанную Дионом Кассием: как император Траян, узнав что раненых очень много, отдал для перевязок свой плащ.

Но ведь сама идея была очень хороша: неожиданный удар зимой по тылам римской армии.

Откуда мог наноситься этот удар и где произошла битва?

Принято считать, что роксоланы поднялись вверх вдоль левого берега Дуная (как показано на карте, Илл. 6) и, соединившись с даками, переправились через Дунай в районе крепости Нове. Правда, становится непонятно, как переправляться через широкую реку вблизи от крепости, где с 69 года квартировал I Итальянский легион. И где бы варвары набрали столько добычи? В римских военных фортах по Дунаю? Да там, кроме неприятностей, грабители ничего не могли «поймать»!!!

Нет, гораздо более логичной кажется идея о том, что роксоланы переправились через Дунай в его самом нижнем течении и частым гребешком прошли по округам таких богатых и старинных городов, как Истрия, Томи или Каллатис.

Можно даже с уверенностью предположить: где это произошло. Очевидно в том пункте, который римляне, сразу после победы, постарались особенно укрепить. Это Трезмис, около современной румынской Бреилы. Там до конца II века располагался

лагерь V Македонского легиона: где тонко — там подшивают.

Ну, а где разбили «десант Децебала» можно сказать еще с большей уверенностью. Под небольшим римским городком Адамкиси, в современной Румынии, в 40 километрах от Констанцы. Дело в том, что у римлян, как и у греков, был обычай — сооружать трофей на победном поле. Именно на победном — поражений в Риме, в отличие от современной Украины, не отмечали.

Именно около Адамкиси в начале XX века, обнаружили остатки колоссального монумента, посвященного именно победе Траяна, так называемый «Трофей Траяна»

(Рис. 11, Илл. 7). На семиступенчатом круглом основании, диаметром 40 м, из каменных блоков был сложен круглый монумент. В нижней своей половине он был облицован прямоугольными плитами, а сверху тянулись два орнаментальных пояса, состоявшие из 54 метопа — четырехугольных плит с рельефными изображениями. Все это увенчано зубчатым парапетом и конической крышей из каменной черепицы. На вершине, на шестиугольном пьедестале, возвышался столб, на котором укреплены римские доспехи и щит, украшенный изображением головы Медузы.

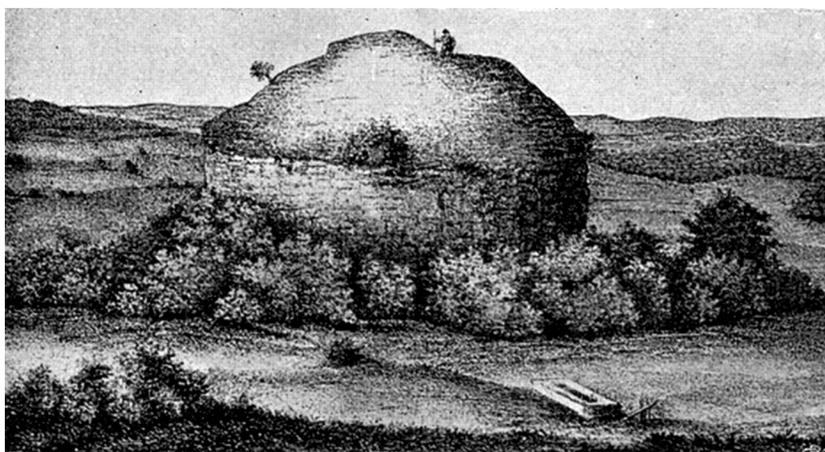

Рис. 11. Трофей Траяна, каким он был в 1909 году

Такие памятники, повторяем, ставятся только в честь побед. А других побед, кроме как над «десантом Децебала», Траян здесь не одерживал.

Под Адамклиси столкнулись два стремления, два желания, два замысла. Римляне оказались более сильными и более подготовленными. Они победили, но никто не сможет отрицать мужества их противников.

Как у Вознесенского: «Авантюра не удалась, за попытку — спасибо».

Еще один монумент

Немного севернее дельты Дуная существует еще один памятник: уже не римской славе, а, скорее, римскому испугу. Это «Нижний Траянов вал» в Буджаке, начинающийся у Комрата и, через острые верхушки буджакских пресных озер, доходящий до морского озера Сасык.

Рядом, в Молдавии, есть еще «Верхний Траянов вал», начинающийся у Леоу, на Пруте, и тянущийся в направлении Бендер. Есть еще вал немного южнее, в Румынию (Рис. 12). Там укрепленная линия длиной около 60 километров пересекает перешеек между Дунаем и Черным морем возле городов Чорнавода и Констанца (между древними Аксиополем и Томами).

Рис. 12. «Траяновы вѣлы» в Бужаке

«Траяновы», как и «Змиевые», валы — это одна из загадок отечественной истории.

Когда они были насыпаны?

От кого защищали? От набегов северных кочевников или, наоборот, северян от горячих южных парней? Поскольку, как писал еще в 1828 году Александр Фомич Вельтман, один из самых добросовестных исследователей памятника: «Здесь, напротив, все выгоды местоположения на стороне, прилегающей с севера... Они были первой и второй оградой противу оружия Траянова».

Мы очень рассчитываем, что когда-нибудь состоится комплексная экспедиция, которая даст ответы на вопрос. Тем более, что получить его не трудно: с какой стороны вала ров выкопан — оттуда супостата и ждали.

Но сейчас, под грузом уже известного знания, достаточно посмотреть на сводную карту валов, чтобы быть практически уверенным: Вельтман ошибался и «валы» это часть римского «лимеса», укрепленного рубежа Империи. Римляне строили его столетиями, начиная с Октавиана Августа: мощное пограничье, включавшее естественные барьеры и систему стен, валов, крепостей и отдельных постов. Вдоль лимеса прокладывали дороги, позволяющие быстро перебрасывать пограничные войска.

Римляне пытались окружить себя лимесами со всех опасных направлений: в Британии против пиктов, на Рейне — против германцев, в Триполитании — против берберов. Не мудрено, что они были обречены строить и дако-дунайский лимес, получивший название *Limes Transalutanus*.

Это была очень толково продуманная система обороны, перекрывавшая возможность свободного продвижения противника вдоль речных долин. И если всмотреться в общую схему *Limes Transalutanus* (Илл. 8), то нетрудно сделать вывод, что «Траяновы валы» в Буджаке органично замыкают линию лимеса на черноморское побережье.

Есть еще два соображения, которые убеждают в том, что «Траяновы валы» — это действительно творчество Траяна и его ближайших преемников.

Прежде всего, то обстоятельство, что линия «Нижнего Траяна» опирается на северные оконечности четырех озер Кагул, Ялпуг, Катлабух и Китай. Это очень убедительное доказательство того, что валы были насыпаны «южными» против «северных». Они прикрывали самые большие водоемы дунайско-днестровской степи. А каждый, кто побывал летом в Буджаке, знает, что это такое — глоток пресной воды.

«Нижний Траян», при желании, мог не позволить кочевникам поить скот. Очень удобная возможность, особенно если кочевники — это кавалерия, а скот — их боевые лошади. Если бы вал строился для защиты от нападений с юга, то такое его расположение просто приглашало бы нападавших отдохнуть и подкрепиться свежей водичкой перед началом боя.

И второе. Больше такое монументальное сооружение никто не мог построить. Готы, захватившие эти края в IV веке, были практически сразу сметены гуннами. Гунны вообще никогда не защищались, а только нападали. А если что-то очень напрягало — запрягали свои кибитки и откочевывали от греха подальше. Авары

(VI–VIII века) вообще имели другую идеологию защиты: они строили хринги, огромные военные лагеря, окруженные рвами и валами. Более позднее строительство таких масштабов неизбежно было бы зафиксировано болгарскими или византийскими письменными источниками. Но их нет!

Поэтому возьмем на себя смелость утверждать: в истории Нижнего Подунавья было только одно время, когда была возможна мобилизация сил и средств, позволяющих создать нечто подобное «Траяновым валам». Это именно эпоха Траяна и его наследников, то, что впоследствии назвали «золотой век Антонинов в истории Римской Империи».

Деньги у Траяна были, благо даков он обобрал очень качественно. Рабочие тоже: по информации Критона, он вывел из Дакии более полумиллиона рабов. Была и необходимость, поскольку задунайские роксоланы были не то что не покорены, но и даже не успокоены. Недаром первое, что сделал по вступлению на престол племянник и наследник Траяна, император Адриан, — это поехал на Дунай, договариваться с роксоланами.

Но победили, в конце концов, наши, «северные», бужакцы. В 180 году император Коммод был вынужден заплатить сарматам кучу денег и вывести войска из Днестровско-Дунайского междуречья. Еще через 90 лет император Аврелиан покинул Дакию.

Для Римской Империи наступала пора возмездия!!!

Глава 2

Қозға Бұржақ был ЦЕНТРОМ

Мы говорим о «Центре» в геополитическом смысле.

Наиболее распространенное определение «геополитики» — это «наука о контроле над пространством». И тогда «геополитический центр» — это место, где принимаются решения, влекущие за собой изменения структуры и смысла окружающих пространств. То есть, как *здесь* сказали, так *там* и сделали. Ну, примерно, как Вашингтон в современном мире.

И в истории Буржака было время, когда принятые там решения громом отзывались и на Волге, и на Кавказе, и в Болгарии, и в Сербии. А куда деваться, если эти решения принимал сам Ногай, один из самых могущественных людей XIII века.

Рис. 13. Субедей-багатур,
«пес» Чангиз-хана

Хотя, судя по имени, так и не скажешь: просто «собака», с монгольского. Иногда его еще называли «Есу Ногай». Тогда — «медная собака». Хотя монгольские «собаки» — это вам не простые дворняжки. Джамуха, побратим, а потом злейший враг Чангиз-хана, говорил так: «Это четыре пса моего Темучина (так тогда звали Чангиза. — *Авт.*), вскормленные человеческим мясом, он привязал их на железную цепь: у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру, в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи: у них текут слюни, они радуются. Эти четыре пса: Джебе, Кубилай, Джельме, Субедей».

Клыки одного из этих «псов», урянхайца Субедея, Европа ох как почувствовала на своей шкуре (Рис. 13). Сначала русские на Калке, когда его экспедиционный корпус разнес войска коалиции князей Киева, Чернигова и Галича. А потом уложил связанных

князей рядом, накрыл их деревянными щитами и уселся пировать на этой «подушке». Князья умерли, как и обещали монголы, «без пролития и капли крови». Спустя полтора десятка лет под клыками Субедея, которого, правда, с повода спускал уже хан Батый, полегла Волжская Болгария, Русь, Польша, Венгрия. Европу спас алкоголь, разъявший печень Великого Хана монголов Угедея. Его смерть, последовавшая 11 декабря 1241 года, остановила завоевательные походы — так велел закон, Ясса монголов. Польша, Венгрия и Германия смогли оклематься после катастрофических поражений под Хмельником, Легницей и Шайо.

Поднимаясь из неизвестности к вершинам

Так что с именем у Ногая было все в порядке. Хуже было другое: у него было очень мало шансов пробиться к вершинам власти в жестко структурированном аристократическом монгольском обществе. Да, он был чангизидом, праправнуком Чангиз-хана, но с очень далекой степенью родства. Его дед Букал был седьмым сыном первенца Чангиз-хана, Джучи.

Рис. 14. Справа — мавзолей Джучи, Казахстан

Джучи странно погиб где-то около 1227 года: в его гробнице около Жезказгана (Рис. 14), раскопанной в 1946 году, был найден скелет без правой кисти с надрубленным черепом. Учитывая плохие отношения принца с отцом, это «вызывает смутные сомнения» в естественной смерти отца Батыя и Букала.

Тем не менее, его потомство не было обделено после смерти Чангиза. Потомкам первенца «Сотрясателя Вселенной» был выделен Хорезм (регион между Каспийским и Аральским морем), Восточный Дешт-и-Кипчак (евразийская степная полоса от верховьев Иртыша до Волги), Кавказ и страны к северу от Каспийского и Черного морей, которые предстояло еще покорить.

Дети у Джучи были крутые — Орда-Эджен, Бату (великий Батый нашей истории), Берке, Шибан. Они возглавили «западный поход» монголов и покорили русские кня-

жества, Западный Дешт-и-Кипчак (от Волги до Дуная) и Крым. В результате «доля» потомков Джучи, как его тогда называли — «Улус Джучи», простиралась от Иртыша до Карпат и от Среднего Урала до южной части Каспийского моря. По сравнению с этими пространствами эфемерная империя Александра Македонского — просто возня в детской песочнице.

Через несколько десятков лет этот «улус» превратился в самостоятельное государство, набатом прогремевшее в истории Украины, России, Казахстана и Кавказа — «Золотую Орду». Хотя так называть ее стали только в XVI веке. Сами же ордынцы называли свою страну с гордостью: «Улуг Улус» (Великое Государство).

Именно Улуг Улус, «Улус Джучи», являлся ареной деятельности Ногая. Чангизида, предназначенного для безызвестности. В своем монументальном труде «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») перс Рашид ад-Дин привел генеалогию Ногая: «Седьмой сын Джучи-хана — Бувал. Первый сын Бувала — Татар. У него был сын по имени Нокай, а этот Нокай имел трех сыновей». Ради интереса мы подсчитали: Рашид ад-Дин перечисляет двадцать одного двоюродного брата Ногая по старшим линиям, идущим от Батыя. Дяди и дети старших кузенов просто подсчету не поддаются.

В таких условиях Ногаю, представителю младшей линии, и мечтать не приходилось сделать политическую карьеру. Но Ногай мечтал. И сделал...

Впервые он появляется на страницах исторических хроник в начале 60-х годов XIII века. Время было лихое. После смерти Батыя в 1256 году на престоле «Улуса Джучи» мимолетними тенями промелькнули сын и внук Бату-хана, Сартак и Улугчи. За этими явно преждевременными смертями маячили две фигуры.

Старшая жена Бату-хана, Борақчин-хатун, по отзыву персидского историка Ала ад-Дина Джувейни, была особой, обладавшей «обширным умом и умением распоряжаться». После смерти Батыя она поспешила выйти замуж за его сына, Тукана, и родить Туда-Мунке, которого и хотела теперь сделать ханом.

Но этого не хотел другой сын Джучи и брат Батыя, Берке. Он хотел сам. А почему бы и нет? Берке не было еще пятидесяти и был он сыном Джучи, а не каким-то там правнуком. Так что как государь он был, всяко, не хуже младенца Туда-Мунке: прекрасный воин и талантливый политик.

Очень талантливый. Он первым среди чангизидов принял ислам. Потому что выгодно было. Гильом Рубрук, фламандский монах, совершивший путешествие к монголам в 1255 году, рассказывал об этом так: «У Бату есть еще брат, по имени Берке, пастбища которого находятся в направлении к Железным Воротам (Кавказу. — *Авт.*), где лежит путь всех Сарацинов (мусульман. — *Авт.*), едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берке, привозят ему дары». Очевидно, эти дары и были причиной принятия ислама: своему больше дадут. Кстати, Берке был не один такой. Сын Батыя, Сартак, та самая мимолетняя тень на престоле в 1256 году, к примеру, был христианином. Правда, тот же Рубрук меланхолически заметил: «Что касается до Сартаха, то я не знаю, верует ли он во Христа, или нет. Знаю только, что христианином он не хочет называться, а скорее, как нам

кажется, осмеивает христиан... Если бы явились Сарацины и привезли больше, их почтили бы больше».

Боракчин в конце концов не смогла своего добиться и, в отчаянии, решила призвать на помощь двоюродного брата Берке, хана Хулагу, чьи владения включали в себя Иран, Ирак, Афганистан, Туркмению, Закавказье и восточную часть Малой Азии. Она отправила ему стрелу без оперенья и кафтан без пояса. Со словами: «Нет больше стрел в колчане и налучье осталось без лука. Приходи чтобы принять царство». Дама знала свое дело: прекрасная попытка столкнуть лбами двух братьев.

Когда об этом стало известно. Боракчин пыталась бежать, но ее поймали и казнили «по-царски», без пролития крови: зашили в кожаный мешок и утопили. Монголы считали, что кровь семейства Чангиз-хана не должна покидать их тел. Берке стал ханом «Улуса Джучи», который примерно с этого времени, во всяком случае — в русских летописях (Лаврентьевской), получил название «Орда».

Берке обиделся на Хулагу за поддержку Боракчин. А через год обиделся еще больше. Когда в 1258 году монголы взяли Багдад, они залили в рот мусульманскому халифу Аль-Мустасиму расплавленное золото. Не из почтения, а из презрения. Мустасим ничего не сделал для защиты Ирака, занимаясь перепрятыванием сокровищ.

Возможно, мусульманин Берке обиделся за халифа-«повелителя правоверных». Но уж точно он обиделся за то, что его обошли при дележке добычи. Ведь войска «Улуса Джучи», или Орды, как части «Yeke mongyol ulus» (Великой Монгольской Империи) тоже участвовали в походе на Багдад — целых 30 000 всадников. Берке обещали части Азербайджана и Северного Ирана, но Хулагу оставил их себе. Да еще порубил послов Берке, требовавших справедливости.

В результате началась война, в которой засияла звезда Ногай.

К тому времени Ногай был уже опытным воином и военачальником. В 40-х годах он принимал участие в «западном походе» монголов, командуя тысячей тюрок, которых называли «бешеными». Вполне возможно, что он принимал участие в походе на Багдад: об этом упоминают армянские историки XIII века Магакий и Стефан Сюнийский.

Во всяком случае, когда началась война между Берке и Хулагу, Ногай командовал арьергардом армии Орды.

Дело было между 1261 и 1263 годами (хронология этих войн, как и вся средневековая хронология, «плавает» у разных авторов) на Северном Кавказе. По рассказу персидского историка ибн-Вассафа, Ногай прошел Дагестан, миновал «Железные Ворота» Дербента и расположился лагерем. Хулагу атаковал. А далее — классика: «Ногай обратился в бегство и был преследуем большим отрядом, который овладел расположенным по ту сторону Терека брошенным воинами лагерем, где нашел много женщин, детей и скота». Надо ли объяснять, что произошло дальше? Воины Хулагу начали, как целомудренно сказал ибн-Вассаф, «предаваться пьянству и распутству». Праздник души и тела длился недолго, ибо через три дня вернулся Ногай. Похмельные южане ломанулись через зимний Терек, но «лед ломался под их ногами, и большое число их погибло».

Эта битва на Тереке малоизвестна в современной истории, но в XIII веке наделала много шума. В Европе ее даже рисовали, как, например, на миниатюре начала XIV века из книги Гетума Патмича «Цветник историй земель Востока» (Илл. 9).

Позволим себе отвлечься. На миниатюре победоносный Ногай изображен в доспехах европейского рыцаря. Другого в Европе не знали, хотя у монголов была своя прекрасная амуниция тяжеловооруженных всадников. В предыдущей главе мы уже замечали, что «тяжелые» конники — это совсем не европейское изобретение, на Востоке они были известны уже в древности.

Кстати, когда уже упоминаемый Джамуха увидел Чангиза на поле боя, он, с естественной для воина гордостью за настоящего противника и бывшего друга, сказал своему союзнику Даян-хану: «Это мой Темучин-анда (побратим. — Авт.), одетый с ног до головы в **железную броню**: он прилетел сюда, словно голодный коршун. Видишь ли его? Вы говорили прежде, что только монгол появится, так от него, как от барашка, не останется и копыт с кожей. Посмотри же теперь!»

И монгольские доспехи были удобнее европейских: ламеллярные, на кожаной основе, не стесняющие движений. Позволяющие не только тупо ждть рукопашной, но и вести стрельбу из луков. И не менее устрашающие, чем европейские: что на реконструкциях, что на средневековых изображениях (Рис. 15, Илл. 10).

Рис. 15. Монгольские тяжеловооруженные конные стрелки.
Европа такого не знала (из Рашид ад-Дина)

Но вернемся на поле битвы у Терека. После битвы Ногай сказал: «Это тела сыновей, дядей и родичей наших. Не оставим их на съедение волкам и собакам в степи» (Эль-Айни, XV век). И сложил из тел два холма, видимых в нескольких часах пути.

А хан Берке, еще более благородный, увидев эти холмы, крикнул: «Да посрамит Алла Хулагу этого, погубившего монголов мечами монголов. Если бы мы действовали сообща, то мы покорили бы всю землю» (Рашид ад-Дин).

Единственное, что мог сделать Хулагу — это в ярости казнить всех купцов с севера, конфисковать их имущество и сразу умереть. Надо отдать должное Берке: он не преминул воспользоваться моментом, и пополнил свою казну имуществом иранских купцов, на свою голову оказавшихся в Орде. «На свою голову» в прямом смысле, ибо они тоже были ее лишены.

Но «разборка на Кавказе» не закончилась. Через два года наследник Хулагу, Абахан вновь привел туда свое войско. И снова с ним разобрался Ногай.

Хан Берке назначил его командиром авангарда. Следом шло основное войско под командованием Ясунтая, племянника Берке. Они вновь прошли Дербент и подошли к Куре, через которую уже переправились хулагиды. И началась «комедия ошибок».

Сначала отряды Ногая столкнулись с иранскими монголами, а потом, по рассказу египетского историка ан-Нувеири, «...когда войска Абаги увидели Ясунтая, приближавшегося с огромной ратью, точно покрывало темной ночи, то они скучились и собрались бежать. Ясунтай, увидев, что они столпились, и вообразив, что они окружили Ногая и тех, кто был при нем, не замедлил уйти назад и поспешно обратился в бегство. Ногай же погнался за войсками Абаги, настиг их, сразился с ними, разбил их, умертвил часть из них и одержав победу над ними вернулся к Берке».

А дальше у ан-Нувеири есть очень многозначительная фраза: «Усилилось значение его и возвысилось положение его, Берке поставил его над несколькими туменами (десятитысячными отрядами воинов. — *Авт.*) и он был причислен к ханам». Что означает это — «причислен к ханам»? Полагаем одно: Ногай стал владельцем улуса. Улус у монголов — это примерно тоже, что и «вотчина» у русских, «аллод» у европейцев или «мульк» у египтян: право феодальной собственности на землю, не обусловленное несением государственной службы, которое могло быть продано, подарено или передано по наследству. Так что ордынские ханы были в полном праве называть «Великих князей Владимирских», как и князей Московских, своими «улусниками».

Так вот, если до войн на Кавказе Ногай появляется на страницах хроник только как военный командир, то с середины 60-х годов появляются упоминания о «землях улуса Ногая» в составе Орды. Первые земельные пожалования Ногай получил на Яике (река Урал) и Северном Кавказе, где-то в местах своей первой блестящей битвы с Хулагидами.

Ногай искренне уважал (или боялся) хана Берке. В письмах египетскому мамлюкскому султану Бейбарсу он называл Берке «отцом», хотя реально приходился племянником «седьмой воды на киселе». Как и Берке, он принял ислам, хотя никакого «религиозного порыва» в его дальнейших делах нет. А дела были великие.

Иллюстрации к 1 части
Исторические этюды, или «Дела веков минувших...»

Илл. 1. Парфянские катафракты, ужас пехоты

Илл. 2. Монета Септимия Севера с «орлом» 14 легиона

Илл. 3. Золотой аурей Нервы—Траяна

Илл. 4. Форум Траяна во II веке н. э.

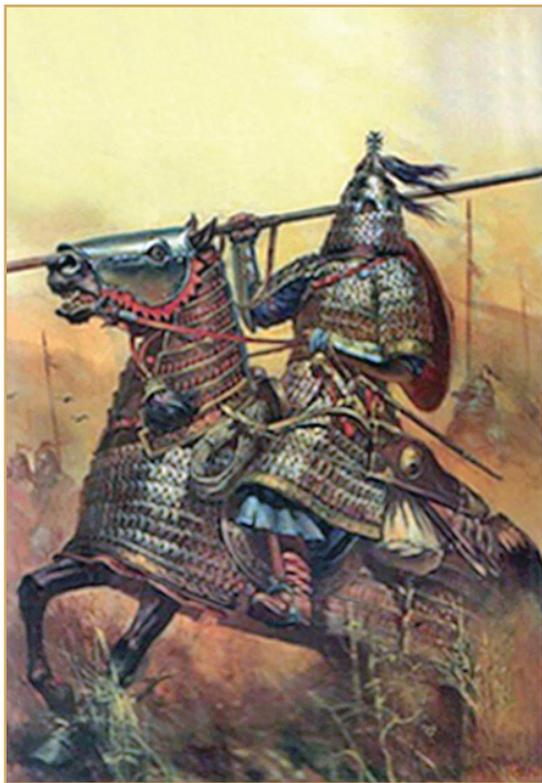

Илл. 5. Колонна Траяна

Илл. 9. Внутритатарские «разборки» XIII века. Битва на Тереке

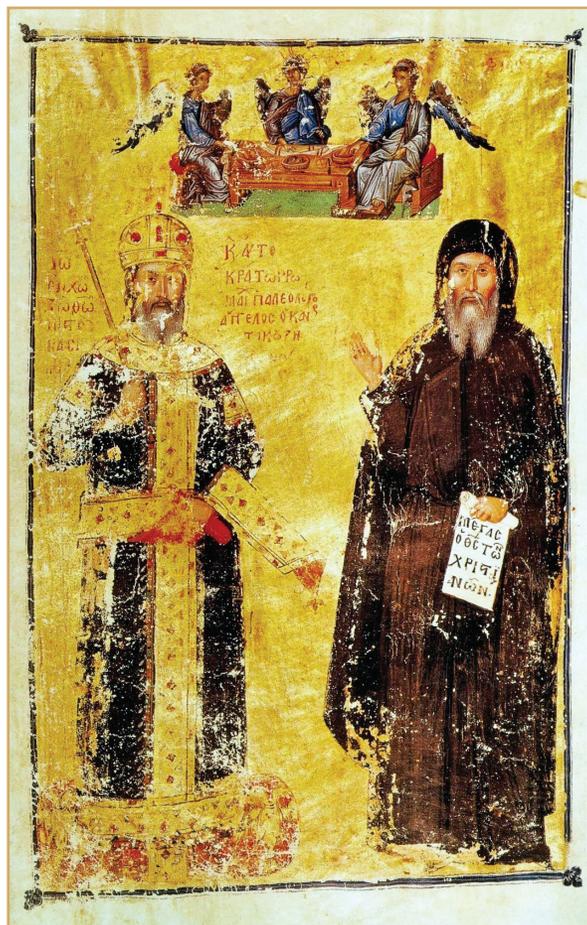
Илл. 10. Вот такими они были, полудикие восточные пастухи

Илл. 11. Ногай, лев Буджака

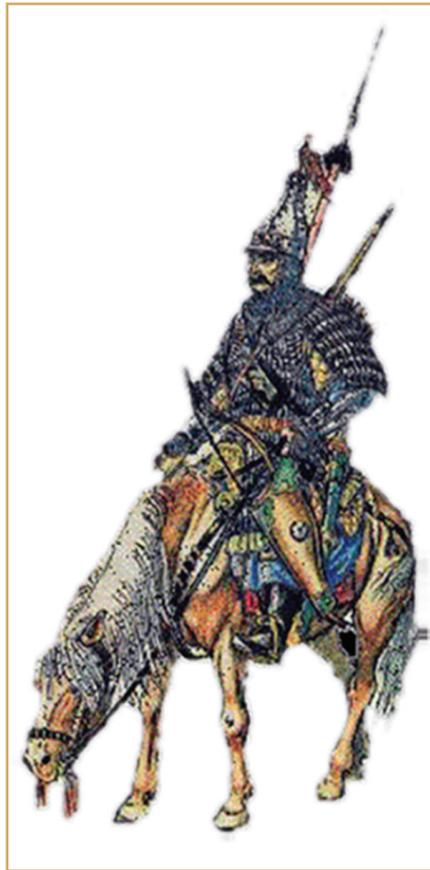
Илл. 12. Монета Ногай, чеканенная в Подунавье:
и никакого намека на центральную власть

Илл. 13. «Все бренно...» Иоанн Кантакузин в образах императора и монаха. Миниатюра из его «Теологических произведений»

Илл. 14. Боевое знамя Стефана III

Илл. 15. Калмыцкий воин

Илл. 16. Эвлия Челеби

На вершинах (1)

В 1266 году умер хан Берке. Он не оставил сыновей, поэтому единственными законными наследниками были два внука Батыя, Менгу-Тимур и Туда-Менгу. Сыновья Тукана, второго мужа Боракчин-хатун. Той самой, которая очутилась в «мешке утопленницы» после неудачной интриги против Берке.

Менгу-Тимур сделал очень много для укрепления Орды и развала Монгольской империи. Даже начал чеканить монеты со своей тамгой (родовым знаком), а не именем Великого Хана (Рис. 16). А во внешней политике начал укреплять единство государства и границы Орды. Менгу покровительствовал русским, и летопись даже отметила, что после смерти Берке «притеснение со стороны татар сильно облегчилось».

Рис. 16. Монета Менгу-Тимура

Первый ярлык (указ) о запрещении, под страхом смерти, отбирать церковные земли или требовать выполнения какой-либо службы от церковных людей тоже был дан именно Менгу. Хан поддерживал новгородскую торговлю на севере и обеспечил европейскую торговлю на юге, в Крыму, передав во владение генуэзским купцам Кафу (современную Феодосию).

А для укрепления юго-западных границ ханства на Дунай был послан Ногай.

Балкано-Дунайский регион в это время кипел на огне болгаро-византийской войны. История такова.

В 1257 году болгарский престол захватил сын македонского боярина Тиха, Константин. В 1261 году византийский император Михаил VIII Палеолог, до этого времени правивший в Никее, возвратил грекам власть над Константинополем. До этого городом правила Латинская династия, преемники крестоносцев, захвативших город в 1205 году. Но вечером 24 июля 1261 года латиняне забыли закрыть ворота, и находившийся поблизости небольшой конный отряд грека Алексея Стратигопула вернул город Михаилу.

Константин тут же начал войну. У него был повод: Михаил выколол глаза своему соправителю, малолетнему императору Иоанну IV, сестра которого, Ирина, как на грех, была женой Константина Тиха. Болгарский царь не без оснований стал рассматривать себя как законного претендента, а Михаила — как узурпатора и преступника.

В 1268 году умерла болгарская царица Ирина, и Михаил решил утихомирить болгарина женским телом. Он предложил Константину в жены свою племянницу Марию. Тот согласился, поскольку к телу прилагалось обещание вернуть болгарские города, захваченные в предыдущие годы. Девушку византийский император отдал, а города — нет. Война началась снова.

Именно в такую обстановку попал Ногай. В Буджак. В статусе, по словам персидского историка Хамадаллаха Казвини, начальника войска (эмир-и-лашкар) ханства. В русских источниках его часто называют «темником» (предводителем тумена, 10 000 воинов), но это явная недооценка, поскольку еще Берке отдал под команду Ногая, после его кавказских побед, несколько туменов.

Интермеццо

Мы позволим себе отвлечься от рассказа о деяниях Ногая и задаться вопросом: а каким был он сам. Изображений Ногая практически нет: во всяком случае, нам удалось найти только одно (Илл. 11), да и то лишь предположительное.

Но представить себе, как выглядел Ногай — полагаем возможно. У ал-Муфаддала сохранилось описание хана Берке: «У него жидкая бородка, широкое лицо желтого цвета. Волосы он зачесывал за уши, а в одном ухе у него висело золотое кольцо с ценным камнем. Хан был одет в шелковый кафтан, на голове — колпак. Он был опоясан золотым поясом из зеленой болгарской кожи, украшенным дорогими камнями. На ногах он носил башмаки из красной кожи». Ногай искренне если не любил, то уважал Берке. Поэтому можно предположить, что он старался быть на него похожим.

Да и вообще, все чангизиды второго поколения были похожи друг на друга (гены — страшная вещь). Поэтому можно предположить, что внешне Ногай был похож, или стремился быть похожим, на главного чангизида своего времени, хана Хубилая. К портрету которого (Рис. 17) практически полностью можно приложить описание внешности Берке-хана.

Рис. 17. Великий Хан Хубилай

Этот внук Чангиз-хана (1215–1294) был Великим Ханом Монгольской Империи с 1260 года. Окончательно покорил Китай, Бирму, Камбоджу и Корею. Основатель династии Юань (1271–1368), периода монгольского правления в Китае.

Правда совсем похожим он быть не мог, поскольку у Хубилая было два глаза. Ногай же лишился глаза от удара копьем во время второй войны против хулагидов.

Кроме того, Ногай был монгольским традиционалистом. Даже когда он управлял четвертью современной Украины и по-

ловиной Молдавии, когда получал дань от Болгарии, Византии и Сербии, он пугал «цивилизованных европейцев» своим видом. У Георгия Пахимера, византийского историка, есть очень образный фрагмент: когда византийский император прислал Ногаю драгоценные одеяния, он интересовался не ценностью, а полезностью этих одежд. А дальше — блестящий эпизод: «Если его не останавливали, то он рвал присланные одежды; а когда иную и примерял, — то только по дружбе к царю, да и то на минуту, а потом тотчас снова являлся в своей собачьей или овечьей, и гордился ею больше, чем теми многоценными».

Ну а гастрономические пристрастия Ногай заслуживают неимоверного уважения. Он любил «проколов вену коня, пить его кровь; а когда понадобилась бы более твердая пища — внутренности овцы, говорил, налей кровью и положи их под седло, — запекаясь немного от лошадиной теплоты, она будет твоим обедом».

А своему народу, по словам Пахимера, Ногай дал законы такого рода: «Не поддаваться неге, довольствоваться тем, что случится, помогать друг другу, избегать самозакония, любить общину, не думать о средствах жизни, употреблять всякую пищу, никакую не считая худой, иметь много жен и предоставлять им заботу о приобретении необходимого». Такой кодекс вызывает симпатию и сейчас, ну а в то время, в сравнении с изнеженными нравами греков и славян, он способствовал формированию такого народа, в столкновении с которым остальные не имели шансов.

Немудрено, что Пахимер меланхолично писал, что «дерзость тохарцев (так он называл монголов. — *Авт.*) мы еще удерживали — не мужеством войск, а дружественными, или лучше сказать, рабскими пожертвованиями, — вступали с ними в родственные связи и посылали им подарки, иногда превосходные и величайшие».

На вершинах (2)

Кто он был, тот народ, что в конце XIII века населял нынешний Буджак и с которым Ногай диктовал свои условия всей Юго-Восточной Европе?

Население степной зоны Правобережной Украины в середине века жило в состоянии анархии. Монголы выгнали оттуда кочевников-половцев, но у них самих руки до этих территорий просто «не дошли». Поэтому «племена, обитавшие к северу от Эвксинского Понта (Черного моря. — *Авт.*), издавна подчиненные римлянам, но по взятии города латинянами и по причине крайнего расстройтва римских дел, отложились от своих владык и управлялись самостоятельно». Племен было много: Пахимер называет алан (потомки сарматов), зикхов (северокавказские племена, предки адыгов), готов (германское племя, господствовавшее здесь в IV–V веках), русов (славяне).

В этот коктейль Ногай привел организованную (как это ни непривычно звучит для современного европейского уха) орду. Судя по всему — монгольского рода мангыт (называемого греческими хронистами «тохарцами»), переданного в управление Ногаю после войн с Хулагидами. Он «возбудил смелость в своем племени —

выйти из Каспийских ворот и обещал ему победы, если оно будет послушно его законам».

Судя по всему, сопротивление Ногаю не оказывалось. Пахимер пишет, что местные племена, изучив язык тохарцев и, вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались союзниками их на войне. «От этого тохарское племя, скоро до чрезвычайности распространившись, сделалось могущественным и, по своей силе, неодолимым».

Поэтому неудивительно, что именно воины Ногая определяли ход болгаро-византийской войны. Сначала монголы выступили на стороне Константина Тиха. Другой известный византийский историк, Никифор Григора, так описывает ход войны: «Константин сзывает более 20 тысяч приистрийских скифов (так Григора называет людей Ногая. — *Авт.*) и с ними со всею поспешностью вторгается в римскую землю, твердо надеясь взять в плен и самого царя, находившегося в дороге. Скифы растянулись по всей Фракии до морских песков, точно сеть, чтобы никто ни из животных, ни из людей, ни сам царь не избежал их рук. Все и сделалось по их желанию; только царь ускользнул и обманул их ожидания». Эта тактика еще много веков будет использоваться татарами на Украине. Через три с половиной века ее подробно опишет французский инженер на польской службе Боплан: когда татарское войско разделялось на отряды по несколько сот человек, которые отделяются от главных сил поочередно и «рассыпаются по деревням, окружают селения со всех четырех сторон и, чтобы не ускользнули жители, раскладывают по ночам большие огни; потом грабят, жгут, режут сопротивляющихся, уводят не только мужчин, женщин с грудными младенцами, но и быков, коров, лошадей, овец, коз».

Греки были в ужасе и пустили в ход оружие, которым владели лучше всего — женское тело. В 1273 году Михаил Палеолог отдал Ногаю свою внебрачную дочь, Ирину. Надо отдать должное старому монголу: после этого у него с Михаилом «вследствие родственных связей была крепкая дружба. Незадолго пред тем он вступил в брак с побочной дочерью царя, Ириной; потому-то и был в дружбе с царем» (Никифор Григора).

Ну, например... В 1277 году Константин Тих был убит в сражении с войском восставших болгарских крестьян под предводительством пастуха Ивайла Лоханы. Ивайло стал царем. Три года крестьянское войско Ивайла творило чудеса, громя греков и сдерживая монголов. Но плетью обуха не перешибешь, и в 1280 году он был вынужден бежать от греков. К Ногаю...

Старый татарин был в восторге: к его ногам припадали целых два болгарских царя — Ивайло и потомок старой царской болгарской династии Асеней, Иван III. Ногай бахвалился, а решал судьбу царей, все-таки, император Михаил: «Между тем Лохана, отправившийся тогда в Скифию в видах упрочения своей власти, по тайным проискам императора, платится там за свои дела своею кровью» (Никифор Григора). Ивана III спасла та самая Ирина, жена Ногая и побочная дочь императора. Иван вернулся в Византию и умер в неизвестности.

Новый царь Болгарии, Георгий Тертер был вынужден не только признать власть Ногая, но и отдать ему в заложники своего сына Федора-Святослава (будущего царя).

И прислать в жены старшему сыну Ногая, Чаке, свою дочь Елену. Но не помогло. Ногай сменил Георгия на Смильца, который был верным вассалом монгола до 1298 года. Пока его, как ставшую ненужной вещь, не сбросил Ногаев сын, Чака.

В 1292 г. власть Ногая признала Сербия. А попробуй не признай, когда готовился для похода туда отряд конницы из монголов, половцев, алан, осетин и русских. Король Милутин, понимая бессмысленность сопротивления, предупредил поход посылкой к Ногаю делегации с богатыми дарами и с изъявлением покорности, однако тот потребовал в знак верности старшего сына Милютина, его наследника 17-летнего Стефана, с видными «боярами», что было исполнено. Ногай смилился и поход был отменен.

Но, похоже, все это Ногай делал уже так, походя. Потому что с 1282 года его внимание было приковано к гораздо более ценному призу — верховной власти в Орде. Там умер Менгу-Тимур.

А Ногай был могуч. Похоже, он обладал полной если не суверенностью, то автономией. Во всяком случае, грек Пахимер так описал политику Ногая по отношению к центральной власти Орды (ставка хана в то время находилась в Сарай-Берке, под Волгоградом): «Видя же, что завоеванные земли хороши, а жители легко могут быть управляемы, он отложился от пославших его ханов и покоренные народы подчинил собственному своему владычеству».

Можно только представить себе, с каким неудовольствием Ногай воспринял тот факт, что он не может быть избран ханом всей Орды, поскольку оставалось еще много прямых потомков Батыя, второго сына Джучи. И потомку седьмого сына надеяться было не на что. Поэтому он сделал то, что обязан был сделать любой умный региональный политик: ослабил центральную власть. По сообщению Марко Поло, после смерти Менгу-Тимура престол должен был перейти к сыну его старшего брата Тарбу, амбициозному молодому царевичу Тула-буге. Но, по настоянию Ногая на престол был посажен брат умершего хана, Туда-Менгу. Сын той самой Боракчин-хатун, которую утопил почитаемый им хан Берке.

Такой выбор понятен. Туда-Менгу был очень слабым ханом. В 1283 году он обратился в ислам и увлекся учением суфиев (жить в бедности, очищать душу через любовь ко всему человечеству — и другая опасная ерунда с точки зрения воинственного монгола-традиционалиста). Под влиянием суфизма Туда-Менгу утратил интерес к своей власти и пренебрегал государственными делами к ужасу ведущих князей и знати. Вскоре распространились слухи, что хан душевно болен. По-видимому, уже через недолгое время столичная ордынская аристократия, оппозиционная Ногаю, предложила все-таки передать часть власти неудачливому Тула-Буге.

Ногай не начал междоусобицу: время уничтожать соплеменников еще не пришло. Тем более, что в центр его интереса попали Запад и Русь.

На Руси, мучимые приступом «братской любви», начали рвать друг другу глотки два сына Александра Невского, Дмитрий и Андрей. Призом свары был ярлык «старшего князя на Руси», Великого князя Владимирского. Так назывался указ хана, который, фактически, определял того улусного чиновника (русского князя), на которого

возлагалась ответственность за покой в стране и своевременную выплату платежей центральному правительству (дани).

Должность была опасная. Из 14 Великих князей, которые «смотрели за Русью» до времен Ивана Калиты Московского (после него ярлык практически постоянно был у москвичей), татары одного изгнали, четырех отравили и троих казнили.

Но должность была выгодная. Во-первых, старшинство среди русских князей поддерживалось очень убедительным аргументом — монгольскими саблями. Во-вторых, сбор — что дани, что налогов — всегда обогащает сборщика. Это аксиома человеческой природы.

В общем, умереть своей смертью в статусе «Великого князя», удалось только одному, а именно «любящему брату» Андрею.

Дмитрий, князь Переяславль-Залесский, после смерти своего дяди в 1276 году, принял титул «по старшинству». Монголы не возражали. Однако возразил его нежнолюбящий брат Андрей, князь Городецкий. В 1281 году он поехал в Сарай-Берке и оклеветал брата перед Менгу-Тимуром. За что и получил ярлык. И отряд воинов для «аргументации ярлыка».

Дмитрий бежал. Сначала в Литву, а потом, через два года — в Буджак, к Ногаю. Не к хану, витающему в суфизме Туда-Менгу. А к тому, кто обладал реальной силой. И не прогадал.

Ногай не отправлял отрядов. Он просто приказал Андрею освободить место, и тот пушинкой слетел с великокняжеского престола. А когда Андрей попытался, с помощью нанятых ордынских отрядов, опять «опустить» брата, Дмитрий не побоялся поднять меч на татар, будучи убежден в поддержке Ногая.

Но поддержка не бывает вечной. И в 1293 году к Ногаю уже приезжает Андрей: с подарками и кляузми. На этот раз все оборачивается очень печально для Русской Земли. Ногаю надо было укреплять связь с новым ордынским ханом, Тохтой, а что может лучше скрепить дружбу, чем маленькая победоносная войнушка? Поэтому брат Тохты, Тудан, получил войско и, практически без сопротивления, «много причинили пакости христианам, безвинные города разрушив. Володимер, Москву, Дмитров, Волок и иные грады, положив землю пусту» (Новгородская четвертая летопись). В памяти Руси этот поход известен под страшным названием «Дюденовой рати», по разрушительности сравнимый с Батыевым нашествием. Дмитрий бежал, а Андрей стал Великим Князем. И в этой должности он умер в 1304 году.

Но Русь — это так, достаточно приказа. А вот с Западом пришлось постараться. Орде была необходима большая война, поскольку долгий мир всегда обостряет противоречия верхушки государства, а в условиях «суфийского сумасшествия» слабого правителя Туда-Менгу это могло привести к столкновениям внутри Орды.

Поэтому в 1282 году (датировки в разных источниках, опять-таки, «плавают») Ногай и Тула-Буга возглавляют поход ордынских войск в Венгрию. И Ногай очень технично «подставляет» Тула-Бугу. Ипатьевская летопись сообщает, что «В лето 1282. Пошли окаянный и беззаконный Ногай и Телебуга с ним на Угры в силе тяжкой и бесчисленном множестве. Повелев за собой пойти русским князьям. И много зла

сотворили незаконные татары христианам». Далее ордынские силы разделились, и «Ногай пошел на Брашев... а Телебуга 30 дней блудил в горах, водимый гневом Божьим. И был у него голод велик, и начали людей есть, потом начали и сами умирать, и умерло их бесчисленное множество. Окаянный и незаконный Телебуга вышел пеший, со своей женой об одной кобыле, посрамлен от Бога». В глазах рожденных в седле монголов это выглядело так же дико и смешно, как сейчас нардеп на «Запорожце».

В общем, Тула-Буга просто заблудился со своей армией в отрогах Западных Карпат. А вину за свою неудачу он возложил на Ногаю.

В следующем, 1283 году, на Польшу Ногай и Тула-Буга идут разными колоннами, «поскольку было между ними нелюбие великое» (Ипатьевская летопись). Но сам поход был удачен. Одних только девиц незамужних захватили 21 000, а «Лядскую землю сотворили пусто».

Разные источники по разному датируют походы в Венгрию и Польшу. У египтянина Рукн эд-Дина Бейбарса они вообще отнесены к 1288 году. Мы более склонны доверять русским летописям: они ближе, им виднее. Но все источники едины в одном: даже удача польского похода не примирила Ногаю и Тула-Бугу.

И это было уже опасно для нашего «буджакского льва», поскольку в 1287 году Тула-Буга стал ханом Орды. Туда-Менгу то ли умер, то ли отказался от власти, окончательно «уйдя в суфизм».

В то время Ногай был сильнее Тула-Буги, поскольку венгерский поход значительно подкосил силы последнего. Но ждать было нельзя. Поскольку Тула-Буга был все-таки, ханом а Ногай, формально, только владельцем одного из ордынских улусов. И Тула-Буга был правнуком самого Бату-хана, а Ногай имел к нему пусть и родственное, но весьма отдаленное отношение. Время играло на стороне молодого Тула-Буги. Так что надо было действовать, и действовать надо было быстро.

Поэтому Ногай практически сразу привлек на свою сторону трех сыновей Менгу-Тимура, а также очень амбициозного и умного его племянника, Тохту. И, что самое важное, привлек на свою сторону женщин. Мать Тула-Буги, чье имя неизвестно даже всеведующему персу Рашид ад-Дину, и жену Мегну-Тимура, Джиджек-хатун. И матери предали, вольно или невольно, своих сыновей.

В 1291 году Тула-Буга собрал войско для того, что бы атаковать Ногаю — и Ногай сдался. Он не то что отказался от войны, но даже предложил передать хану всю свою политическую мудрость. А как еще оценить такие строки в письме матери Тула-Буги: «Сын твой еще царь молодой, и я хочу наставить его и научить приемам, полезным для установления порядков и определения внешних и внутренних дел его, но мне нельзя взяться за это иначе, как в уединенном месте, куда не забрался бы никто кроме него; я желаю встретить его с небольшим числом людей, и чтобы около него не было никого из тех войск, которые он собрал вокруг себя?» Только как выражение готовности передать власть и приемы ее исполнения. И мать воздействовала на сына так, как это было необходимо Ногаю: Тула-Буга распустил войско и согласился на встречу. И даже более — он, не без влияния Джиджек-хатун, взял с собой тех сыновей Менгу-Тимура, которые еще остались на его стороне.

Ногай устроил засаду. Он, с малым количеством людей, встретился с Тула-Бугой и царевичами. И никто не успел и глазом моргнуть, как ордынский хан оказался окруженным войском Ногая, которое привел Тохта. Ногай приказал снять Тула-Бугу и его спутников с коней и связать их. А потом сказал Тохте: «Вот этот завладел царством отца твоего и твоим царством, а вот эти сыновья отца твоего согласились с ним схватить и убить тебя. Я отдаю их в твои руки; умертви их, как хочешь». Молодой ордынец был рад стараться: ведь это же редкая удача — одним махом покончить с ханом и большинством своих братьев. Поэтому хану и сыновьям Менгу-Тимура покрыли головы попонами и переломили спины. То есть — казнили как царей, без пролития крови.

Начало этой традиции было положено еще в молодые годы Чангиза. Когда он взял в плен своего кровного побратима-анду и самого опасного врага, Джамуху, тот попросил казнить его без пролития крови. За что пообещал, по смерти, быть вечным покровителем потомков своего Анды. Джамухе сломали хребет (положили ничком и дотянули пятки до затылка), а традиция прижилась. Ну разве что кроме перелома хребта монголы практиковали еще удушение: например — набивали рот мелкими камнями.

Тохта стал ханом, а Ногай окончательно укрепился на вершине власти.

Падение гуганга

И выше было уже некуда. Ногай **своей волей** ставит ордынского хана, самого могучего властителя Европы, а может и Евразии того времени. Хан Тохта называет властителя Бужака «отцом» и отдает ему Крым, завоеванный монголами еще в 1239 году. Ногай меняет формат восточноевропейской торговли, допустив в Крым венецианских купцов и разрушив торговую монополию Генуи в этих краях. В конце концов Ногай начинает чеканить монету с изображением своей родовой тамги.

Причем если на монетах, чеканенных в Солхате (Крым), изображалась сложная тамга, составленная из вариаций тамги дома Бату и трехногой тамги, являющейся тамгой Ногая (Рис. 18), то на монетах, которые чеканились в Исакчи (правый берег Дуная) все просто: ногаевская тамга и никакого «дома Батыя» (Илл. 12).

Рис. 18. Монета Ногая, чеканенная в Крыму

Многие исследователи вообще считают, что Ногай в это время принимает титул хана. Впрочем, так многие считали и в XIII веке: европейцы называют его «Императором», а арабы «Маликом» (этот титул обычно переводится как «король»). Русская Новгородская летопись повествует о событиях 1291 года так: «Того же лета бысть мятежь в Татарех: Ногуи цесарь уби Телебегу цесаря» — то есть ставит знак равенства между властителем Бужака и ханом Орды.

И здесь авторы едва не перессорились, разделившись на «лоялиста» и «сепаратиста». «Лоялист» считал, что вряд ли Ногай решился бы назвать себя ханом. А зачем? Он ханам, как кутятам, хребты ломал. Ну а если серьезно, то следует вспомнить, что Тула-Бугу казнил не он сам, а предоставил это удовольствие одному из законных наследников титула. Ногай, в силу своего происхождения, мог занять трон только перебив остальных чангизидов. Однако с этим не смирился бы народ, в глазах которого законные чангизиды были окружены ореолом величия их могучего родоначальника. Именно по этой причине другой великий татарин, Тамерлан, не решился ликвидировать потомков Чангиз-хана и всю жизнь прикрывался подставными чангизидами.

Но, с другой стороны, Ногай все-таки был чангизидом — и в этом его отличие от Тамерлана из рода барлас. Кроме того, у «сепаратиста» был еще один железный аргумент — дунайские монеты Ногая. «Свои» деньги — это один из основных атрибутов суверенитета. На поздних монетах Ногая — только его родовая тамга. И ничего от Тохты. Отсюда вывод — в последние годы своей жизни Ногай рассматривал себя как суверенного властелина.

Мы не пришли к единому мнению. Ясно одно, легитимным титулом Ногая был «беклярибек» (главный военачальник). Ведь в управлении Ногая был род мангытов, а назначать беклярибека «из мангытов» было традицией. Еще в конце XII века, когда Чангиз-хан был обычным «Темучином», он побратался с Хуилдар-сэчэном, предводителем рода. Хуилдар с тех пор командовал авангардом армии и «во все времена... действовал с Чингиз-ханом заодно и оказал ему много содействия» (Рашид ад-Дин). Возможно, именно для него и был создан сам статус «беклярибека», и он остался «в роду». В Орде этот статус считался вторым, после ханского. И если Ногай и принял на себя титул «хана», то это стало началом его конца.

Посадив на ордынский престол Тохту, Ногай вернулся домой. А домом его был уже Буджак. Как настоящий ордынский традиционалист, Ногай жизнь проводил в кочевьях. Даже скрупулезный Никифор Григора не смог назвать столицу государства Ногая, отметив просто, что скиф Нога «имел местопребывание по ту (левую. — *Авт.*) сторону Истра». Нет, конечно, у Ногая были ставки, хотя бы там, где он чеканил монеты. То есть в районе Исакчи и Солхата (сейчас — Старый Крым, Крымской АР).

Есть туманные известия о ставке в районе Аккермана (ныне — Белгород-Днестровский). Рискнем предположить, что она располагалась в районе нынешнего села Удобное, в Буджаке. Дело в том, что в более позднюю эпоху, когда уже сформировалась «Буджакская орда», именно там, в татарском местечке Ханкышла, находилась ставка «прибрежного аги», представителя крымского хана при буджакских татарах. То есть — «главной власти» над ними. А традиция расположения властных центров переживает века, тем более, что «буджакские татары» были потомками «людей Ногая».

Кстати, кто они были, эти «люди Ногая»? Если отвлечься от титулов, то можно сказать просто. Ногаю удалось создать многонациональное государство, которое, как ни удивительно, не лихорадило от межэтнических столкновений. Его этническим ядром стал его собственный мангытский народ, который вскоре примет имя «ногайцы».

Сами мангыты продолжали оставаться кочевниками-воинами. И контролировали другие племена, как, например, полукочевников-половцев или земледельцев-болгар. Важной группой среди подданных Ногай были аланы, которые мигрировали из Крыма и района нижнего Дона в Молдавию в начале его правления. Немало было во владениях Ногай русских, которые составляли массу городского населения. Перечень «русских городов» этого периода в Молдавии записан в Воскресенской летописи. Последними по очереди, но не по значению, должны быть упомянуты валахи, отдаленные потомки тех самых даков, с которыми так жестко разобрался римский император Траян.

В общем, простора, степи и свободы, того, что нужно настоящему монголу, в Бужаке было в избытке. С запада простирались огромные пространства покорных Ногаю Молдавии, Добруджи, Валахии, Болгарии, Сербии (от Дуная до Родопских гор). От грозной столицы Орды, Сарая-Берке на Волге, надежно защищали, по меньшей мере, три естественных преграды: Днепр, Южный Буг и Днестр.

Хотя Ногай в то время меньше всего думал о защите. Его власть в Орде была абсолютной, и это Волге надо было опасаться Бужака. А не наоборот. Потому что пришла пора кровопускания.

Так, например, в 1293 году Ногай отправил свою жену, Байлак-хатун, в Сарай-Берке. И приказал передать молодому хану Тохте следующее: «Отец твой говорит тебе, что на пути твоём осталось несколько терну, так ты очисти его». Когда хан спросил, что это за терн, хатун назвала имена двадцати трех «эмиров». Так рассказывает египетский источник XIV века. За сто лет до этого у монголов не было «эмиров», но им соответствовали «тысяцкие» (командиры «мингана» в 1 000 человек) и темники (командиры десятитысячных «туменов»). Все были вызваны к хану и удушены за его шатром. Таким образом Ногай уничтожил военную верхушку Орды, принявшую сторону Тула-Буги в его конфликте с бужакцем. Заодно задавили и Джиджек-хатун — мать убитых сыновей может быть опасна.

Естественно, что молодого хана Тохту, амбициозного и агрессивного, такая ситуация удовлетворять не могла. А кому понравится, когда о твоём владении иностранные авторы говорят так: «Ногай долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимся в доме Берке, смещал тех из царей их, кто ему не нравился, и ставил [тех], кого сам выбирал»? И Ногай в этом случае — это совсем не ты. Тем более, что Ногай, после 1293 года, пытался сажать в Сарай-Берке «своих людей». Тохта начал с атаки на сарайских сторонников Ногай.

В результате в Бужак бежали несколько одыньских аристократов, в том числе Тазан, сын Мунджука, чангизидович. Тохта потребовал выдачи беглецов, но бужакский хозяин отказал и демонстративно выдал за Тазана свою дочь Тугулджу.

Это было уже прямое оскорбление. Тохта послал Ногаю «подарок»: соху, пучок стрел и горсть земли. Тот понял символику: «Если вы уйдете вглубь земли, я достану вас сохой. Если вы взлетите в небеса, я собью вас стрелой — выбирайте поле для боя» — и ответил еще более зловеще: «Наши кони истомлены жаждой и мы хотим позволить им напиться из Дона». Это было объявление войны.

Слова у Ногай не расходились с делом, и весной 1298 года его армия уже подошла к Дону. Под нынешним Аксаем (правобережье Дона) произошла битва и Тохта

был разбит. И здесь Ногай допустил роковую ошибку. Он не исполнил завет Чангизхана: преследовать любого противника до полного его уничтожения, «до последнего моря». Это для того, чтобы не осталось мстителей. Чтобы вообще никого не осталось...

Ногай приказал не преследовать противника и не добивать бегущих, а только взять добычу и пленных. Добыча была велика, а аксайские пленники обвалили цены на невольничьих рынках Египта. Но Тохта уцелел.

Хотя, может быть, Ногай принял это решение «не от хорошей жизни». Дело в том, что в том же 1298 году в Крыму был убит его внук, Актаджа. Дед послал его туда для сбора податей, ведь война требовала денег. Актаджа прибыл в Кафу (Феодосию), которой тогда владели генуэзцы.

А генуэзцы очень не любили Ногаю за его покровительство венецианским купцам. Чей военный флот они только что разбили в бою при Курцоле (7 сентября 1298 года). В победном угаре генуэзцы зарвались и допустили смертельную ошибку. Они покорно встретили Актаджу, напоили его... А потом убили.

Может быть, именно поэтому Ногай отказался от преследования Тохты и рванулся в Крым. Разгром был страшный. Кафа, Керчь, неприступный Кырк-Ёр (Чуфут-Кале) были разрушены. Население Солдайи (Судака), за исключением небольшого количества приверженцев буджакца, было перебито, а город сожжен.

Ногай не мог насытиться убийствами. В Болгарии он «убрал» с трона и убил предельно покорного ему царя Смилеца и назначил царем своего старшего сына Чаку. Ногай не щадил даже своих ордынских союзников. Были убиты два темника, Абаджи и брат его, Караджин, которые, по мнению Рукн эд-Дина, были равны Ногаю по могуществу, «но согласились с ним воевать против Тохты». Поэтому вряд ли стоит удивляться, что в 1299 году от Ногаю ушли пять военачальников с тридцатью тысячами войска.

Войска, ох, как нужного Ногаю. Потому что Тохта восстановился удивительно быстро и уже в конце 1299 года появился на границах Буджака с новой армией. Битва произошла у Куканлыка (Рис. 19). Никто не знает, где это. Некоторые считают, что это река Кагамлык в Полтавской области. Некоторые — что Куяльницкий лиман под Одессой. Но именно там закатилась звезда Ногаю.

Когда-нибудь все заканчивается...

На закате солнца войска буджакского властителя обратились в бегство. Ногай остался один, старый, одноглазый, да и тот глаз был «покрыт волосами бровей его». Ногаю нашел русский воин из числа полков «русского улуса», сражавшихся на стороне Тохты. «Не убивай меня, я Ногай, а отведи меня к Токте; мне нужно с ним сойтись и переговорить с ним», — такими были последние слова человека, в течение тридцати лет державшего в железном кулаке Восточную Европу. Но русский отрубил ему голову и отнес к Тохте.

Ордынский хан поступил как настоящий монгол. Он спросил русича, а «что же надоумило тебя, что это Ногай?». Русский ответил: «Он сам мне поведал об этом и просил меня не убивать его, но я не послушался его и кинулся на него».

Рис. 19. Битва у Куканлыка

Глупый русич! Убив чангизида, ему надо было не награды искать, а тикать куда глаза глядят. Потому что хан приказал казнить русского. Причина? Великий египетский историк ибн Халдун так передал слова Тохты: «Простой народ да не убивает царей!»

В течение нескольких лет погибли сыновья Ногая. Их было трое: Чака, Тека и Турай. Чака пытался организовать сопротивление Тохте, но куда ему было до отца! Все закончилось тем, что он поссорился со средним Текой и «послал к нему тайком людей, которые настигли его в одну из ночей, когда он беззаботно спал в своем шатре, окружили шатер со всех сторон, копьями кололи его, находившегося внутри шатра до тех пор, пока сочли его умершим, и, бросив его, возвратились восвояси. Но в нем осталась искра жизни. Чака подослал к нему человека, который должен был старательно закончить убийство его» (Рукн эд-Дин).

Рис. 20. Печать болгарского царя Федора-Святослава, мужественно убившего сына Ногая. После смерти отца...

Чангизову кровь пролили на землю!!! Естественно, что практически все отвернулись от Чаки, и его наместник в Буджаке, Тунгуз, выгнал Чаку с левого берега Дуная. Сын Ногая вернулся в свое царство, Болгарию, но и там он был уже не нужен. Брат Чакиной жены и сын болгарского царя Георгия I, Федор-Святослав Тертер (Рис. 20), в начале 1301 года сверг Чаку и бросил

его в темницу Тырновской крепости. И когда войско Тохты вступило в Болгарию, он казнил Чаку и умиловил ордынского хана головой сына его злейшего врага. Себя он спас и получил разрешение царствовать. А Болгария? Ну что Болгария... Ее традиционно ограбили.

Младший сын, Турай, тоже пытался отомстить за отца и братьев, и даже вовлек в заговор брата Тохты, Сарай-Бугу. Но их 10-тысячный отряд был окружен ханскими войсками на Волге и даже не оказал сопротивления. Турай и Сарай-Бугу привели пред очи хана и там сломали хребты.

Эпоха славы Буджака закончилась. Земли Ногая были переданы братьям Тохты: «Тукулбуга утвердился в Исакчи, на реке Дунай и в местах, прилегающих к Железным воротам, а Ильбасар утвердился на реке Яик» (Рукн эд-Дин).

Но ведь она была, эта эпоха!!! Земля Буджака видела князей и царей, припадавших к ногам ее властителя. А люди, населявшие буджакскую степь, заставляли трепетать этих князей и царей. И даже сама Золотая Орда, как ее теперь называют, не единожды была вынуждена прислушиваться к львиному рыку, раздававшемуся с берегов Дуная.

Глава 3

Приз переходящий

Да, не выдержал Бужак соперничества со всей мощью Орды на рубеже XIII–XIV веков. Но как красиво вел он свою партию! Ногаю практически удалось создать свое государственное образование, войска которого диктовали свою волю везде, куда дотягивалась их сабля.

Причем стоит отойти от стереотипа: Ногай и его люди не только и не столько разрушали. Бужакский владыка был державник: он строил свою страну. Чеканил монету, создавал выгодную ему систему протекционистской международной торговли, основывал города. Да-да, именно города, хотя сам был кочевником до кончиков пальцев.

Под покровительством Ногай были все города по обе стороны Дуная. Ну, например, Вичина (нынешняя Исакча в Румынии), где он позволил своему другу, византийскому императору Андронику II организовать православную даже не епархию — митрополию (именно так, под 95-м номером, она значится в списке константинопольских епархий времени Андроника). Или Белгород-Днестровский (Тира греков, Белгород русичей, Фехервар венгров, Аккерман турок). Раскопки Белгорода-Днестровского ордынского времени показывают, что всю первую половину XIV века это был самый большой торговоремесленный центр на северо-западе Черного моря.

Причем Ногай не только покровительствовал старым городам, но и создавал новые. Так, в «Перечне городов и замков варненской округи, подчиняющихся Византийской патриархии» (1318 год) впервые среди названий нижнедунайских городов появляется крупный торговый город на левом берегу северного русла дельты — Кели. Венецианцы называли его Ликостомой, мусульмане — Кили. Сейчас это Килия...

В общем, Ногай с полным правом мог сказать, подобно римскому консулу: «Feci quod potui, faciant meliora potentes» (*Я сделал, что мог, пусть те, кто смогут, сделают лучше*). Да вот беда... Другие делали гораздо хуже.

Многие считают, что после гибели Ногая хан Орды Тохта отдал территорию Буджака болгарскому царю Федору Святославу как вознаграждение за предательство и убийство Чаки Ногаевича. Если это так, то ход был удачный. Реально контролировать эти земли Болгария, находящаяся под полным ордынским влиянием, не могла, а вот послужить смягчению противоречий между сепаратистским Буджаком и центральной властью в Сарае — вполне.

Ну а уж если ханы ставили себе целью какие-либо «балканские акции», то на Болгарию они вообще внимания не обращали. Захотел преемник Тохты, Узбекхан, повоевать с Византией в 1320 году — вторгся на имперские территории, по пути привычно обобрав Болгарию. Захотел захватить Вичину в 1337-м — тоже не спрашивал разрешения у болгарского царя Ивана-Александра. Пошел и взял. Единственное, что могли сделать болгары, это поставить вспомогательные контингенты в ордынские войска.

Хотя бунтовать в Буджаке после смерти Ногая было некому. Его опора, орда мангытов, откочевала на восток Орды, в междуречье Яика и Эмбы. Мы с ними скоро встретимся... Все остальные были безопасны, поскольку не имели лидера. Опасность пришла из другого места.

В это время, где-то на Востоке...

Есть очень старый анекдот о дневнике Василия Ивановича, где описывается, как белые и красные, вводя в бой все новые силы — пехоту, кавалерию, артиллерию, танки — с понедельника по четверг воевали за домик лесника. В пятницу пришел лесник и, м-м-м, «всех прогнал».

Если применить его по отношению к Буджаку послеордынского времени, то можно сказать, что «лесник уже шагал по Малой Азии».

В конце XIII века совместными усилиями Орды и Мамлюкского Египта продвижение монголов-хулагидов на Запад было остановлено. А на восточной границе Византии образовалась «горячая точка». Мощные тюркские племена туркмен-огузов были оттеснены монголами на запад, поближе к малоазийской границе Византийской Империи, и образовали на пограничье несколько милитаризированных княжеств-бейликов, основной забавой которых была «священная война» мусульман-тюрок против неверных-христиан.

Наибольших успехов добилось племя кайи, особенно когда во главе его (в 1281 году) стал Осман Гази (Осман Воин). Его бейлик со столицей в Эскишехире (всего 350 километров до Константинополя) стал «столицей джихада», что привлекло к Осману и внимание, и воинов, и деньги мира ислама. В 1302 году он разгромил византийцев в Бафейской битве и прорвался к Эгейскому морю. С этого момента Малая Азия практически была потеряна для Византии и христианства. А ее население спустя несколько десятилетий с гордостью победителей называло себя «османами». Сейчас это турки.

Через полвека, во время правления сына Османа, Орхана (1326–1359), произошло событие, на века определившее историю и Европы, и Азии. Вроде бы — обычное дело: регент Византии захотел стать императором. В 1341 году Иоанн Кантакузин начал войну против малолетнего императора Иоанна V Палеолога. Разорив страну, он стал императором, но очень неудачным. В 1354 году он был вынужден отречься от престола: иначе бы растерзали. Уйдя в монастырь, он утешился написанием историй и богословских книг. В том числе — и о бренности бытия... На своем собственном примере... Но это все — лирика, отраженная в книжной миниатюре (Илл. 13).

А беда в том, что во время войны Иоанн Кантакузин призвал на помощь османов.

Наследник Орхана, Сулейман, в 1352 году переправился на европейский берег, в Галлиполи, и захватил там крепость Цимпу. Требования Иоанна вернуть ее остались гласом вопиющего в пустыне. Более того, через два года Сулейман захватил могучую крепость Каллиополь. Турки уверенной стопой стали в Европе.

Уже через семь лет, в 1361 году, они перенесли в Европу свою столицу после захвата Адрианополя (Эдирне). С этого момента стало ясно, кому будут принадлежать Балканы. И что кому-то надо готовиться к неприятностям.

И не в последнюю очередь — Орде и ордынцам. Которых с этого момента мы будем называть традиционно — «татары». Хотя это совершенно неправильно. Этнические татары в середине XII века были наиболее сильным племенным объединением в монгольских степях, поэтому китайцы начали называть их именем (да-дженъ) всех кочевников, у которых «верхнего платья пола запахиивается направо, а борт квадратный» (Пен Да-я, Сюй Тин). Многих этнических татар Чангиз-хан перебил еще в ранние годы своей карьеры — не на того поставили. Его государство было эталонной империей: многонациональной композицией, объединенной силой оружия.

Однако монголы — это очень небольшая (и тогда, и сейчас) группа родственных народов, говорящих на монгольских языках. Но покорив (трудно даже осознать — в силу чего?) огромный массив тюркоязычных народов, и не только их, они способствовали созданию нового этноса, переплавив в котле своих завоеваний кочевое население великой Евразийской Степи. Хотя — почему только кочевое. Великий Карамзин говорил, что стоит потереть русского — и увидишь татарина (украинцев, кстати, это тоже касается).

Почему татары? Мы считаем, из-за испуга Европы. Увидев на своих границах такую, взявшуюся ниоткуда и непобедимую, мощь, они не могли рассматривать ее иначе, как «выходцев из ада». Тартара греческой мифологии. Кстати, в латинских источниках XIII века воины Чангиза и его наследников называются не иначе, как TARTARI.

Так вот, у потомков «выходцев из ада» в середине XIV века назревал кризис. И это несмотря на то, что правление ханов Тохты, Узбека и Джанибека называют «золотым веком» Орды, когда «страны дошли до чрезвычайного благосостояния и весь улус его стал богат и доволен» («Продолжатель Рашид ад-Дина»). Но традиция резни в верхах нарастала. Тот же Узбек, правивший с 1313 по 1341 год и введивший в Орде ислам, наткнулся на сильнейшую оппозицию элиты: «Ты ожидал от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания? И каким

образом мы покинем закон и устав Чангиз-хана и перейдем в веру арабов?» В результате хану пришлось убить 140 чангизидов.

Убийца был наказан «в потомстве»: его наследник Джанибек пришел к власти, убив двух кровных братьев, и спустя 15 лет был убит уже своим сыном, Бердибеком.

«Рвануло» в 1359 году, когда Бердибек был убит то ли своим братом, то ли самозванцем Кульной. За два года на ордынском престоле побывало 6 ханов. Русские летописцы назвали это время очень образно: «Великая Замятня», продолжавшаяся до 1380 года.

Эх, был бы там Ногай!!! Ведь с убийством Бердибека закончилась в Орде законная династия потомков Батыея. За двадцать один год междоусобиц на престоле были потомки пятого и тринадцатого сына Джучи (Шейбана и Тука-Тимура). А Ногай-то был потомком седьмого сына, чангизидом. То есть этот временщик мог быть ханом.

А вот самый могучий временщик эпохи Замятни такой возможности не имел.

Не позднее первой половины 1350-х годов в ордынских хрониках появляется Мамай, «крымский темник». В 1358 году он уже главнокомандующий (беклиарибек) и зять хана Бердибека. Но сам он ханом быть не мог, не повезло. По канонической версии Мамай был выходцем из чангизова рода Кият-Боргажин, но он не был потомком Чангиз-хана. Значит, «кошма великого хана» (ордынский эквивалент трона) ему не светила. Поэтому и промучился всю жизнь в беклиарибекях, одного за другим свергая ханов.

Хотя был явно умнее многих из них. Сразу после гибели Бердибек-хана он укрепился в Крыму, Предкавказье и степях между Дунаем и Волгой. И 20 лет боролся за права наследников династии Батыея. Ну и за свои интересы, прикрытые этими правами.

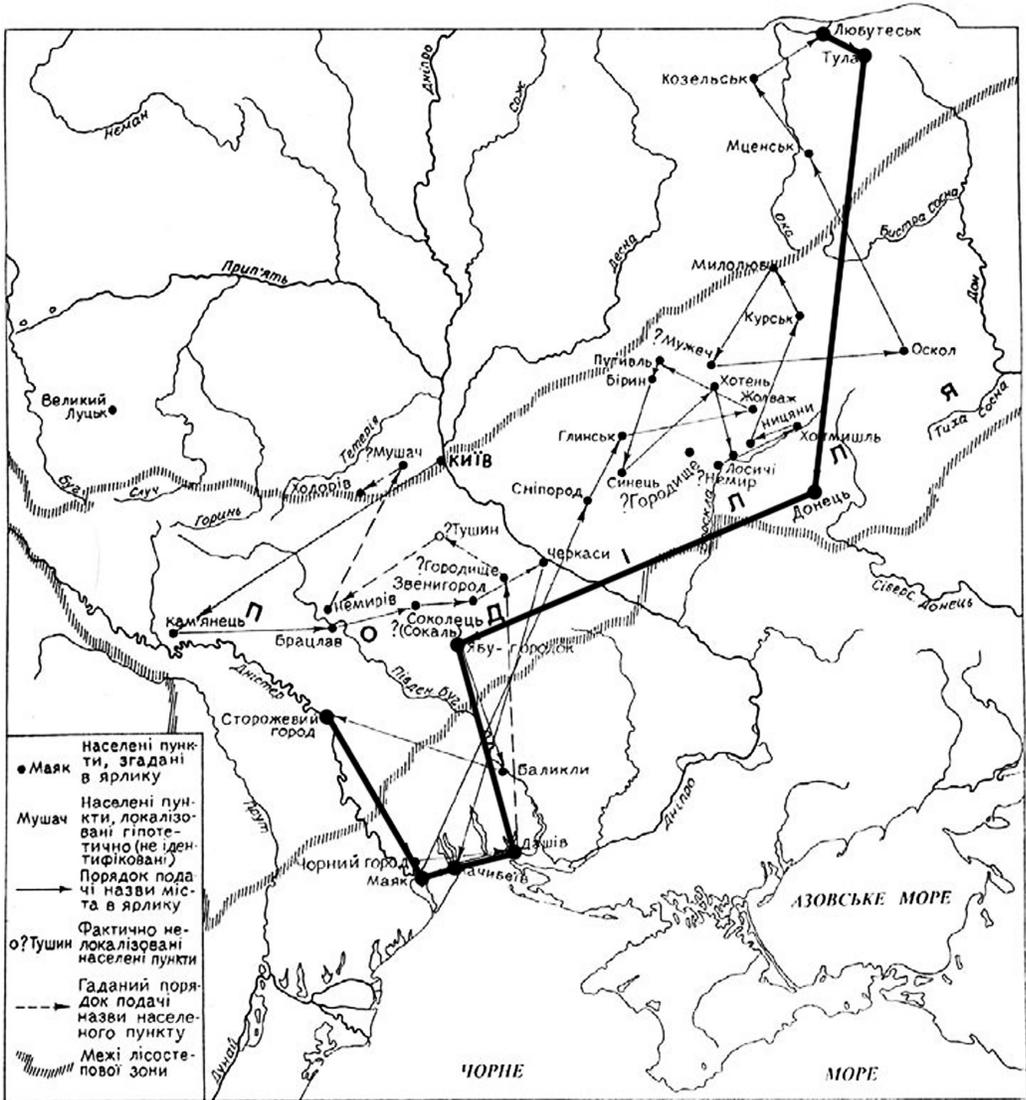
И первым его интересом было укрепление своих позиций в Крыму. А как это проще всего сделать? Конечно, избавившись от соперников. Мамай воспользовался тем, что в 1361 году литовцы, ведомые своим Великим князем Ольгердом, заняли Киев. Необходимо было реагировать, и Мамай организовал поход на Киев, в который ушли три самых сильных властителя в Крыму: ханский даруга (наместник) Кутлабуга, властитель области Кырк-Ёр (и мощной крепости Чуфут-Кале) Качибей Керай (во всяком случае, так — в польской хронике Матея Стрыйковского, XVI век) и Дмитрий, христианский владетель грозной горной крепости Мангуп.

Крымские войска проиграли битву у Синих Вод (1362 год), но политически ее выиграл именно Мамай, «убрав» своих основных крымских конкурентов. А дальше он сделал блестящий политический пируэт.

По мнению Феликса Шабульдо, известного исследователя Синеводской битвы, вскоре после нее Мамай передал литовскому Великому князю Ольгерду огромную территорию, по линии Любутск — Тула — Ябу-городок — Каменец-Подольский. Плюс полосу земель на юг, до современных Маяк и Очакова (Рис. 21). Конечно, это было сделано (если было) от имени чангизида Абдаллаха, которого Мамай настойчиво продвигал на престол Орды.

Казалось бы, катастрофа, такие потери!!! Но...

Если гипотеза Шабульдо верна, то это был почти гениальный политологический ход. Во-первых, у Мамаея все равно не хватало сил удерживать под контролем степи западнее Южного Буга. Ведь основные ресурсы он бросал на восток, в походы на Волгу, ради захвата ордынской столицы Сарая и постановки «своего» хана. Пять раз ему удавалось это сделать: дважды ханом Орды был Абдаллах и трижды Булак, креатуры

Картограф Н.Пасюк

Рис. 21. Граница между татарскими и литовскими землями по гипотетическому «ярлыку» Мама

Мамай. Даже жену свою, Тулунбек, чистокровную чангизидку, смог сделать регентшей при малолетнем Булаке. Но удержать власть в столице все равно не смог. Пришлось отступить в Крым. До Буджака ли тут?!

Кроме того, и в Крыму он был вынужден лавировать и поступаться своими интересами. Например, в 1362 г. ярлыком хана Абдаллаха он снизил для венецианских купцов налог с продаж — с 5 % (установленных Джанибеком в 1347 г.) до 4 %. В 1369 году — до 3 %. Кстати, в ущерб купцам генуэзским.

В 1372 г. его хан Бюляк выдал ярлык на торговлю в Крыму купцам Кракова, а в 1379–1380 гг. — купцам Львова. Это уже в ущерб торговле итальянских колоний. Не удивительно, что Мамай приказал обнести каменными стенами свою крымскую резиденцию Солхат (ордынские города обычно не имели крепостных стен), что указывает на опасения, которые он испытывал в отношении итальянцев. Как оказалось впоследствии — не зря испытывал.

Кроме того, он надеялся перессорить своих врагов на севере. И не без оснований: вскоре начался новый этап польско-литовских войн за галицко-волынское наследство. А в 1363 году начались первые нападения литовцев на Московское княжество (очевидно — в поисках Тулы).

А самое сильное решение — это тот массив отданных литовцам земель, который «языком» высовывался из Лесостепи к берегам Черного моря. С точки зрения геополитики, это был «защитный вал» от турецкой угрозы, которая в 60-х годах касалась уже и Орды: ведь турки, напомним, уже плотно стояли в Европе. Теперь если бы османам пришла в голову идея северного похода, в наши задунайские степи, им, прежде чем добраться до Орды, сначала пришлось бы изрядно попотеть с литовцами.

Дальнейшая история показала правоту мамаевых опасений. Натиск османов на север остановила только случайно выигранная ими у сербов битва при Черномене (1371 год). После нее турецкий султан Мурад выбрал план военной активности не на севере, а на западе, не в Болгарии, а в Сербии. Возможно потому, что болгарский царь, Иван Шишман, по порочной привычке тех краев, откупился женским телом, отдав в гарем Мураду свою сестру Тамару.

«Западный» план стоил жизни Мураду и свободы Сербии: в 1389 году в битве на Косовом поле султан погиб под кинжалом сербского аристократа Милоша Обилича, но — не помогло. Сербское войско было уничтожено, а последний суверенный князь, Лазарь, был казнен вместе с Обиличем. После этого у Болгарии шансов не было. В 1393 году турки взяли столицу Тырново, а через 2 года ими был пойман и обезглавлен последний царь Болгарии, тот самый Шишман.

Сам Мамай до этого времени не дожил. Изрядно потрепанный Дмитрием Донским на Куликовом поле, он в том же 1380 году проиграл битву на Калке своему татарскому конкуренту, хану Тохтамышу, и вскоре был убит в Крыму «благодарными генуэзцами». Но кто его знает, как бы сложилась история Восточной Европы, если бы Мамай не создал «литовский защитный вал» перед турецкой экспансией в XIV веке. А что до будущего: ну не мог «крымский темник» предполагать, что османы, кочевники и дети степей, перестанут бояться воды. И что через сотню лет, в 1475 году, они построят флот и под командованием Геддик Ахмет паши возьмут столь любимый Мамаем Крым «с моря».

Лесник дома!!!

Что означали все эти политические события для буджакской территории? Вообще-то — ничего хорошего: застой в степях и войну на берегах Дуная. Как-то мы спросили у одесского профессора Андрея Добролюбского (которого считаем лучшим специалистом в «археологии кочевников» этого региона): а что было в буджакской степи после синеводской битвы? Профессор, по привычке, прочитал лекцию, суть которой можно сформулировать очень кратко: «Ничего... Действительно ничего. Ордынские татары организованно уходят, и дальше — почти столетний демографический вакуум». А ведь еще в 1360 году в эти края кочевали не менее трех «тысячных» орд. Генуэзец Антонио ди Понцо оставил нам даже имена тысяцких — Конакобей, Менглибуга и Кой. Это не считая мелких групп — «сотен» Рабека, Келоги, Когикариоси и «десятков» Бору, Когимая и Токояра.

Зато на Дунае и морских берегах скучно не было.

Сначала правила диктовали генуэзцы, в руках которых находились Ликостомакли-Кели-Килия и нынешний Белгород-Днестровский, который они, «в пику» предыдущим владельцам и, с неожиданным для итальянцев, суховатым академическим юмором, переименовали в Маурокастро («Замок негра», «Черный город»).

Здесь они устроили «маленькую Италию»: военно-торговую республику, управляемую двумя консулами. Основная задача консулов — обеспечение деятельности порта, откуда в Европу вывозились зерно, мед, воск и рабы. И вывозилось в немалых объемах: по записям того же Антонио ди Понцо только 5 мая 1361 года два корабля были загружены товарами на общую сумму 750 иперперонов. Это 4 575 граммов золота. При цене золота на момент написания этих строк (1640 \$/тройская унция) это товарооборот в 246 000 долларов в день. Нынешнему Килийскому порту до этого далеко.

Богатство Кили было ее проклятьем, поскольку до Генуи — далеко, а мелкие, но агрессивные хищники — рядом. Поэтому в 1393 году итальянцев выгнал, а Килией завладел правитель Валахии (в нынешней Румынии) Мирча Старый. Который спустя 20 лет уступил город Венгерскому королевству. Тому самому, которое испуганно затихало, когда, в свое время, чихал владыка Буджака Ногай.

Однако не венгры были сильнейшими в этом регионе. В 1359 году венгерский воевода Марамуреша, Богдан, поссорился с королем Людовиком-Лайошем I и ушел от него на восток, в междуречье Прута и Днестра. Через шесть лет Людовик был вынужден признать независимость Молдавского княжества. Один из наследников Богдана, князь Петр I Мушат, начал войну с литовцами, которые никак не могли закрепиться на берегах Черного моря, переданных им Мамаем. В итоге он захватил Маурокастро (в 1378 году), опять назвал его «Белым городом» (Четатя Альба) и почувствовал себя хозяином Дунайско-Днестровского междуречья. Как и его преемники, поскольку один из них, Александр I Добрый, около 1420 года захватил уже Килию. Начались бесконечные венгеро-молдавские столкновения на Нижнем Дунае.

Но лесник был уже рядом.

На боевом знамени (Илл. 14) величайшего из молдавских князей, Стефана III Чол Маре, сидящий на троне государь ногами попирает аспида (символизирующего Турцию). В жизни все оказалось сложнее. Да, в активе Стефана есть ряд блестящих побед над османскими войсками — в 1475 и 1485 годах. Но деяние оценивается по результатам. А они таковы.

В 1484 году османами были захвачены Килия и Белгород — Аккерман. Это была необходимость. Турки превращали Кара Дениз, Черное море, в свое «внутреннее озеро». После того, как в 1475 году они захватили побережье Крыма, а само Крымское ханство, этот осколок татарской Орды, стало турецким вассалом, только морское побережье Буджака выпадало из-под контроля Стамбула. Так что у Стефана шансов не было: против него сосредоточили турецкую армию на южном берегу Дуная, армию Крымского ханства, да еще и новую геополитическую силу региона — турецкий флот.

После 1485 года турки взяли под политический контроль северо-западное побережье Черного моря — под их управлением находились опорные пункты: Килия, Аккерман и отобранная в 1538 году у крымских татар крепость Озю (Очаков). Но кроме контроля над территорией ее надо еще как-то использовать. А вот эту главную боль османы переложили на Крым: за помощь, оказанную при взятии Килии и Аккермана, султан Баязид II передал территорию Буджака хану Менли-Герая.

Но не до конца... Кому жить в этих степях, решали сами турки.

Возвращение наследников Ногай

Они и решили. Сначала появились юруки, кочевые турки, расселявшиеся султанами во всех областях империи. Но их было не так много: а ведь рядом находились страдающие собратья по крови и вере.

В 1569 году турки попытались выгнать русских из Астрахани, татарского Хаджи-Тархана, столицы ханства, возникшего после распада Орды и захваченного царем Иваном Грозным в 1556 году. Ничего не получилось, и бездарно протоптавшаяся все лето под Астраханью турецкая армия была разбита на обратном пути. Из 3 000 султанских гвардейцев-янычар домой вернулись только 700. Подвела логистика: турки оказались не в состоянии обеспечить снабжение армии и перебросить грузы из Азова под Астрахань, с Дона на Волгу. Тогда и было решено прорыть канал между этими реками. Прорыть канал не получилось, но получилось осложнить региональную ситуацию. А пострадали ногайцы.

Ногайцы — это потомки тех мангытов, которых Ногай привел в Буджак и которые приводили в трепет окрестные государства в XIII веке. После гибели темника они вернулись в Волго-Яицкое междуречье. В XIV веке, во время агонии Золотой Орды, они даже создали свое государственное образование — Ногайскую орду. Название орды — это дань героическому прошлому и великой фигуре Ногай. Полностью в традициях Востока: ведь самоназвание узбеков, по наиболее распространенной версии, происходит от имени собственного могучего Узбека, хана Золотой Орды.

Ногайцам и так было плохо. Голод и засуха конца 50-х годов уничтожила их скот. А тут еще русское военное давление...

В результате, после неудачи с первой версией Волго-Донского канала, турки вывели 30 000 ногайских семей и расселили их, считай, на исторической родине, в Буджаке. И не прогадали. Ногайцы за полтора века не растеряли своих качеств блестящих воинов.

Через несколько лет после переселения ногаев престол молдавского князя захватил яростный противник Турции, Иоанн Воде Лютый. Войну, на свою голову, он решил перенести на территорию Буджака. Но атака на Аккерман и Тигину (Бендеры) была отбита, а потом у Рокшан турецко-ногайские войска разбили и самого Иоанна. Лютому отрубили голову, а тело разорвали четырьмя верблюдами. Был казнен и его союзник, гетман запорожских казаков Сверговский. Остатки казаков вывел из Буджака наказной полковник Савва Ганжа.

Вообще-то туркам надо отдать должное. Переселив ногайцев в Буджак, они сделали очень правильный ход. Во-первых, заселили землю, которая, как известно, не имеет никакой ценности без людей, ее обрабатывающих.

Во-вторых, они держали на крючке крымских ханов. Да, с одной стороны ногайцы подчинялись крымской администрации. Формально они подчинялись «ялы агасы» (прибрежному аге), имевшему ставку в селении Ханкышлы (современное село Удобное, Белгород-Днестровский района). Ага был главнокомандующим над буджакскими ногайцами, собирал с них дань в пользу крымского хана.

Но, с другой стороны, ногайцы и крымские татары — это, считай, кровные братья. И, как большинство братьев в политике, они искренне и самозабвенно ненавидели друг друга. А османам как раз и нужен был противовес крымским татарам в причерноморском регионе. Ведь ханство было хотя и вассальным, но самостоятельным государством. И могло «взбрыкнуть». Как, например, в 1595 году, когда турецкий великий визирь Синан-паша вел военную кампанию против Валахии. Он приказал крымцам присоединиться к его армии. Хан Гази Герай, конечно, не отказал, но шел о-о-очень медленно, любуясь природой и изнывая в муках творчества, сочиняя поэмы «Роза и Соловей» и «Кофе и вино». Вторая поэма, кстати, очень неплохая и показывает — откуда и когда в Украину пришел кофе. Совсем не в XVII веке и совсем не из Вены.

В результате Синан почти проиграл валахам битву при Кэлуэргени.

В общем — в таком союзнике уверенным быть нельзя. И лучше постоянно держать у него над головой занесенную тяжелую саблю. Ногайцы, которых с течением времени стали называть «буджакскими татарами» и были такой саблей, причем все время тяжелеющей. Потому что из Поволжья периодически прибывали новые группы мигрантов.

Ведь там ногайцам становилось совсем плохо. На политической арене появилась новая сила — калмыки. Кстати, они появляются и на политической арене Украины. И украинские документы описывают их с некоторой опаской: **«Вправді, люд военній, с копієм всідаєт на коня, а нікоторіє и сагайдаки и стріли великіє с площиками широкими. Тилко найбільше до потреби копій заживають кожен, бо справне уміють вбити копієм, в нікоторих и панціри, а инніє и наго идут до**

потреби. Люд отважній, а на взгляд чорній, нікчемній, страшній, чарами бавяться, бо балвохвалці. А потрава оним всякій звір, що ест на світі, нічим ся не бридять: и миш, жаба, свиня, тилко опроч рака одного, не люблят и бридяться раком». Да ведь это описание почти универсальных солдат — минимум потребностей при максимуме умения. А если взглянуть на реконструкцию калмыцкого воина XVII века (Илл. 15), то «опаска» украинских описаний становится более чем понятной.

И, возможно, счастье Украины, что эти ребята с 1678 года, появляются в Украине уже не сами по себе, а в составе русских войск. Под руководством крутого кабардинского князя и, по Соловьеву, «верного слуги государева» Каспулата Муцаловича Черкасского они сделали все, что могли, во время второй осады Чигирина. Во всяком случае, турки и татары в 1678 году на Левобережье Днепра не прорвались.

В начале XVII века новую группу мангытов привел в буджакскую степь Хан-Темир, потомки которого известны как Кантемиры, молдавские князья и политические деятели Российской Империи. Еще одна большая группа ногайцев появилась в Буджаке в 60-х годах XVII века. Ей не повезло, хотя повезло историкам. События, сопутствующие этой миграции подробно и, даже, поэтично описал Эвлия Челеби (1611–1681), выдающийся турецкий путешественник, чьим именем, решением ЮНЕСКО, был объявлен 2011 год.

Как и любой путешественник, Челеби (Илл. 16) был большим фантазером, и все, о чем он говорит, надо «делить на два, на три». Но это сейчас критиковать можно все, что угодно, а тогда, три с половиной века назад, объездить половину Евразии, от Вены до Индии, и создать такой гигантский труд, как «Сейхат-наме» («Книга путешествий») — это круто.

«Їзвы отпущенія»

Одну из волн ногайского переселения в Буджак Челеби описывает именно как результат давления калмыков на ногайцев, кочевавших между Доном и Волгой. Когда стало невтерпёж, ногайцы племени «адиль» (адиль-ногаи) решили уходить. Они переправились через Дон, Днепр и «прошли к крепости Очаков, а на пятый день преодолели реку Днестр и обосновались в окрестностях Аккермана. Они уплатили положенное бею Бендер, прибрежному аге и десяти агам буджакских татар и успокоились».

Интересное замечание. Из него следует, что в Буджаке уже сложилось устойчивое административное управление: представитель крымской власти и десять районов, контролирующихся буджакской татарской элитой.

Да, уже именно буджакской. Которая вполне осознано противопоставляла себя крымской. Это бросалось в глаза даже иностранцам. Доминиканский монах Джиованни Лукка, описывая Северное Причерноморье в 1634 году, отдельно отметил «буджак-

ских (budziais) татар», которые «живут в окрестностях владения Басарабы (Bisarbiam) или Белгорода (Bilogrod). Они расположились на границах Валахии, между реками Днестром и Дунаем и берегами Черного моря. Главный город у них Белгород».

К ним-то и направились «адиль-ногаи». Люди вообще-то грубые. Тот же Лукка рассказывал, что если какому-нибудь ногайцу нечего есть, то он «идет туда, где едят, не стесняясь и ничего не говоря, садится, (ест), затем поднимается и без всякой благодарности уходит».

С такими-то нравами адилы появились в Буджаке: и произошло то, без чего нельзя представить себе миграционный процесс и в наше время — всплеск преступности. Адилы «украли много тысяч коней у молдавских и аккерманских подданных, начали разбойничать на дорогах, так что совсем не осталось безопасных путей. Все подданные стали жаловаться на них» (Челеби). Султан приказал крымскому хану переселить их на крымский полуостров. И тут — второе интересное замечание Челеби: ногаи отказались, мотивируя отказ тем, что «Мы теперь слуги падишаха, мы сломали наши арбы, и каждый раб был записан как имеющий дом, мы числимся в Ак-Кермане как подданные султана». И они показали соответствующие султанские грамоты и указы.

Отличное политическое решение! На земли крымского хана османский султан селит СВОИХ подданных. Разве не прекрасный способ показать хану, кто в доме хозяин? И, в случае необходимости, поднять против него значительную часть его владений?

И здесь крымский хан Мехмéd IV Герáй попал впросак. От него скрыли эти указы султана, поэтому хан в 1665 году начал решать вопрос силовыми методами. С владыкой Крыма «выступили конным строем крымские войска... а всего восемьдесят семь тысяч конных богатырей и молодцов в доспехах и с колчанами».

Мехмед дошел до Ханкышлы, ставки прибрежного аги, где и встретился с Эвлией Челеби. Так что дальнейшее — это не анналы историка, а воспоминания очевидца. Адиль-ногаи отказались переселяться в Крым, заявив: «Хан мой, если это тебе под силу, переведи нас в Крым. Но знай, что мы будем биться с тобой, и если даже все мы погибнем, то твоё войско и тебя уьем». Причем буджакские татары поддержали своих соплеменников адилей, и навстречу ханскому войску «подошли адиль-ногаи и буджакские татары с сорока — пятьюдесятью тысячами воинов».

Оставим на совести Челеби численность войск, но битва под Аккерманом, судя по всему, была упорной. «Ногайские воины изготовились к битве и, прильнув к головам коней, с криками «Джу! Джу!» бросились на воинов достославного хана. И с двух сторон два мусульманских войска врезались друг в друга и выпустили такую тучу стрел, что они затмили собой солнечный свет. Крики воинов и ржание коней достигали неба, и, судя по положению небесных светил, битва, достойная султанов, продолжалась целых три часа. В конце концов ханская сторона, во славу суры Корана «Быстробегущие», обратила в бегство ногайских татар».

Но это был еще не конец. Ногайцы устроили «вторую серию» среди своих шатров. «Ногаи устремились к своим стоянкам, в которых находились их люди и женщины. Ногайские воины очень устыдились своих женщин и устроили побоище... Произошло

сражение еще более жестокое, чем прежде, и в этих становищах многие из крымских воинов испили нектар из чаш мученической смерти. Хан же не имел возможности воспрепятствовать этому избиению. В полдень не осталось ногайских воинов, которые бы еще сопротивлялись».

Но самое неприятное было еще впереди. Наступило возмездие. Кто-то должен был поплатиться, и «козами отпущения» стали женщины. «Разграбив и опустошив все ногайские становища, воины хана обесчестили несколько тысяч чистых девушек и непорочных красавиц, чистых звезд. У несчастных девушек с лицами, подобными розам, по бедрам обильно текла кровь. Многие тысячи женщин также были подвергнуты насилию. Взято было множество скота и всякого добра. Было совершено столько бесславных и позорных поступков, что таких бесчинств не совершали даже татары Хулагу-хана при походах на Багдад». Это тогда, когда халифу правоверных залили расплавленное золото в глотку. Для правоверного мусульманина Челеби — это одно из самых страшных преступлений в истории человечества.

Судя по всему, Мехмед понимал, что он делает «что-то не то». От женщин не убудет, решил он, но грабить жилища буджакских татар, на всякий случай, категорически запретил. Челеби же, османский аристократ, не то что «ощущал»: прекрасно понимал, что происходит «что-то не то». Поэтому, от греха подальше, он отказался от доли добычи, полагающейся ему как участнику боя: «Но видит Всевышний Господь, что я не прикоснулся ни к единой крохе из вещей ногайского народа, даже находясь в том месте, где было собрано имущество, захваченное в качестве военной добычи. И своих слуг я заставил отнести [назад] захваченные ими вещи и не позволил им взять ничего: ни одного халата, ни четверти дирхема, ни одного динара».

Челеби не пострадал, а вот хану его предусмотрительность не помогла. В другом месте своей «Сейяхат-наме» Челеби отметил: «Хан устроил великую битву с ногами под Аккерманом, и всех ногаев переселил в Крым. Османцы же посчитали это за вину, и это является причиной смещения Мехмед Герай-хана». Отлилась хану девичья кровь!

«Ужас из Буджака»

Ногайцев под Аккерманом в 1665 году побили сильно, но не критично. Точнее, буджакцев Мехмед IV вообще не тронул, разграбив только становище адиль-ногаев. Ведь, по Челеби, ханское войско практически сразу двинулось в обратный путь.

И это было естественно. Поскольку буджакские татары были выгодны всем. В первую очередь — туркам, как противовес возможному своеволию крымских ханов. Да и самим ханам тоже: поскольку прибыль приносили.

Основная прибыль, конечно, вызывала ужас у всех соседей. Это были набеги. У нас, украинцев, наверно на уровне генетической памяти «вбит» страшный крик: «Орда идет!» Это когда шла многотысячная легкая конница и, раскинувшись веером мелких отрядов, гребла все, подчистую. Спрятаться или убежать от них было практически невозможно. Ведь эти отряды «никогда не были обременены ни оружием,

ни запасами пищи и никаким другим грузом из того, что составляет военные обобы, кроме небольшого количества поджаренного проса или измельченного сыра» (из записок Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян», XVI век). И, в первую очередь, людей, потому что именно пленники, ясырь, были основной добычей набегов и основным товаром на рынках Аккермана и Килии. А ведь бывало и так, что изумленные иностранцы, наблюдавшие за возвращением татар из набегов в Украину и Россию, за многотысячными толпами ясыря, с изумлением спрашивали: «Неужели там кто-то еще остался?»

А самыми страшными людоловами были бужакские татары. Потому что они считались лучшими воинами крымского ханства. По отзыву Гильома де Боплана, французского офицера на службе польского короля, «эти (бужакские. — Авт.) татары храбрее тех, которые обитают в Крыму, так как лучше приучены к войне благодаря обстоятельствам. Они также лучшие, чем другие, наездники».

Правда, был у них недостаток, обрекавший их, в конечном итоге, на поражение. «Татарский народ не умеет стрелять из ружей. Ружей они боятся. Если где-нибудь есть ружья, они говорят: «Мытлык коп», и туда не идут» (Эвлия Челеби). Полностью эта половица звучит так: «Мытлык коп, джан йок» («Много ружей — нет души»). Поэтому у татар не было даже перспективы светлого политического будущего. Времена конных багадуров прошли: наступало время регулярного строя и залпового огня.

Но это — с точки зрения исторического процесса. Тем, кто попадал в руки людоловов, было не легче.

Да и боязнь ружейного боя татар еще долго не останавливала. Дмитрий Кантемир, господарь Молдавии в 1710–1711 годах и, затем, руководитель канцелярии российского императора Петра I, уже в XVIII веке писал, что для молдавских крестьян «особенно большим несчастьем является то, что они живут по соседству с татарами, которые не только тайно воруют все, что могут, но даже иногда под видом похода на Польшу (а в этом случае они не могут миновать Молдавию) открыто совершают величайший грабеж, увозя в плен всех жителей деревень».

Здесь, правда, у бужакцев возникали сложности, ведь молдаване являлись такими же подданными султана, как и они сами, и подобные набеги были запрещены приказами султана. Но они нашли выход: продавали молдаван под видом русских — ведь набегов на русские земли султан не запрещал.

Но по-другому и быть не могло. Граница Бужака и Молдавии — это цивилизационный фронт, пограничье. И законы там малосильны. Турецкие султаны до конца своего управления Бужаком издавали фирманы, запрещавшие набеги — но не помогало. Ведь бужаки, по подсчетам шведского историка Иоганна Тунманна «могли выставить от 30 до 40 000 воинов; они очень беспокойны и свободолюбивы». И эту беспокойную толпу надо было чем-то занять, иначе проблемы могли бы начаться у самой бужакской власти.

Да и молдаване не были паиньками и страдальцами. В 1683 году, когда практически все бужакское войско погибло во время похода турок на Вену, они особо не церемонились. Войска молдавского князя Думитрашку Кантакузина и казаки правобережного украинского гетмана Степана Куницкого частым гребешком прошлись

по Буджаку, уничтожив почти все степное население. Тот же швед Иоганн Тунманн замечал: «Однако молдаване платят им (буджакским татарам) часто тою же монетой и вообще считают долгом христианина лишить татарина жизни».

Военные нравы буджакских татар и их соседей — это, конечно, адреналинно, экстремально, ужасно и хорошо известно. Но основывалась их жизнь, по нашему твердому убеждению, все-таки не на этом.

Несколько неожиданно...

...но правдиво.

Традицией европейского представления о татарах стал образ немытого, но дисциплинированного лучника на невысокой, но выносливой лошадке, проводящего свою жизнь в погоне за терпилами-славянами.

Но при более близком рассмотрении — не получается. Да, набеговые формы ведения хозяйства имели место, но были далеко не главными.

В основе буджакской экономики лежало, прежде всего, скотоводство. Скота было много. Тот же Джиованни Лукка однажды спросил принимавшего его ногайца Демир-мурзу, сколько голов скота в его стаде, пасущемся вокруг его кибитки? Оказалось 400 000! «Вот почему они никогда не остаются на одном месте, а беспрестанно переходят, отыскивая новых пастбищ» (Д. Лукка).

Но не все — и не всегда. Потому что другой основой ногайской экономики было, как это ни странно звучит, земледелие. Ведь буджаки жили на плодороднейших землях, которые сами называли «кара чук» — «черная земля»: по свидетельству и западных (Тунманн), и восточных (Челеби) авторов, урожайность проса и ячменя там была «сам-сто».

А земледельческим традициям татар было уже сотни лет. Иософат Барбаро, венецианский дипломат XV века, блестящий рассказчик, проживший среди татар 16 лет, писал так:

«Не знаю, кто, кроме очевидца, мог бы рассказать о том, о чем я сейчас сообщу. Ведь вы могли бы спросить: «Чем же питается такое количество народа, если он находится в пути целыми днями? Откуда берется хлеб, который они едят? Где они находят его?» Я, сам видевший все это, так отвечу вам. Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, готовятся и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми — или же с частью семьи — направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду.

Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посева — сегодня здесь, завтра там, не удаляясь [от своих людей] больше чем на четыре дня пути.

Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят — причем она высотой равна падуанской пшенице, — а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи...»

И это в XV веке, в излучине Дона! В Буджаке земля гораздо плодороднее. И там буджаки тоже сеяли «пшеницу, рожь, особенно ячмень и просо» (Тунманн). Почему ячмень и просо — это ясно. Ячмень — для кормежки боевых коней. А просо: ну что ж, война приходит и уходит, а выпить хочется всегда. И пили, в основном, просяную бузу. Джиованни Лукка даже передал ее рецепт: «Самый обыкновенный напиток у этого народа составляет вода, вскипяченная с медом и небольшим количеством проса (буза), затем в течение 10 дней не трогают его, а потом снова кипятят. Этот напиток охмеляет так же сильно, как и вино».

А Челеби просто разливался в похвалах перекопской (орской) бузе, которая называлась кескен вару. «Для назидания эту бузу кладут в платок для омовения и несут домой. Не проливается ни капли. Вот какая это густая и вкусная, как костный мозг, буза. Татары, [живущие] в пяти переходах отсюда, садятся верхом и со словами: «Выпьем-ка орской бузы!», приезжают сюда. Тот, кто выпивает кувшин для воды с этой бузой, пьянеет и распевает песни: «Кулеляй ве буляляй!». Вот такая там отличная буза». Остается только горько пожалеть, что сейчас такой не выпьешь: мы спрашивали у крымских татар — секрет изготовления утерян.

Вот так, совершенно неожиданно, возникает образ татарина-пахаря, идущего за плугом, запряженным волами. Лошадью — нельзя! Это слишком благородное животное.

И как результат такого труда, возникал другой неотъемлемый атрибут оседлой жизни — города и села. Это тоже не новость для татар и ногайцев: тот же Барбаро, продолжая диалог с воображаемым оппонентом, так отвечал на воображаемый вопрос: «Если бы ты спросил меня: «Они, значит, бродят, как цыгане?»

«Я отвечу отрицательно, так как — за исключением того, что их станы не окружены стенами, — они представляются нам огромнейшими и красивейшими городами».

Ну, с огромнейшими и красивейшими в Буджаке не получилось, но городков и сел был немало. Челеби, описывая путь от поля боя с ногами до Крыма, отмечал:

«Ханкышла. Там живут буджакские татары. Это село в пятьсот домов, расположенное в часе пути от реки Днестр, с благоустроенным, как в городке, каравансараям, мечетью и баней».

«Потом мы приехали в селение Коркмаз. Это благоустроенное прибрежное село с одной мечетью, стоящее неподалеку от Днестра».

«Отсюда мы прибыли в селение Султан-Савати-хан. Это также благоустроенное прибрежное село с мечетью, а все дома в нем крыты тростником».

«...мы приехали в городок Чоплыджа. Это благоустроенное татарско-валашское селение... находящееся под властью *прибрежного аги* и состоящее из пятисот крытых тростником домов, мечети и семидесяти лавок».

«Кёпрюбаши [расположенное] в направлении кыблы от Аккермана. Это татарское село с одной мечетью».

А ведь это крохотный отрезок пути, от нынешнего села Удобное до переправы через Днестр.

В другом месте он описывает путь из Бендер на восток, в ставку «прибрежного аги»: «Здесь, повидавшись со всеми друзьями и получив от аги крепости охрану, мы направились на восток и прибыли в село Еникёй, а затем в села Копан, Левонта, Талмаз и через семь часов пути прибыли в село Базар-Чабручи. По пути отсюда мы миновали благоустроенные, похожие на городки села Султан-Савати, Коркмаз, Хаджиханкышла».

Или дорога из Измаила в Аккерман: «Выступив (из Измаила. — *Авт.*), мы двинулись на север и прибыли в деревню Каплыбагы. Это — татарское село... Оттуда мы приехали в селение Коджагёльбаши. Это также татарское село. Все это земли буджакских татар... Отсюда мы вновь направились на север и приехали в крепость Татарбунары. Выступив отсюда, мы достигли селения Аджигёль. Это благоустроенное татарское село. А затем мы прибыли в крепость Аккерман, которая известна как счастливое прибежище безопасности».

Что такое «село буджакских татар»? К примеру — Татарбунары, далеко не самое «благоустроенное» село: «В прилегающем к крепости посаде имеются двести крытых камышовыми плетенками домов бедного люда, постоянный двор, одна... баня, виноградники и сады». И следует учесть, что татарские жилище, особенно бедные, были многонаселенные. Уже в XIX веке, когда татары стали давно оседлыми, русский этнограф Густав Раде замечал: «Дома Татар весьма малы... В комнате, которая уже не бывает более трех сажень длины и двух ширины, спят обыкновенно от 6 до 8 человек». Но в таком случае крохотные Татарбунары имели не менее 1 000 жителей, гостиницу и общественную баню. Неплохо для «немых кочевников»?

Это в селах... А что вытворяли жители Буджака в городах!!!

Вот посад (неукрепленная часть города) Аккермана у Челеби: «В нем тринадцать кварталов. Все дома в них деревянные, с **верхними этажами**, крыты тесом, имеют деревянные дворы, окружены виноградниками и садами; они очень привлекательны. Некоторые дома, жилые постройки, кофейни крыты тростником или камышом. Из мечетей великолепна мечеть султана Баезида, старинная и простая на вид, Мечеть хана Менгли-Гирея, мечеть Ваиз-джамии, мечеть султана Селима хана — все это большие подарки татарских ханов. В семнадцати местах имеются начальные школы, и, к слову сказать, великолепна школа, расположенная в торговых рядах. Близ реки Днестр имеется одна старинного вида грязная и бедная баня; однако **много есть и домашних бань**. Здесь расположены лавки от каждого ремесленного цеха, но бедестана (крытого рынка. — *Авт.*) нет. В восточной и южной [частях посада] бесчисленные виноградники и сады».

Но все это — мелочь по сравнению с тем, что придумали жители Кили. «Перед этой крепостью на реке Дунай эмин-ага (наместник города) соорудил огромный рыбный садок». Течение реки было перегороджено вбитыми в дно бревнами и «эти

вбитые сваи обвивают длинными лозами дикого винограда и длинными жердями с развилкой на конце опускают эти навитые лозы до самого дна Дуная. Затем, когда эти лозы показываются на поверхности Дуная, то часть реки получается огороженной наподобие загона. Из него не может выйти рыба размером даже в пядь». А на самой середине Дуная (красиво жить не запретишь) «вбивают несколько сот свай и на них устанавливают временную постройку с кофейней и множеством комнат, и на уровне воды [в полу] делают окошки». Вот такая была рыбалка — с кофе, свежей осетринкой и отдельными «нумерами».

Рыбу «брали» роскошную: били «10–15-аршинных белуг и 5–8-аршинных осетров», с одной белуги снимали по 5–6 центаров икры (1 центар — 58 килограммов). Все, больше не можем, икры с осетринкой хочется!!!

Вот так, если вчитываться в свидетельства современников, пропадает образ «дикого татарина» и возникает народ, создавший на своей земле и доходное земледелие, и высокий уровень «рыбной промышленности». То, что сейчас называется «первичной экономикой». То есть — «экономикой, гарантирующей физическое выживание».

Ну а что до набегов на соседей, то — что поделаешь, время такое. Охота на себе подобных — это самый древний вид спорта в истории человечества. Разве что в нынешнее время орудия охоты покруче.

Но история татарского Буджака подходила к концу. Спустя сто лет после Челеби, в 1768 году, русская армия с некоторой опаской перешла Южный Буг — и как с цепи сорвалась. Громя все татаро-турецкие войска, до которых могла дотянуться, она «скатилась» вниз по Пруту, заняла Буджак и перенесла военные действия на другую сторону Дуная. А еще через четыре десятка лет, в 1812-м, по условиям Бухарестского мира между Россией и Турцией, Буджак вошел в состав России. На ближайшие пару веков.

К лучшему ли это было? Как знать! Но практически все путешественники XIX века, добравшиеся до Буджака и Бессарабии, «в один голос» утверждают, что после прихода русских стоимость продуктов питания поднялась в разы.

А татары после Ясского мира были выселены: часть ушла за Дунай, в Добруджу, часть — на Кубань и Северный Кавказ. К лучшему ли это было? Во всяком случае, татарские набеги на север прекратились. Но где-то, в глубине души — жаль, ведь буджакские «татары честны, добродушны, гостеприимны и мужественны» (Тунманн).

Часть 2

Бүткэл: адамнар,

УЛУ

«...у берби гилеү ибилешитих»

Первую часть книги мы писали если не с восторгом, то — с упоением. Тем упоением, которое возникает при соприкосновении с креативной, творческой историей. Да, жестокой! Да, кровавой! Но той историей, которая создавала державы и историческую память.

Но со второй половины XVIII века время собственно буджакской истории уже подходило к концу. Эта территория превратилась в поле битвы, которую обильно полили русской, турецкой и австрийской кровью Румянцев да Суворов, Молдаванчи Али-паша да Гази Хасан-паша, Эрнст Лаудон да Фридрих Саксен-Кобург.

Победила Россия, и на 180 лет Буджак стал дальней приграничной окраиной Российской Империи, а потом — ее исторического преемника, Советского Союза. Дважды за это время он «уходил от русских» (в 1856–1878 — опять к Турции, в 1918–1940 — к Румынии), но Россия, как говаривал князь Горчаков, «сосредотачивалась», и без особых проблем возвращала регион. В 1991 году Буджак стал частью суверенной Украины.

В эпоху Империи он превратился в забытый Богом уголок, поскольку центральную власть интересовала ну разве что вкуснейшая дунайская селедка и недорогое вино, производимое швейцарскими колонистами в Шабо. Но надо отдать должное царизму: жизнь в этом уголке он организовал очень рационально. В конце 1819 года сенатским Указом центральному Буджаку был предоставлен статус иностранной колонии со всеми вытекающими преимуществами в контексте самоорганизации и самоуправления.

И что удивительно! Население Буджака жило практически ирредентами. То есть компактно проживающими этническими группами. Ведь после бегства и выселения буджакских татар в 1812 году край заселили болгары, молдаване, гагаузы, немцы, русские, швейцарцы. Жили обособленно, своими поселениями. И — никаких межэтнических конфликтов! Эту территорию и сейчас называют «лабораторией толерантности». Вот и остается размышлять: может в нем что-то есть, в этом «колониальном» статусе?

После возвращения в состав СССР Буджак превращается в то, чем он является и сейчас — дотационный, а в эпоху суверенной Украины — и депрессивный, регион. Хотя советская и суверен-

ная дотационность — это явления совершенно разного порядка. При Союзе эта дотационность формировалась совершенно сознательно. От Буджака не требовалось поступлений в казну: ему назначалась совершенно иная роль — военно-транспортного узла. Воздушно-десантная дивизия, несколько отдельных полков, два авиасоединения, несколько взлетно-посадочных полос, способных принимать даже тяжелые бомбардировщики стратегической авиации. Казалось — вернулись времена темника Ногая, и Буджак опять держит в напряжении все Балканы.

В значительной мере военным целям служили и дунайские порты. Во всяком случае, Ренийский порт — так уж точно. Именно через него по Дунаю проводилось снабжение советских воинских группировок в Чехословакии и Венгрии.

Но при этом в крае была создана достаточно плотная сеть небольших и средних предприятий и производств, обеспечивающих городское население работой и, следовательно, зарплатой, пенсией и социальными гарантиями. Можно даже сказать, что Буджак при Союзе был если не престижен, то весьма заманчив. Богатый рынок продуктов, вино, упрощенный доступ к импортным товарам (все-таки — три международных порта) — все это очень привлекало. И тем страшнее было падение.

Кто пробовал, тот, наверно, помнит: дунайская селедочка в жестяных банках, копченые заводские лещи в десятикилограммовых ящиках, хамса в деревянных бочках... Все это была продукция Вилковского рыбоконсервного завода: более трехсот рабочих, холодильные установки на 500 тонн продукции, собственный рыболовецкий флот из 11 малых траулеров.

...Этот завод (Илл. 17) как-то внезапно вырос на пологом берегу одного из Вилковских каналов. Точнее — то что от него осталось. Лещей, производства Вилковского рыбоконсервного уже не попробует никто. Флот распродан, холодильники разграблены, а населяет территорию, разве что, несколько тысяч крыс. А когда-то все это начиналось как «приватизация предприятия».

Руины рыбоконсервного завода в Вилково — это символ нынешней промышленности Буджака, превращенной в ничто. И, как типичный результат, на 4 500 человек мужского населения этой «Венеции на Дунае» в промышленности города имеется 855 рабочих мест. И это еще очень хорошо, поскольку там, каким-то чудом, сохранилась Вилковская ремонтно-эксплуатационная база флота, дающая работу 472 жителям города.

Конечно могут задать вопрос (и уже задавали): «А стоит ли поднимать шум из-за жалкого клочка земли?» Можно было бы ответить газетным клише, типа «жалких клочков Отчизны не бывает». Но есть и другие резоны.

Да, регион невелик — около 13 300 квадратных километров. Но, между прочим, это в два раза больше, чем площадь планетарной головной боли (Палестина — 6 200 км²) и в девятнадцать раз больше, чем площадь планетарной гордости (Сингапур — 714 км²). Так что диапазон возможных сценариев развития Буджака очень широк: от «мал золотник, да дорог» до «мал клоп, да вонюч».

И определится сценарий в зависимости от того, как будет преодолено то, что мы не могли не назвать «буджакским изломом». Ведь «сломано» все: от представления о месте Буджака в структуре украинских территорий и возможности защиты этого места до дунайского русла, дорог, водоводов, кораблей и судеб. И это уже не экономическая депрессия, т.е. долговременный кризис. Здесь уже имеют место элементы психической депрессии — пессимизм, заторможенность, низкая самооценка.

Я не собираюсь ставить диагноз. Меня самого едва не вогнал в депрессию даже анамнез Буджака. В медицине это совокупность сведений, получаемых при обследовании путем расспроса самого обследуемого и/или знающих его лиц. Но даже малое прикосновение к «буджакскому излому» привело к неизбежному выводу: лечить надо. И если лечением региона не займется государство Украина, то вполне может найтись и другой желающий.

С него-то, желающего, я и начну вторую часть нашей книги. Начну я, журналист, а политик подхватит и прокомментирует.

Глава 4

В тени романских знамен

Надо же... Чуть было не написал «аквил». Но «аквилы» — это штандарты безжалостных римских легионов. И выглядят они помощнее и пострашнее добродушного и хозяйственного орла-добытчика из современного румынского военного герба (Илл. 18). Даже аквила злополучного IX Испанского легиона, таинственно пропавшего во II веке в дебрях лесов Северной Британии. Об этом еще Ник Маршалл снял, в 2010 году, фильм — «Центурион».

Но тенденция символа — от великого Рима к не менее великой Румынии — заметна. Причем не только в знаменах. В самоидентификации тоже. Один из нынешних лидеров Молдовы, яркий румынофил и яростный русофоб Михай (не так давно — Михаил Федорович) Гимпу однажды так и заявил: «Я не могу сказать, что являюсь дако-славянином, если я дако-римлянин».

Уже смешно. Мы уже писали об этом в первой части книги — история человечества знает не так уж много примеров столь качественного геноцида, коему римляне подвергли даков во втором веке новой эры. По словам Крития, врача императора Траяна, после римского нашествия 107 года в живых осталось только 40 даков. Критий, конечно, преувеличил, и территория Дакии была вскоре заселена, но уже римскими колонистами — галлами, италийцами, фракийцами, иллирийцами. Империя ушла из этих земель в 271 году, и кто туда только не хлынул: сначала германцы, а потом аланы, гунны, славяне, тюрки, угры и прочие. В таких условиях потомков римских колонистов надо было как-то называть: германцы называли их не очень дружелюбно — «валахи». Причем так было везде: в Британии и северной Европе их называли «вельсками» (отсюда — английский Уэльс и бельгийская Валлония), в Швейцарии — «вельшами», на Балканах — «влахами». Европейские вельски и влахи были либо уничтожены, либо включились в создание государств средневековой Европы. Дунайские — как партизаны, засели у себя в горах и пытались выжить. Обычными для средневековья методами — набегами и грабежом.

Древнерусская «Повесть временных лет» впервые упоминает о валахах под годом 898, от сотворенья мира 6 406-м: «Шли угры... И, придя с востока, устремились через великие горы, которые называются Угорскими, и стали воевать с жившими там. Си-

дели ведь тут прежде славяне, а затем землю Волинскую захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились вместе со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской».

Валахи, то подчиняясь венгерскому королю, то бунтуя против него, тихонько сидели на южных склонах Карпатских гор, формируя свой язык и этнос, пока не «пробил их час». В самом начале XIV века, когда в Буджаке погиб Ногай и на Подунавье возник «вакуум власти», валахи под командованием Бесараба I, восстали против венгров и победили их в битве при Посаде в 1330 году. Возникло независимое княжество Валахия. Ну, не совсем независимое... Сын Бесараба, Николай-Александр, был вынужден признать себя вассалом венгерской короны.

В середине XIV века другой валах и приближенный венгерского короля, Драгаш Воде, создал Молдавское княжество, которое при Богдане I, в 1365 году, стало независимым. Валахи хлынули в междуречье Прута и Днестра.

Не знаю, как у Михая Гимпу, а у тех валахов было очень много славянского. Во всяком случае, на монетах Мирчи Старого (Рис. 22), господаря княжества Валахия с 1386 по 1418 год (и очень неплохого господаря), титул написан на славянском языке.

Рис. 22. В это остается только поверить, но там написано: **Л. ІВМІРЧОВОВОДА**
(«Ион Мирча воевода»)

История Валахии интересна и кровава: один господарь Влад III (он же Цепеш, он же Колосажатель, он же Дракула, он же прообраз романа Брема Стокера) в XV веке чего стоит! Но сейчас она находится вне фокуса моих интересов. Важно другое. В XV веке Валахия (как и Молдавия) попала под власть Турции, а в XIX превратилась в королевство Румынию. И в большую проблему для Украины века XXI.

А началось все в небольшом городе Зигмаринген, что в федеральной земле Баден-Вюртемберг (Германия).

Простая человеческая благодарность «железного канцлера»

Княжеством Зигмаринген, в течение без малого трех веков (с 1576 по 1850 год), правили представители династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. Это младшая линия прусской королевской, а с 1871 года — германской императорской династии.

В 1848 году в Зигмарингене, как и во всех, уважающих себя европейских странах, началась революция. Князь Карл-Антон не мог справиться с ситуацией. И решил сменить шатающийся трон на менее престижное, но гораздо более спокойное и доходное кресло министра-президента Пруссии. Для этого он передал свое суверенное княжество прусскому королю Фридриху Вильгельму IV. С королем он не сработался, и через несколько лет ушел в отставку.

Таким образом возникли два «лишенных наследства», дети Карла-Антон — Леопольд и Карл. Судьбой детишек озаботился человек, создавший Германскую Империю — Отто фон Бисмарк. Он сменил бывшего правителя Зигмарингена на посту прусского президента и сделал все, что бы пристроить лишенцев. Наверно — в благодарность за княжество.

Леопольда он «продвигал» в короли Испании. Не получилось — возмутилась Франция. За что была наказана разгромом при Седане и позорной капитуляцией во Франко-Прусской войне 1870–1871 годов.

С Карлом получилось удачнее. В начале 1859 года на престолы и Молдавии, и Валахии был избран молдаванин полковник Александр Иоанн Куза, который 24 декабря 1861 года провозгласил создание Объединенного княжества Валахии и Молдавии, а себя — его правителем-доминатором. Турецкий султан согласился.

Но Куза не смог долго удержаться на престоле — его реформы, особенно либеральная земельная, пугали крупных землевладельцев. Как же: отмена барщины и натуральных повинностей крестьян, а также наделение землей 71 тысячи хозяйств.

Не обошлось и без женщины. Его любовницей (или, как тогда деликатно называли — метрессой) была 35-летняя молдавская боярыня Мария Катарци. Дело житейское, но Мария была вдовой племянника основателя династии Обреновичей в Сербии, князя Милоша I. И матерью юного Милана, которого уже всерьез рассматривали как будущего правителя этой балканской страны (он им и стал в 1868 году). А Обреновичи всегда были симпатиками России. Европейские страны, которые не так давно, в результате Крымской войны, с трудом выгнали Россию из Подунавья такой постельный «центр российского влияния» совсем не радовал.

В общем, произошло невероятное: феодалы и буржуазия объединились — с точки зрения социологии это совершенно чудовищно, как конь и трепетная лань в одной упряжке. Коалиция так и была названа — «чудовищной» (Monstrous Coalition). 22 февраля 1866 года Кузу свергли...

Рис. 23. Карл-Кароль I
к моменту восхождения
на престол Объединенного
Княжества

Рис. 24. Румынский полковник
Черчез. Ему сдалась Плевна

Вот тут-то и подсуетился Бисмарк, подсунув валахам и молдаванам нового кандидата — молодого и обаятельного Карла Гогенцоллерна-Зигмарингена (Рис. 23).

Австро-Венгрия была против, ибо зачем ей германский союзник на ее восточной границе. Поэтому Карл пересек Австрию тайно, под видом купеческого приказчика Лемана. А в Валахии приказчик стал доминатором, приняв «местное» имя Кароль I.

Звездный час Кароля наступил в 1877 году, когда Россия начала войну с Турцией. Он пропустил русские войска через территорию Объединенных Княжеств и отказался от выплаты дани Турецкой Империи. А это было 914 000 лей, или 265,3 килограмма золота. 10 мая 1877 года Кароль, «волею румынского народа», подписал Акт о независимости. И присоединился к русским (румыны называют эти события **«Razboiul de independent», Война за Независимость**).

Каролю следует отдать должное: сам он 26 недель находился на театре военных действий, да и его солдаты сражались неплохо. Так, например, страшная осада Плевны закончилась тем, что Осман-паша сдал город, гарнизон и свою саблю не русским, а румынскому полковнику Михаилу Христодулу Черчезу (Рис. 24). Да и сам Кароль, формально, был главнокомандующим объединенной русско-румынской армии, поскольку российский император Александр II поехал на войну простым медбратом.

По итогам войны Кароль, как доминатор Молдавии, потерял левый берег Дуная. Его забрала Россия, восстанавливая положение, существовавшее до Крымской войны. Но обижаться ему не стоило: в обмен, как доминатор Валахии, он получил «Острова, составляющие дельту Дуная, а также остров Змеиный, Тульчинский санджак, вмещающий округа Килию (правобережную. — А. Г.), Сулину, Махмудие, Исакчу, Тульчу, Мачин, Бабадаг, Гирсово, Кюстендже, Меджидие» (46 статья Берлинского договора). Но о Змеином — немного позже.

Эти земли Турция, первоначально, передавала России, в обмен на отказ от денежных контрибуций.

Но и это не главное. Благодаря победе в войне Кароль смог, в 15-ю годовщину своего пребывания у власти (10 мая 1881 года), провозгласить становление независимого государства — Королевства Румынии. Хотя в дипломатической переписке понятия «румыны» и «Румыния» употреблялись с 1866 года.

И как бы ни относиться к современной России, но нельзя не признать, что для того, дабы румынское государство появилось на политической карте, больше всего потрудились Российская Империя. Потому что 66 000 румынских солдат со 190 пушками на полях войны 1877–1878 годов — это, конечно, круто. Но что бы они делали без 280 тысяч русских? С их 802 пушками? Причем это — румынские цифры. Англичане и россияне склонны к другой цифре — 735 000 солдат при пятистах орудиях.

Но ожидание исторической благодарности — это, наверно, самое бесперспективное ожидание в истории.

«Люби сильного и добивай слабейшего!»

У Румынского королевства забавная милитарная история. Они всегда нападали на слабейшего, обладали особым даром быть битыми — и всегда оказывались в стане победителя.

Во время скоротечной Второй Балканской войны (29 июня — 29 июля 1913 года), в которой греки и сербы на клочки порвали Болгарию, румыны дождались, пока театр военных действий переместится далеко на запад страны. А после этого начали марш на юг, вдоль берега Черного моря. Не потеряв, судя по всему, ни одного солдата в боях (но изрядно пострадав от холеры), Румыния получила Южную Добруджу — территорию к югу от правобережья Дуная, с площадью 6960 км² и населением 286 000 человек.

С точки зрения стратегии — блестяще, но неспортивно.

В Первую мировую войну румыны тоже выжидали. Труднее всего пришлось королю: с одной стороны, он был генерал-фельдмаршалом Российской Империи (кстати, последним, кому было присвоено это звание в императорской армии), с другой — германофилом и родственником германского императора. 10 октября 1914 года 75-летний Кароль I умер, а Румыния продолжала выжидать.

В принципе — правильно делала. Румыны продавали воюющим странам зерно и бензин, богатели и с наслаждением смотрели, как гробят друг друга два их обидчика. Россия, которая отобрала еще у турок, в 1812 году, Восточную Молдавию, и Австро-Венгрия, владевшая, как считали румыны, «их Трансильванией». Но желание «полюбить сильнейшего» и оказаться в лагере победителей было непреодолимым.

Румынские «приключения» в Первой мировой войне вызывают брезгливое восхищение. Хотя никто не вправе осуждать, ведь все, что полезно твоей стране для за-

щиты ее национальных интересов, — допустимо и необходимо. Поэтому румынскую дипломатическую школу следует признать блестящей: страна проигрывала почти все сражения, предавала союзников, сепаратничала — и, в конце концов, всегда оказывалась в неимоверном выигрыше. И об этом — немного подробнее.

Летом 1916 года Австро-Венгрию измочалил русский генерал Алексей Брусилов. В результате операции его Юго-Западного фронта австрийские войска потеряли 1 млн 200 тыс. убитыми и ранеными и 400 тыс. пленными. Румыния поспешила присоединиться к сильнейшему. 17 августа 1916 г. в Бухаресте была подписана конвенция между Румынией, с одной стороны, и Россией, Англией и Францией — с другой. Соглашение предусматривало вступление Румынии в войну, за что ей в случае победы было обещано присоединение Трансильвании, Буковины и земель венгерской равнины, вплоть до Тисы (хотя там никакого румынского населения никогда не было). Российский начальник главного штаба Василий Алексеев был категорически против этого союза, полагая, что румынская армия не сможет защитить территорию страны и эта задача ляжет на плечи русской армии.

Не зря много лет спустя Уинстон Черчилль приравнял генерала Алексея к европейским военным гениям, маршалу Фошу и генералу Людендорфу. Михаил Васильевич оказался абсолютно прав: за три месяца румынская армия была наголову разгромлена австрийцами: «Ближайшие же месяцы показали, что наша новая союзница совершенно не была готова к военным испытаниям и уже к ноябрю потерпела поражение. Пал Бухарест. Треть всей румынской армии попала в плен... Русскому командованию пришлось сдвинуть весь фронт на юг, чтобы прикрыть Бессарабию», — так вспоминал советский маршал Василевский. В декабре 1916 — январе 1917 г. пришлось срочно перебрасывать более полумиллиона российских солдат в Румынию и разворачивать их на фронте от Буковины до устья Дуная.

«Подставив» таким образом Россию, Румыния в мае 1918 года заключила сепаратный Бухарестский мирный договор с Германией и Австрией и вышла из войны. Интересный был договор: согласно его пятой статье, румынские части на западном направлении практически лишались боеприпасов — по 250 патронов на винтовку и 2 500 — на пулемет (4 минуты огня из пулемета Максима). Восточные же части (в Бессарабии) оставались снабженными боеприпасами по нормам военного времени.

Румыния сделала Германии большой подарок, передав все запасы горючего, технических масел и даже значительную часть урожая 1918 года. Но при этом она все-таки смогла впрыгнуть на подножку паровоза победителей. 10 ноября 1918 г. за день до подписания немцами перемирия и завершения Первой Мировой она опять объявляет войну Германии!

И спокойно, на правах победителя, гонит деморализованную большевиками Русскую армию и занимает российскую губернию Бессарабию. Хотя этого автора сейчас цитировать не модно, но Иосиф Сталин имел рацию, когда заметил: «Кто связывается с Румынией взаимной помощью, тот должен держать меч наготове». И нечего обижаться на «отца народов», поскольку «делатель румынских королей», Отто фон Бисмарк, высказался еще более хлестко и едко: «Румын — это не национальность, это профессия смычка и отмычки».

В конечном итоге, всегда битая и всегда спасаемая Румыния получила, с точки зрения территориальных приобретений, самый большой «приз» в Европе. По послевоенным договорам к ней отошли Трансильвания, Буковина, Бессарабия, Кришана, Марамуреш, восточный Банат — все венгерские и австрийские земли, где можно было найти хоть каких-нибудь этнических румын. Население расширившегося государства (Илл. 19) составило 16,2 миллиона (против семи с половиной в довоенный период). Промышленный потенциал страны вырос в 2,4 раза, площадь сельскохозяйственных земель увеличилась с 6,6 миллиона до 14,6 миллиона гектаров.

Румыны назвали это «Великим объединением» («Малым» они называют союз Молдавии и Валахии) и начали искать гаранта сохранности своих приобретений. Они долго плелись во французской упряжке, но в конце 30-х годов переориентировались на Германию, предлагая ей самое дорогое — нефтяные запасы Плоэшти, единственные разрабатываемые в Европе. Однако Гитлеру были нужны более боеспособные союзники, такие, как Болгария и Венгрия, уже бывшие у него «в кармане». Да и сам Гитлер «строил глазки» Сталину — как ресурсному источнику и единственной реальной военной силе на востоке Европы. Поэтому немцы плоэштинскую нефть и румынскую фашизацию с удовольствием приняли, но саму Румынию элементарно «кинули». В Секретном дополнительном протоколе к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом (Пакте Молотова — Риббентропа) «румынский вопрос» был решен как-то «оскорбительно мимоходом» (Рис. 25). Всего четыре строчки: «3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях».

В отличие от советской стороны, которая была заинтересована во многом. 26 июня Румыния получила ультиматум всего с двумя требованиями СССР:

- «1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.
2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте».

Немцы были абсолютно не против, желая только двух вещей — чтобы русские не переходили в Бессарабии участок реки Прут и нижнего течения Дуная, чтобы не подвергать опасности германские интересы в районах нефтедобычи и, в случае военного столкновения, не бомбили эти районы.

Поэтому всего две строчки в телеграмме послу Германии в Румынии, от 25 июня 1940 года, предлагали Бухаресту «достигнуть полюбовного урегулирования бессарабского вопроса в удовлетворительном для России смысле». Попробуй тут отказаться в любви, если за 3 дня до этого столь уважаемая Румынией Франция сдалась Гитлеру.

И все, Бессарабия и Северная Буковина стали советскими. По такому же сценарию, только посредством формально более уважаемого Венского арбитража 1940 года, Северная Трансильвания стала венгерской, а Южная Добруджа — болгарской областью.

Румынский «колобок» образца 1920 года «сдулся» превратился в какую-то тощую «варежку» (Илл. 20).

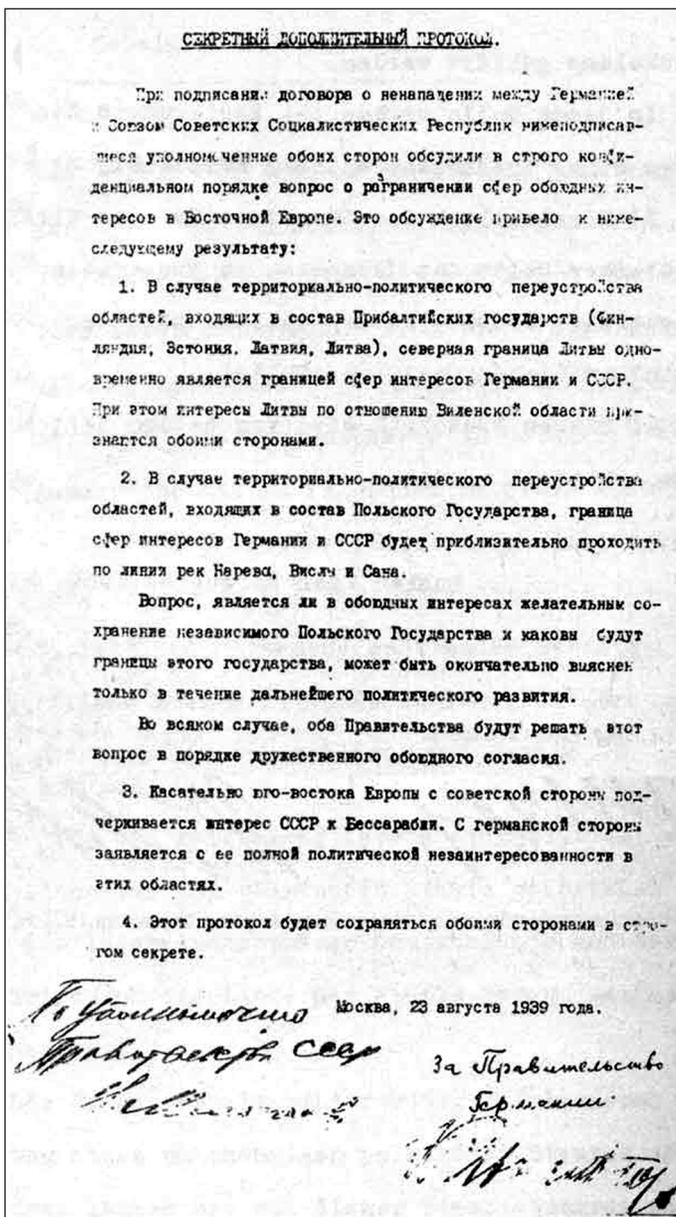

Рис. 25. Легендарный Секретный дополнительный протокол к Пакту Молотова — Риббентропа (из архива Президента РФ)

Однако Бухарест, до времени, оставался верным союзником Берлина и «отыгрался» во время Второй мировой войны. На территории Молдавской и Украинской ССР румыны, по разрешению Германии, образовали два губернаторства (Бессарабия и Буковина) и провинцию Транснистрия. В последнюю входили территории между Днестром и Южным Бугом (Одесская, Николаевская и Винницкая области), в том числе и наш Бужак. Гитлер щедро платил за предоставленные ему полмиллиона солдат и бензин из завода в Плоэшти.

Завод в Плоэшти союзники разбомбили, а солдат перемололи красные под Сталинградом, в Крыму и во время Яско-Кишиневской операции. Но Транснистрию румыны собирались защищать от русских «всерьез и надолго». Археологи, копающие античные поселения на западном берегу Бугского лимана, уже много лет недобрым словом поминают румын, которые изрыли окопами склоны (а это портит стратиграфию памятников).

Но всерьез не получилось. Как мне рассказывал очаковский житель, «весной 44-го, со стороны Станислава (мыс на восточном берегу лимана. — А. Г.) показалась баржа с то ли ранеными, то ли пьяными советскими моряками. Румыны сразу же погрузились на каруцы и рванули на Запад. Наши бомберы их только на Днестре достали».

И тогда румыны повторили «кульбит 1918 года». 22 августа 1944 года король Михай II арестовал фашистского диктатора Иона Антонеску, и через несколько дней Румыния объявила войну Германии. И ведь получилось! Румыния опять оказалась в стане победителей и ей даже вернули Северную Трансильванию. А Михая даже наградили усыпанным бриллиантами советским орденом «Победа». И еще более двух лет там существовало странное «красное королевство», где можно было угодить под суд по парадоксальному обвинению в «антисоветской агитации и оскорблении короля».

Во времена социалистического блока румыны тихонько сидели под контролем СССР. Зато после развала Союза они заболели тем же, чем и многие страны бывшего социалистического блока — манией величия. Которая почти всегда является обратной стороной комплекса неполноценности.

Казалось бы — к чему столь долгое описание не особо интересной военной истории Румынии. К сожалению, приходится ответить — для того, чтобы знать, с кем имеет дело Украина сейчас. Потому что на сегодняшний день именно этот наш юго-западный сосед является самой большой угрозой украинской территориальной целостности. К тому напомним самое простое определение суверенитета: «возможность самостоятельно принимать решения на СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ».

А есть ли угроза со стороны румын?

В сегодняшнем Бухаресте практически на каждом шагу можно увидеть карту «Великой Румынии» (Илл. 21). О Транснистрии дело не идет (пока), но Молдова, Черновицкая область и бессарабские районы Одесской области — уже там.

Во время своих путешествий по Бужаку с вопросом о румынской угрозе я приставал ко всем — от генералов до рыбаков. Официальные лица махали руками: «Что вы, что вы...» Пресс-офицер штаба Южного регионального управления погранслужбы Андрей Белобородченко даже предположил, что я начитался Умберто Эко: «У него, в «Маятнике Фуко», трое ребят придумали химерную теорию о тамплиерах, но не успели оглянуться, как у теории оказались и последователи и свидетели». Иными словами, мне предложили не высасывать гипотезу из пальца. Хотя, вообще-то, в романе Эко загадочные химеры оборачиваются более чем реальными преступлениями и кровью.

Задал я этот вопрос и генерал-полковнику Педченко, занимавшему в то время пост главнокомандующего Вооруженных Сил Украины. В ответ: «Я бы не сказал, что у них есть какие-то враждебные позы против Украины. Я такого не слышал. И если кто-то из политиков позволяет делать какие-то выпады: «то было наше, а теперь не наше», то есть международное сообщество, есть международные границы, эти границы ратифицированы, и мы готовы их защищать». Дело было под Болградом, на военных учениях «Адекватное реагирование-2011». Но что еще мог сказать Григорий Николаевич, стоя в окружении толпы журналистов и свиты генералов? Ведь каждое его слово могло быть воспринято как политическая декларация.

Хотя недалеко была вывешена карта учений. Так вот, по сценарию «наши» назывались «калиновыми», противник — «юго-западными». А что находится на юго-запад от Болграда? Правильно, Румыния. В общем — почти классическая «оговорка по Фрейду», когда истина актуализируется в обход сознания.

Наиболее трогательной была реакция Марии Гайдарджи, болгарки по национальности и фанатичной болгарки по духу. И председателя Болградского райсовета по месту работы. Когда она «втянулась» в разговор, то, молчаливая поначалу, в конце буквально вскричала: «Да если это произойдет, то встанет все болгарское население края. И болгарский легион сбросит румынов в Дунай». А что? Болгары не очень радостно вспоминают времена «румынского Бужака».

После страстной речи болгарской Пассионарии стало немного полегче. Но не особо... Потому что «болгарский легион» — это, конечно, сила, но уж больно рьяно румынские политики «косят взглядом» на украинские территории.

Сначала «мягко стелили». В сентябре 2008 года бывший министр иностранных дел Румынии Адриан Северин, ныне — депутат Европарламента и герой коррупционного скандала, лукавым чертом подкатывался под патологическое евростремление президента Ющенко: «От дружбы и поддержки Румынии Украина выиграет гораздо больше, чем от нескольких лишних квадратных километров континенталь-

ного шельфа». Режим заглотнул наживку, и с невинностью младенца потерял черноморский шельф по решению Гаагского суда (об этом — немного позже). Правда, было его несколько тысяч квадратных километров.

Но есть и заявления гораздо более жесткие. Украина «держит румынские территории... и подписывая с Украиной договор о границах, Румыния держала в уме, что сама Украина — проект неокончательный, а значит, возможно все» (Корнелиу Вадим Тудор, депутат Европарламента от Румынии, председатель партии «Великая Румыния», до 2008 года — румынский сенатор).

«Украине достался самый жирный кусок из всех республик бывшего СССР, и им бы поделиться по-честному» (Мирча Друк, экс-премьер Молдовы, ныне — румынский сенатор).

И уж совсем безапелляционное: «Всем известно, и даже последним сталинистским динозаврам в Москве, что Бессарабия была, есть и будет румынской. А румынские территории, будь то находящиеся на данный момент под украинской оккупацией, будь то «независимые», вернутся туда, где их место, — в Румынию... Но что бы ни делали эти ископаемые, их хохляцкие наемники или манкурты, находящиеся у власти в Кишиневе, воссоединение Румынии произойдет. Раздражение России становится все более очевидным, поскольку вещи начинают идти естественным ходом». Эту фразу достаточно читаемого румынского журналиста Мариуса Батки можно было бы и проигнорировать как паранойю, но она вызвала немалый резонанс в румынских электронных медиа. И большинство комментариев были в поддержку идеи Батки (как, например, на сайте [Ziua Veche.ro](http://ZiuaVeche.ro)). А это уже — общественное мнение.

Как и первоапрельская шутка сайта Trombon.ro (Илл. 22), разместившего у себя план атаки украинской территории (особенно трогательна в ней единственная румынская подводная лодка «Дельфин», мужественно атакующая Крым).

Шутки шутками, но среди пятидесяти семи откликов только ОДИН был отрицательный. Остальным румынским пользователям идея понравилась.

Ну и, напоследок, совсем уж феерическое заявление румынского президента Траяна Бээску, сделанное им летом 2011 года: «В контексте 70-летней годовщины давайте торжественно скажем «Румынские солдаты, приказываю перейти Прут!» (так сказал фашиствующий правитель Румынии, кавалер немецких Железных крестов 2 и 1 класса, кавалер Рыцарского креста, кавалер Ордена Заслуг германского орла маршал Ион Антонеску в день начала Великой Отечественной войны. — А. Г.). И если бы я был в тот исторический момент, то отдал бы такой приказ, потому что мы были союзниками и у нас были отторгнутые территории. Если условия были таковы, то я бы сделал это».

Правда, следовало бы помнить, что именно этот приказ привел Антонеску в заросший парк тюрьмы «Жилава», где он был расстрелян (Рис. 26), по приговору румынского суда, 1 июня 1946 года. Как и военный губернатор Транснистрии профессор Георге Александру. Но не зря давно заметили, что «история учит только одному — что она ничему не учит».

Рис. 26. Казнь Антонеску

Но это все так, общественное мнение (хотя заявление президента — это уже политическая декларация). Причем следует заметить, что власти суверенной Украины сделали все, что бы это мнение укрепить. Еще в августе 1992 года президент «УНР в эзиле» (то есть — Украинской Народной Республики, но в изгнании) Николай Плавюк торжественно передал первому украинскому президенту Леониду Кравчуку грамоту, в которой суверенная Украина признавалась правопреемницей УНР.

Впечатляюще, но — глупо. Потому что в Бессарабии и на Буковине в то время властью Украинской Народной Республики даже и не пахло. УНР хотя и провозгласила в 1917 году создание независимого государства на украинских землях бывшей Российской империи, за все время своего существования (очень короткого) занимала весьма небольшую часть современной Украины. В южноукраинские степи ее не пустили сначала Одесская Республика, потом — немцы, Антанта и Добровольческая армия Деникина. На востоке УНР гоняли сначала отряды Донецко-Криворожской Республики, затем — немцы и большевики. На юго-западе (здесь, в Бессарабии) — румыны. С формальной точки зрения, «правопреемникам УНР» между Дунаем, Прутом и Днестром и делать нечего.

Так что такую грамоту лидерам новой суверенной Украины даже в руки нельзя было брать, не то, что — принимать.

А потом гордая Украина начала отказываться от советского прошлого. И дошла до идеи того, что «исторически так сложилось, что объединение украинских земель осуществлялось врагами Украины» (академик Мирослав Попович). Оставлю на совести академика его негативные эмоции, но логический закон противоречия говорит о недопустимости одновременно утверждения и отрицания. И когда Попович

«утверждает» Украину и «отрицает», объявляя врагами ее создателей, то вывод может быть один: кто-то находится в режиме «абсурда-бессмыслицы» — либо Украина, либо сам Попович.

Немного отвлекусь, но не могу не расставить точки над «i». Четверть современной украинской территории — это ее расширение при Советском Союзе. В сухих цифрах это выглядит так:

4 декабря 1939 года — присоединение Львовской, Волынской, Станиславской (с 1962 года — Ивано-Франковской), Тернопольской и Ровенской областей. Всего — 89 762 квадратных километра, или 14,86 % территории современной Украины (вследствие пакта Молотова — Риббентропа).

7–9 августа 1940 года — присоединены Черновицкая и Аккерманская (потом — Измаильская, объединенная в 1954 году с Одесской) области. Всего — 20 495 квадратных километров, или 3,39 % территории современной Украины (вследствие пакта Молотова — Риббентропа и германского давления на Румынию).

22 января 1946 года — Закарпатская область с площадью 12 777 квадратных километров, или 2,11 % территории современной Украины (по праву военной победы).

И, наконец, 19 февраля 1954 года из состава РСФСР в состав Украины, по инициативе Никиты Хрущева, была передана Крымская область (сейчас Автономная Республика Крым) 26 197 кв. километров, или 3,67 % общей территории.

«Потери» же за это время составляли 4 168 квадратных километров, переданных в 1940 году вновь создаваемой Молдавской ССР (нынешнее Приднестровье), или 0,7 % территории.

Однако, вслед за Европой, украинские суверенные либералы осудили «Пакт Молотова — Риббентропа» и решили «вычеркнуть» его из своей истории. «Прекрасно, — сказали румыны. — Тогда следует отречься и от современного наследия этого пакта. А Южная Бессарабия и Северная Буковина в составе Украины — это результат именно разделения европейских интересов Германии и СССР по секретному приложению к пакту. Просим вернуть-с». И, кстати, с точки зрения формальной логики они абсолютно правы. Как правы и поляки с Западной Украиной, венгры с Закарпатьем. А если хорошо подумать — то и турки с Крымом. Все-таки он был их вассальным государством в течение 300 лет.

Но ведь политика государства должна руководствоваться национальным интересом, а не принципами формальной логики и/или этно-историческими предпочтениями?

А қозыру-то наго равняты!

Вот румыны и руководствуются этим интересом. И в результате создали все технические условия для быстрой победы в силовом конфликте с Украиной, если таковой состоится. А он имеет все шансы состояться.

Во-первых, Румыния — это один из основных активов США в Европе, поскольку согласилась предоставить американцам свою территорию для развертывания элементов третьего позиционного района противоракетной обороны. А также передала в аренду Пентагону и НАТО авиабазу «Михаил Когэлничану», учебные полигоны «Чинку», «Смардан» и стрельбище «Бабадаг». И рассчитывать на то, что миролюбивые Евросоюз и НАТО не допустят конфликта, следует только после тщательного изучения исторического опыта Сербии, Ирака и Ливии.

А во-вторых... Для достижения победы в силовом конфликте необходимо обеспечение трех условий: достижение максимального преимущества в нужное время и на нужном направлении. Ну, направление, как говаривал Глеб Жеглов, «изменить нельзя». Время будет выбирать не Украина и даже не Румыния. А вот максимальное преимущество...

На румынском берегу Нижнего Дуная и вдоль побережья Черного моря расквартированы соединения Второй Пехотной дивизии Румынии (штаб в городе Бузэу):

В Фокшанах — 8-я ракетная бригада «Александру Иоан Куза» (пять батальонов, из них два ракетных).

В Фокшанах же — 262-я механизированная бригада «Унирея Принсипателор» (шесть батальонов).

В Констанце — 9-я механизированная бригада «Марасешти» (шесть батальонов).

В Яссах — 15-я механизированная бригада «Поду Инальт» (шесть батальонов).

В Меджидии — 53-й полк ПВО «Трофей Траяна» (три ракетных батальона).

В Браиле — 10-я инженерная бригада (четыре батальона).

В Хуше — 202-й батальон радиационно-химической защиты.

В Браиле — 528-й разведывательный батальон (спецназ) под успокаивающим названием «Влад Цепеш» (тот самый, который Колосажатель и Дракула).

В Бузэу — Батальон спецопераций HUMINT (разведывательно-диверсионный батальон Генштаба).

Итого — 33 батальона, из которых шесть ракетных, три танковых, шесть мотострелковых, шесть артиллерийских, три спецназовских. Все — в пределах трех дневных маршей от берега Дуная.

Конечно, это сложно — форсировать большими силами такую широкую водную преграду, как Дунай. Но и старик-Дунай Украине не особо поможет. Поскольку, с военной точки зрения, он принадлежит Румынии. У них там Дунайская военная флотилия: три монитора, пять бронекатеров и двенадцать патрульных катеров. Это по данным лондонского института стратегических исследований (IISS). На самом деле — больше. Там есть еще минные тральщики, транспортеры и новейшие, турецкой постройки, пять патрульных катеров Пограничной охраны.

В общем, тень романских знамен на том берегу Дуная становится все гуще и гуще.

А что имеет Украина?

А ничего. В этом согласны и власть, и оппозиция. Не так давно пусть и бывший, но афганец (замполит разведроты специального назначения прямого подчинения командующего армией, пулевое и ножевое ранения), пусть и скандальноизвестный, но нардеп от БЮТ Роман Забзалюк всячески уходил от ответа на мой вопрос: **«В случае возникновения конфликта с Румынией, у Украины есть какие-нибудь шансы с точки зрения силового потенциала стран?»**. Однако я был настойчив, и, в конце концов, получил ответ. Очень короткий: **«Нет»**.

Когда летом 2011 года я впервые попал в рабочий кабинет Николая Пундика (а это уже партия власти), он взял меня за локоток и подвел к карте: «Здесь (палец ткнул в Болград) сначала стояла воздушно-десантная дивизия. Потом — худо-бедно, но полноценная аэромобильная бригада. Здесь (тычок в Арциз) — крупное авиасоединение. Здесь (палец — на Тарутино) мотострелковый полк. Сейчас ничего этого нет. Мы голые перед любым, даже несерьезным противником».

Я буду толочь воду в ступе и проливать слезы о военном могуществе Украины советских времен. Военные расходы — это всегда бремя для бюджета и их необходимо снижать. Но ведь нельзя обрубить руки по самые плечи!!!

А в Буджаке именно так и произошло. Ведь когда-то этот регион мог на равных «поговорить» со всей юго-восточной Европой. В Болграде была дислоцирована легендарная 98-я гвардейская воздушно-десантная Краснознаменная ордена Кутузова 2-й степени дивизия. В мае 1993 года она была переведена в Россию, а на болгарской базе была сформирована 25-я отдельная воздушно-десантная бригада. Но и она в 2002 году была передислоцирована в поселок Гвардейское, Новомосковского района Днепропетровской области. Вывели мотострелковый полк и из Тарутино.

А с авиацией вообще произошла катастрофа. В том же Болграде была одна из самых лучших взлетно-посадочных полос в стране — 5 000 метров длиной. Она была запланирована как «аэродром подскока» для стратегической бомбардировочной авиации и, даже, как резервная полоса в программе «Буран». То есть на нее могли садиться советские «шаттлы».

Неподалеку, в Арцизе, на аэродроме со взлетно-посадочной полосой в 3 800 метров стоял 737-й истребительный полк (а это три эскадрильи, 36 МиГ-23), получивший среди специалистов-летунов уважительное прозвище «бешеные». И где он, тот полк? Расформирован согласно директиве командующего ВВС Украины №0460 от 18 декабря 1997 года. На прощании со знаменем полка преклонившие колено «бешеные» пилоты плакали...

Что же осталось сейчас? В Буджаке еще за полгода до написания этих строк не было НИЧЕГО! Ближайшая военная часть находилась под Одессой: 28-я механизированная бригада в поселке Чабанка. Целых три батальона на БМП и три танковых роты (аж 36 танков!). Да еще 808-й понтонный полк в Белгороде-Днестровском. Все остальные части 6-го армейского корпуса расположены на линии Днепропетровск — Херсон и «заточены», скорее, против России.

На Дунае у Украины, вроде бы, есть четыре сторожевых катера пограничной охраны, типа «Шмель». «Вроде бы» — потому что «Шмель» — это проект 1204, 1967 года «рождения», водоизмещением 77 тонн, с «противопыльной броней» и двумя 25-миллиметровыми пушками. Хотя, говорят, что к этой четверке еще по два «Града» на каждый подмонтировали.

Поэтому я совсем не удивлялся, когда встречал суда «Морской охраны» только по-прятанными в густых зарослях левого берега Дуная (Илл. 23). Ну действительно, много ли у них шансов, например, при встрече с монитором «Михаил Когалниччану» — 550-тонником 1993 года выпуска, с двумя 100-миллиметровыми пушками, двумя 30-миллиметровыми пушками, да еще с двумя 122-миллиметровыми реактивными системами залпового огня?

Ну, и что можно сказать при таком раскладе сил? Только удивиться, почему румыны еще не под Одессой. Но им туда и не надо. Если предположить, что целью конфликта будет Буджак или какая-то его часть (почему — об этом в следующей главе), то им достаточно переправиться через Дунай, раздавить пограничников и рвануть в направлении на Татарбунары — Белгород-Днестровский. До Белгорода-Днестровского 323 километра по ужасной дороге, но «танки грязи не боятся». До Татарбунар и того проще — 97 километров. Причем доходить туда совершенно не обязательно.

И все, Украина теряет Дунайско-Днестровское междуречье. Ведь военная «победа» — это не уничтожение неприятеля и его государства. Победа в конфликте — это заключение мира на условиях, наиболее удовлетворяющих выигравшую сторону. А мир заставят заключить очень быстро, потому что на территории Румынии, члена НАТО и Евросоюза, расположены четыре американских военных объекта. Так что за миротворцами далеко ходить не придется: американцы и НАТОвцы разведут спорщиков по углам, создадут линию отчуждения и быстренько начнут переговорный процесс. Но вся беда в том, что процесс будет проходить в условиях уже захваченной украинской территории. Дельта Дуная в таком случае будет временно отторгнута. Но что может быть долговечнее, чем временные меры? В свое время именно так, «временно», перешла под контроль НАТО область исторической гордости и религиозного трепета сербов: Косово и Метохия. Но как потом оказалось — навсегда.

Поэтому я даже не собираюсь проводить анализ соотношения военных сил Украины и Румынии. Или рисовать картинку развития событий, определять возможных союзников, направления главных ударов и значение России в различных сценариях разборки. Я вынужден повториться, но в случае развязывания конфликта для украинского Дунайско-Днестровского междуречья все будет решено в течение нескольких дней, а то и часов: как только румыны сомнут украинские силы на берегу Дуная и выйдут на оперативный простор буджакской степи.

Да, такая возможность украино-румынского конфликта — это всего лишь гипотеза. Но, как говорили великие вроде бы предки румын (те, которые не даки, а римляне), «Praemonitus praemunitus» («Кто предупрежден, тот вооружен»). И поэтому: что бы ни говорили о нынешнем правительстве и режиме, но дай им Бог закончить

то, что они начали. Либералы, демократы и прочие патологические евроинтеграторы это сделать будут не в состоянии!

А делают вот что... Впервые за два десятка лет суверенности Украина начала **не разрушать** свои вооруженные силы, **а создавать** их. Весь 2011 год одесская областная власть отчаянно билась за формирование в Болграде новой военной части — 12-й механизированной бригады.

Пока планируется два батальона и танковая рота. Правда, от планирования до создания — дистанция огромного размера: ведь для создания бригады необходима база. База определена в Болграде, и это правильно — инфраструктура, традиции, опыт.

Но, Господи, во что превратили еще недавно благоустроенные болгарские военные городки: развалины, разруха и все поросло травой. Мой соавтор повел меня туда. Я с ужасом фотографировал руины (Илл. 24), а он завел тоскливую песню воспоминаний (в армии Пундик заканчивал учебку 98-й дивизии в Овидиополе, так что эти места знает хорошо).

Рефреном песни было «А какой же был здесь классный... (клуб, плац, казарма, машинный двор и так далее...)». Перечислено было все, потому что сейчас все разрушено.

Поэтому на момент написания этих строк 12-я бригада — это 106 контрактников и 70 срочников под командованием полковника Алексея Джолоса. По утрам они занимаются военно-строевыми упражнениями, а потом весь день готовят базу, чистят, скребут, приколачивают... Полковник полон воодушевления, во всяком случае внешнего.

Формальные поводы у него есть. Когда Янукович был еще только претендентом на президентское кресло, перед ним поставили вопрос о защите запада Одесской области. Он пообещал, что, придя к власти, в числе приоритетных поставит для себя задачу возвращения военных в Болград. И теперь кабинет Азарова проявляет просто невиданную в украинских условиях прыть в выполнении: не прошло и полугода, как военные вернулись.

Оружия у них, правда, еще нет. Даже стрелкового. Но Джолас не унывает, тем более, что ожидает не старье, а что-нибудь современное — и из стрелкового, и из бронетехники. Еще недавно у него был могучий единомышленник — главнокомандующий. Генерал Педченко тоже считает, что есть «определенные параметры, которые гарантируют безопасность страны. И, причем, это не численный состав. Это качество подготовки — раз, вооружение и техника — два» (цитата из беседы. — А. Г.).

И очень хочется надеяться, что пыл и кураж одесской власти, да и новой военной верхушки, не иссякнет. Потому что я, как гражданин Украины, чувствовал бы себя не в пример увереннее, если бы состав 12-й бригады поболее приближался хотя бы к румынским: пять — шесть батальонов. Я, конечно, верю профессионализму генерал-полковника Педченко, который считает, что «по нашим расчетам, в этом регионе бригада сможет выполнить любую задачу оборонительного характера», но — все-таки...

Уезжая из Болграда я спросил полковника Джоласа: «А атаку из-за Дуная, в случае чего, отобьете?» Тот слегка замялся, глядя на диктофон (все-таки я требовал заявления политического характера). А потом — как с плеча: «А куда мы денемся!»

Азарт радует, но тревожит вопрос: «А что вы сможете?» Два батальона против 33. Даже старик Клаузевиц гарантировал победу при достижении трехкратного преимущества нападающих над защитниками. Конечно, в век высоких технологий арифметические выкладки немецкого теоретика позапрошлого века — ничто, но беда в том, что и в высоких военных технологиях мы значительно отстаем от румын.

И маленький козырь в рукаве

Не знаю, насколько велик этот козырь, но в случае аларма сгодится.

Одесская область сейчас всюю проталкивает во властных кабинетах центра идею расквартирования в Буджаке батальона внутренних войск. Батальон, очевидно, планируется не из простых, потому что сейчас в Министерстве внутренних дел идут переговоры о включении в его состав двух рот военной части № 3028. Более известной под названием «Ягуар» (Рис. 27), полка милицейского спецназа (основное место дислокации — городок Калиновка, в Винницкой области, почти на месте ставки Гитлера «Вервольф»).

Почему «Ягуар»? Ну, наверно, потому что это достаточно качественная команда. Киевский режиссер Лена Константиновская, сделавшая недавно классный телесериал о спецназе, по возвращению из Винницы, сказала мне, скромно потупившись: «Милые дисциплинированные мальчики. Даже романтичные. Но умеют все». Она знала, о чем говорит. Снимая свои «Двенадцать подвигов спецназа», она прошерстила все украинские боевые отряды. И имела возможность сравнивать.

Во-вторых, «Ягуар» не новичок в Одессе. Их регулярно туда командировуют в горячие дни летнего сезона. И эти «котятя» не отличаются почтительностью и церемонностью. У многих одесситов осталось в памяти, как в 2008 году два ягуаровца скрутили Шона Карра, английского репера, байкера и зятя премьера Юлии Тимошенко. Который, с женой и шестью друзьями, пожелал проехать на мотоциклах в «Зеленую Зону» Ливадии. Наверно искупаться захотел. В пол-одиннадцатого вечера. Не знаю — кому как, а мне нравится, когда особо наглую элиту прикладывают мордой к асфальту. Как простых «пересичных украинцев».

Рис. 27. Эту кошечку запускают в буджакскую степь

Расквартировать их планируют тоже в Болграде. Зачем? Трудно сказать. После разговора с пограничниками и одним из шефов «Миссии Евросоюза по приграничной помощи Молдове и Украине» Ронаном Гоггином у меня есть только одна версия, конопляная.

Еще в 90-х годах умники из украинской власти передали Молдове 480 метров береговой дунайской полосы. Молдавия, таким образом, стала дунайской страной. Кишинев, с участием азербайджанских денег, за 10 лет построил там нефтетерминал, торговый порт и успешно перехватил товаропотоки, ранее направлявшиеся в украинский Рени — один из самых больших портов на Дунае. Сам Ренийский порт сейчас благополучно издыхает, а Ренийский район стал одним из самых депрессивных регионов далеко не богатой Одесской области.

А ведь жить населению как-то надо!

Не так давно одесским властям передали два легких самолета-беспилотника. И во время облета Ренийского района там были обнаружены огромные (320 гектаров, 3,2 квадратных километра!!!) поля культивированной конопли. Канабиса!

Когда я задал вопрос о полях канабиса руководителям Ренийского района, они в возмущении замахали руками: что вы, какая культивация, ну разве что, дикие посевы. Правда в самом городе очень хорошо разбираются в сортах конопли, технологии ее выращивания и, даже, экономике ее производства. Я даже узнал, что год был тяжелый и одна посевная семечка канабиса стоит уже неизмеримо дорого — 8 долларов.

А тут еще Ронан Гоггин поведал мне, как общеизвестный факт, о том, что Ренийский район лежит на линии наркотрафика «Одесса — Румыния — Западная Европа». Я не знаю величину транзита наркотиков по этому направлению. Но самая большая партия кокаина была перехвачена одесскими пограничниками 3 июля 2010 года — две тонны. Такой перехват — это, конечно, большой успех. Но, к сожалению, сам объем партии указывает на то, что это не единичная рискованная поставка, а налаженный канал. Двумя тоннами не рискуют.

Да и пограничники заметили в том районе значительное увеличение количества нелегальных мигрантов, вроде бы «занятых на сезонных сельскохозяйственных работах». В 2010 году их было выловлено более сотни.

Посевы, нелегальные работники, наркотрафик... Что получается в сумме? Правильно! Версия о том, что Ренийский район становится не просто частью трансконтинентального коридора по транзиту наркотиков, а ареалом их выращивания и производства. Это, конечно, не опиаты и не кокаин, а всего лишь, старая добрая марихуана. Но, все равно, неприятно. В таком случае вызов батальона внутренних войск может означать, что областная власть, наконец-то, осознала масштаб бедствия и предполагает начать шерстить наркорайон по-настоящему. Или, во всяком случае, попытаться.

Вряд ли у них это получится: хотя бы потому, что это, до конца, не получалось ни у кого. Но во всей этой истории есть один безусловно положительный момент. Внутренние войска современной Украины намного более боеспособны, чем ее измученная популистскими реформами армия. Хотя и заточены на другую

задачу — массовые беспорядки. Но стрелять и рукопашничать умеют, так что, в случае возникновения конфликта, наличие батальона пусть и милицейского, но спецназа, может послужить немалым подспорьем: все-таки три батальона — это лучше, чем два.

Настоящая жизнь в городе начинается тогда, когда в него входят военные

Это наблюдение Козьмы Пруткова как нельзя лучше подходит к современному Болграду.

Когда я спросил у Михаила Садаклиева, председателя Болградской районной администрации, что означал для этого маленького города вывод бригады, он взорвался злостью: «Вывод военных — это было, конечно, преступление перед городом. Город и район потерял инфраструктуру на 100 %. Упала численность — раз. Упала покупательная способность — два. Упал сбор налогов — три. Пропали рабочие места. За военными потянулись их жены и дети, а ведь они — всегда интеллектуальная элита в гарнизонных городках. Военные городки за несколько лет были разграблены, ведь военные не передали их нам, городским властям. Точнее — городским властям досталась только расходная часть, мы оплачивали какое-никакое, но содержание этой земли. Использовать же эти городки в полном объеме мы не могли и не можем. Особенно при тех гигантских нарастающих финансовых потерях, которые город понес от вывода военных. Они ушли: упали продажи на рынках — упал оборот — упало производство продуктов — упали сборы».

Зато теперь в будущее Михал Михалыч смотрит почти безмятежно. А как же:

— уже принята программа строительства двухсот квартир для военных. Для пятнадцатитысячного Болграда — это как НСК «Олимпийский» для Киева. Это раз!

— появятся более 2 000 (а если еще и ВВшный батальон — то почти 2 500!) рабочих мест. Это два!

— в бригаду будут рекрутировать, в основном, местных уроженцев. Они получат пристойную, по местным меркам зарплату (но совершенно непристойную в любом другом измерении: сержант — 200 долларов). Это три!

— от новых поступлений бюджет города увеличится почти на 40 %. Это четыре!

— если придут ВВшники, то снизится преступность. Это пять!

Было еще и шесть, и семь, и восемь... Был еще и рефрен: «Спать станем спокойнее. А то, что Вы думаете? Ведь от Рени до Одессы ни одного военного нет, кроме пограничников. А у румын есть и экономические, и территориальные претензии».

В общем — дай-то Бог такую удачу и другим городкам Бужака!

Я прекрасно отдаю себе отчет, что происходящее размещение новых войск не решает сути самой военно-политической проблемы. Дисбаланс в силах, по-прежнему, остается разительным. Но мудрые китайцы не зря говорят, что дорога в тысячу ли начинается с первого шага.

Мне было очень тяжело писать эту главу. Для «выкованного в СССР» (а я горжусь этим) и привыкшего ощущать себя частью неизмеримого планетарного могущества, очень дискомфортно предполагать военную угрозу для своей Украины со стороны Румынии. Страны с блестящей историей дипломатии, но, будем откровенны — с весьма непрезентабельной военной историей. Ну что же, возможно это — плата за демократию. Но стоит ли то, что мы здесь, в Украине, почему-то называем демократией, такой цены?

Хотя все это лирика. А в контексте нашей темы возникает вопрос — а из-за чего весь этот сыр-бор? Причина есть... «Приз» вероятного нижнедунайского конфликта весьма велик — Дунай (Рис. 28) — вторая по величине река Европы.

Рис. 28. Дунай

А для европейцев Дунай — это, вообще, самая большая река Европы, поскольку большинство из них твердо убеждено, что Волга течет где-то в Азии, среди орд диких русских. Боюсь, что с нынешним болонским качеством украинского образования в этом скоро будет убеждено и большинство граждан нашей страны.

Глава 5

Привратники Непутевые

На восточных склонах Шварцвальда, там, где смыкаются границы Германии, Швейцарии и Австрии, в районе города Донаушинген, сливаются два горных ручья — Бреге и Бригах. С этого места, расположенного на высоте 678 метров над уровнем моря начинается Дунай, самая большая река стран Центральной и Западной Европы. Общая протяженность реки от места слияния указанных горных ручьев составляет 2783,4 км, из которых 2414 км судоходные. Основная водная артерия Западной Европы, овеянный легендами Рейн, судоходный только на 952 километра — просто подросток.

Но приток Рейна, Майн — это начало судоходного «Main — Donau-Kanal», который заканчивается на реке Альтмюль. А Альтмюль впадает в Дунай. В результате сформировался Трансевропейский водный путь (Илл. 25), соединяющий Черное море с голландским Роттердамом, самым большим портом мира в 1962–2004 годах (сейчас он уступил это звание Сингапуру и Шанхаю). Роттердам — это обслуживание фантастического объема грузов — до 400 миллионов тонн в год.

А что такое европейские товарные грузопотоки в настоящее время?

Без штанов на золотых берегах

С 1999 года европейцы успешно реализовали программу замены наземных грузовых транспортировок на водные. Это естественно: водой дешевле и экологичнее. А развитая сеть западноевропейских каналов (Рейн — Рона, Рейн — Херне, тот же Майн — Дунай и другие) позволяет доставлять грузы практически в любую точку континента. В результате за десять лет общий грузооборот на реках и каналах Западной Европы увеличился в 7,5 раз, до 450 миллионов тонн в год.

В канун расширения Евросоюза на Восток и присоединения к нему в 2004 и 2010 годах двенадцати стран перед объединенной Европой возникла проблема создания транспортного коридора, связывающего запад и восток этой части света. Проблема приобретает все большую остроту в связи с заинтересованностью Старого Света в ресурсах и углеродах Прикаспия и Азии, особо ярко проявившаяся с 2001 года (с началом войны в Афганистане, затем — в Ираке).

Поэтому в 2009 году Евросоюзом была поставлена задача: выработать «Стратегию ЕС по Дунайскому региону» («Дунайскую стратегию»), призванную окончательно сформировать единый водный путь, связывающий Северное и Черное моря. В настоящее время в Европе существует 10 «международных транспортных коридоров». И самым важным из них считается «коридор № 7», от Вены через Братиславу, Будапешт, Бухарест и до Черноморского побережья. Тем более что там и ЕС, и НАТО стоят уже «твердой ногой» (после присоединения в 2007 году бедной, но стратегически очень важной и весьма амбициозной Румынии).

Что означает реализация «Дунайской стратегии»? В первую очередь — значительное увеличение грузопотока по Дунаю, поскольку «коридор № 7» это и есть Дунай. В настоящее время этим путем ежегодно перевозится 50 миллионов тонн грузов. Планируемое увеличение — в 6 раз, до 300 миллионов тонн. Хотя это явно не предел. Если Запад возьмет под контроль каспийскую легкую нефть, а дело к этому идет, то товарный грузопоток увеличится еще в разы.

Во-вторых — деньги. Реализация стратегии не предусматривает новых средств из бюджета Евросоюза, но на проекты планируется выделить деньги из уже существующих программ ЕС. Но планируется выделить немало — до 100 миллиардов евро.

8 декабря 2010 года Еврокомиссия приняла «Дунайскую стратегию». Уже здесь Украина получила первую оплеуху. В стратегии выделено 11 приоритетных сфер, каждую из которых курируют по две из 14 стран-участниц. Всего статус «куратора» получили 11 стран (Румыния, например, курирует три сферы). Украины среди них нет! Она деликатно названа «заинтересованным государством» в сфере «улучшения мобильности и соединений между различными видами транспорта». Экология, культура, туризм, качество воды, рекреация — это Украину либо не интересует, либо ее просто не допускают к этим проблемам.

А может, и правильно? Потому что создается впечатление, что Украине это не нужно.

В начале 2011 года к десяти «национальным проектам Украины» был добавлен одиннадцатый: «Дунайский транспортный коридор». И что? И ничего... С конца прошлого года это название исчезло даже из интернет-новостей.

В июле 2011-го премьер Азаров поручил Министерству инфраструктуры и Министерству экономического развития разработать украинские инициативы в рамках Дунайской стратегии и подготовить соответствующие проекты. И что? Есть какие-то слухи о существовании пяти украинских проектов. Но сведений о них нет даже на сайтах соответствующих министерств. А Румыния за это время уже вовсю пиарит **СЕМЬ** проектов на сумму более 450 миллионов евро.

Риторический вопрос: можно ли поручать «курирование» какой бы то ни было приоритетной сферы стране, находящейся в таком состоянии то ли спячки, то ли прострации? Ведь окончание проектов транспортного коридора не означает окончание «Стратегии» в целом. Ведь коридор не должен заводить в тупик. Теоретически от устья Дуная могут начинаться новые водные транспортные коридоры в Евроазию:

- через Черное море и Днепр — в Беларусь, Прибалтику и Северную Европу;
- через Черное море, Азовское море, Дон и Волгу — в промышленные регионы России;
- через Черное море, Азовское море, Дон, Волгу и Каспийское море — в страны Центральной Азии.

Так что русло Дуная, пролегающее через территорию 10 стран, потихоньку становится не водяным, а золотым. Украина за это золото бороться не хочет: нет стратега в Отечестве своем. Мы гордо и суверенно стоим без штанов на золотых берегах.

Румыния, наоборот, предпринимает отчаянные и грязные шаги, чтобы стать единовластным владельцем устья Дуная. Ведь старая истина: «кто владеет устьем, тот владеет рекой» еще никем не опровергнута.

Именно поэтому Румыния предпринимает шаги, чтобы привести в негодность самую удобную часть дунайской дельты — Килийское русло (об этом — немного позже). И именно поэтому она инициировала действия, связанные с пересмотром украино-румынской границы. Но такое может себе позволить только сильный (или, хотя бы — сильный в сравнении с Украиной). В этом качестве Румыния сильна, если вспомнить 33 батальона вдоль Дуная и черноморского побережья. Им есть чем подкрепить свои претензии.

Они и претендуют. И начали с острова в море.

Часть суши,

со всех сторон окруженная проблемами

Остров Змеиный, о котором пойдет речь, не имеет никакого геополитического, стратегического или, даже, экономического значения. Ни водички попить (нет воды), ни в тени поваляться (нет тени). Но этот остров и географически, и традиционно — символ. Символ ключа к устью Дуная. С него румыны и начали.

Вообще-то, Змеиный, само его название — плод исторического недоразумения. Я не смог отказать себе в удовольствии провести маленькое историческое расследование, которое показало, что ни в Украине, ни в Румынии, ни в Европе, порой не ведают о чем говорят.

Поэтому — небольшое интермеццо: **«Не то называли Змеиным».**

Остров, который мы сейчас называем Змеиным, имеет древнюю историю и восемь названий. У греков он назывался Левка (Белый), Ахиллий (в честь ге-

роя Троянской войны), Элизиум (Блаженный, поскольку после гибели под Троей Ахилл был воскрешен и перенесен, по мифу, именно сюда), Филоксий (Гостеприимный). И вдруг, века с XIII — как с цепи сорвались: Фидониси, Илан-Ада, Шерпилор. Это все — Змеиный (по-гречески, по-турецки и по-румынски). Да полно, это что, тот же остров?

Причем змей на острове практически нет. И версия о том, что их разогнали люди не выдерживает никакой критики. Вон на Березани, под Очаковом, и археологи работают, и туристы табуняются, а водяных ужей-бычколовов — под каждым прибойным камнем.

И еще одно вызывает сомнение. Размеры. В XVII веке Гийом Левассер де Боплан писал: «За 8 миль от гирла Дуная находится низкий остров до 2 миль в окружности, где тоже есть пресная вода. Турки называют его Илан-Ада, то есть остров змей». И на карте (Рис. 29) указал Илан-Аду именно на месте современного Змеиногo.

Рис. 29. Остров Змеиный на карте Боплана

Иллюстрации ко 2 части
Буджак: анамнез, или «... и беды дней нынешних»

Илл. 17. Руины Вилковского рыбоконсервного завода

Илл. 18. Грозный романский орел при Траяне и сейчас

Илл. 19. Румыния образца 1920 года

Илл. 20. Румынская «варежка» в 1940 году

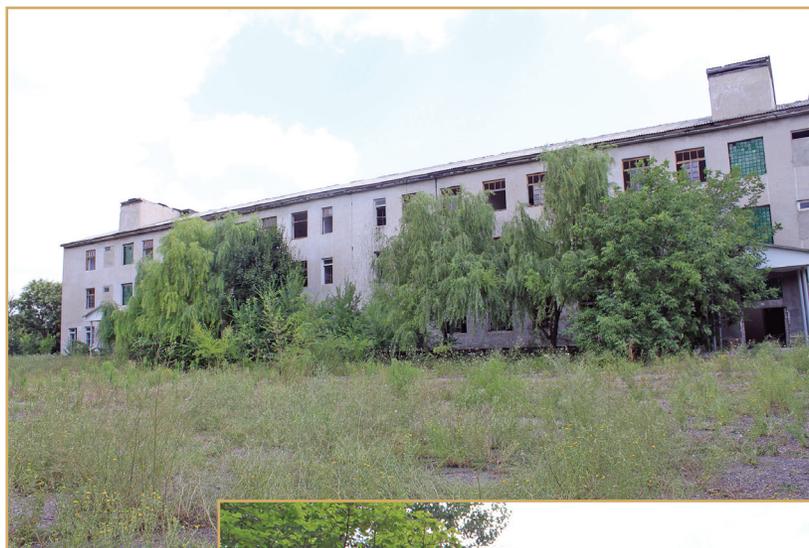
Илл. 21. Мечты сегодняшнего дня: «Великая Румыния»

Илл. 22. Так некоторые в Румынии видят «разговор с Украиной»

Илл. 23. Украинский Дунай под о-о-очень надежным прикрытием, спрятанным в кустах

Илл. 24. То, что осталось от военного городка в Болграде: так проходит слава мира

Илл. 25. Трансевропейский водный путь

The Island of Serpents (Zmeiny Island)

Остров Змеиный

Илл. 26. Остров Змеиный. Приют уставшего корабля.
Литография Карло Боссоли. 1856 год

Илл. 27. Суд в Гааге: пожелания сторон и результаты

Илл. 28. Румынский «сон о Майкане»

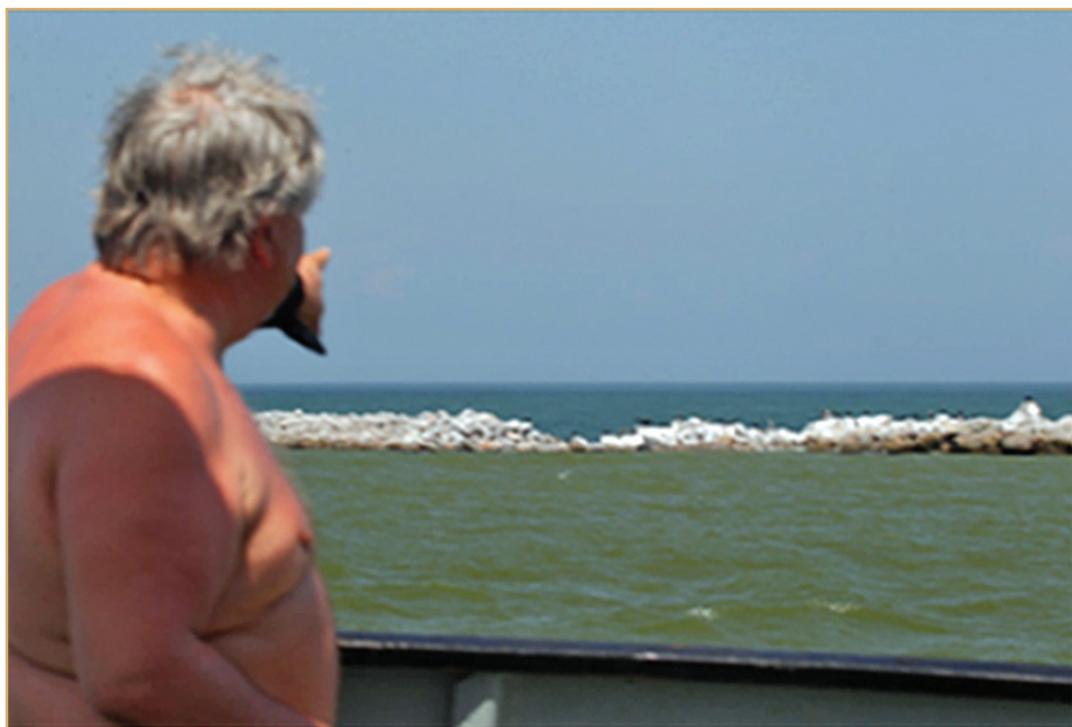
Илл. 29. Зеленым цветом выделена Вторичная Килийская дельта, желтым — острова на Дунае

Илл. 30. Убийца Килийского русла. Румынская драга «Дунария»

Илл. 31. Взгляд на дамбу глазами птицы летящей...

... и глазами птицы плывущей. Плывущие видят, что дамба уже разрушается

Илл. 32. Транспортная сеть Европы

Илл. 33. Насосная станция Дунайско-Днестровской оросительной системы

Илл. 34. «Мустанги» и «бизоны» нижнедунайских островов

Илл. 35. Рыбачьи байки не всегда врут: я и мои сазаны

Илл. 36. Лихтеровоз на загрузке
и в море

Илл. 37.
«Остров
обреченных
кораблей»
в Усть-Дунайском
порту

Илл. 38. «Туманное
цунами» во Флориде,
пляж Панама-Сити
(Panama City Beach)

Илл. 39. Курорт
в Татарбунарском
районе — ни цунами,
ни гостиниц.
Вообще ничего...

Но, во-первых, на современном Змеином нет источников пресной воды. А во-вторых, какие две мили? Причем это мили не современные (1 609 метров), а французские (более известные, как лье — 4 448) или немецкие (7 420 метров). Скорее всего — второе, потому что в средневековой географии использовались, преимущественно, немецкие мили. И не потому, что качественные, а потому, что 4 мили почти точно составляли «*iter pedestre*», «день пути» — древнейшую меру длины, известную еще в «Ветхом Завете» (Быт 30:36; 31:23; Исх 3:18 и т.д.).

Под «днем пути» имелось в виду 7–8 часов пешего перехода военного подразделения — 29 680 метров. Именно на такое расстояние в течение дня переходили римляне, изобретатели «*iter pedestre*». Это спокойным ходом. Ежели приспичивало, то могли «дать» и до шестидесяти километров.

Боплан, французский военный инженер на службе польского короля, должен пользовался именно этой милей: во-первых, военный, во-вторых — инженер, в-третьих — не дома, поди! И еще один момент. В своем «Описании Украины» он упоминает, что запорожские казаки «достигали даже устья Черного моря, в трех милях от Константинополя». Но от черноморского входа в Босфорский пролив и до бухты Золотой Рог, что в Стамбуле, около 25 километров. То есть, французских лье было бы более пяти, а немецких миль — как раз примерно три. Отсюда следует, что измерения Боплана — все-таки в немецких географических милях.

Но тогда, возвращаясь к Змеиному острову, 2 мили — это 15 километров. И если «2 мили в окружности», то диаметр составляет почти пять километров. А площадь — более 15 км². Сегодняшняя же площадь Змеиного — 0,2 км².

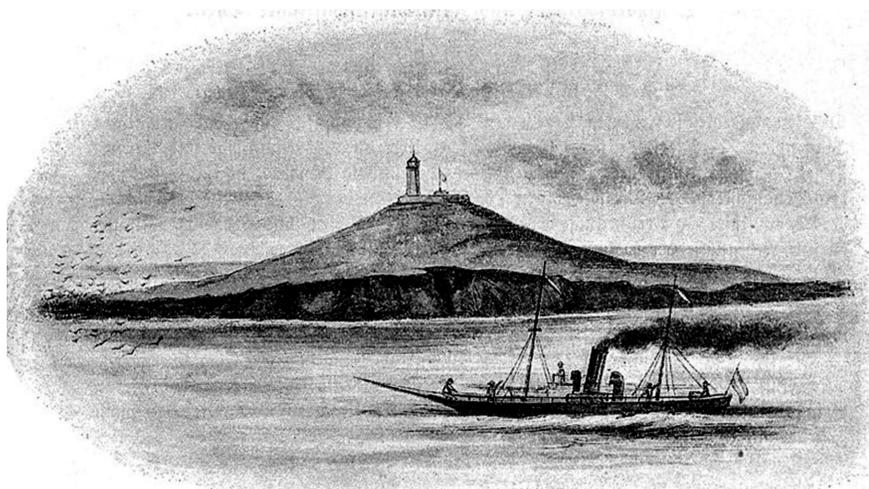
Это какой же «понтийской трансгрессией» (последним циклическим подъемом уровня Черного моря) можно объяснить такой размыв острова, образованного крепкими горными тектоническими породами!

Да и какой он «низкий»? Высота его берегов — до 23 метров в юго-западной части. На литографии одесского уроженца Карло Боссоли (1815–1884) Змеиный выглядит могучим форпостом спокойствия в бушующем море (Илл. 26).

А максимальная высота острова — 41 метр над уровнем моря (Рис. 30). Там уже более полутора веков маяк работает.

Если бы Боплан видел остров, то не мог бы ошибиться в 75 раз в определении площади и так проколоться в рельефе! Все-таки — военный инженер. Но француз не видел Змеиного и не был в низовьях Дуная, хотя низовья соседних рек, Днепра и Южного Буга, он знал хорошо. И хорошо знал, где живут буджакские татары, которых он явно побаивался. Потому что «эти, повторяю, своевольные татары постоянно рыщут по пустынным степям, чтобы грабить христиан и продавать их на галеры, ибо живут они исключительно грабежами, подобно хищным птицам».

Подунавье он описывал явно по рассказам и картам европейцев. Но тогда он просто что-то перепутал или не понял рассказ. Потому что «Змеиный остров» в тех краях был, но немного в другом месте.

Die Schlangenfinsel im Schwarzen Meere mit dem Leuchtturm.

Рис. 30. Змеиный в конце XIX века и в начале века XXI

Боплан написал «за 8 миль от гирла Дуная». Но он не сказал — в какую сторону? В море или вверх по течению. А если посмотреть вверх, то мы увидим следующее.

В 80 километрах вверх по тульчинскому течению основное русло Дуная разделяется на Килийское и Тульчинское гирло. В этом междуречье (или между-гирлье?) находится большой район, с востока ограниченный практически непроходимым массивом собственно дельты, с огромным количеством озер, протоков и ериков. С севера на юг там около 30 километров, с запада на восток, вдоль русел Дуная, около сорока.

Именно этот массив уже знакомый нам Эвлия Челеби назвал «Тульчинским, или Змеиным, островом». А Челеби, в отличие от Боплана, сам был в этих местах и прошел через этот остров, сопровождая турецкие войска, идущие разбираться с мятежными молдаванами. В пятом томе его Сейяхат-наме есть описание этого острова.

«С севера и юга его — река Дунай. А езды вдоль него к Черному морю восемь часов, а если ехать поперек, от города Тулчи до города Измаила, то пять часов. И это такой лесистый остров на Румелийском тракте, что лишь бог один ведаёт, сколько на нем диких зверей, грызунов и птиц. Очень много здесь ястребов, которых охотники ловят и из их крыльев делают оперение для стрел. На этом острове каждый год забивают семьдесят-восемьдесят тысяч голов крупного рогатого скота и из всего [этого мяса] вырабатывают бастырма. Имеются специальные дома, где забивают и разделяют скот. А комаров здесь так много, что при заходе солнца они заставляют людей и коней звать о погибели. Блудниц, которых ловят в крепостях Измаил, Килия и Тулча, оставляют голыми на этом острове, и те за одну ночь погибают от усердия комаров, москитов и разной мошкары.

Так вот, благополучно преодолев этот остров, мы за три дня переправились через Большой Дунай напротив города Измаила и прибыли в крепость Измаил».

С девочками дунайцы поступали, конечно, круто. А комары совсем не изменились за столетия: такие же озверевшие на закате.

А в остальном — все прекрасно. Именно это место должно быть «Змеиным островом» Боплана. Во-первых, со всех сторон окружено водой. Во-вторых, низинное место с большим количеством пресной воды. В-третьих, начинается примерно в 8–10 немецких милях от черноморского берега. И уж там змеямото, действительно раздолье.

И как богат сам остров! 80 000 голов скота — это, конечно, Челеби приврал (судя по рассказам Сейяхат-наме он это любил). Любимая цифра тюрок, насколько я знаю — 8. Символ бесконечности и любимый декоративный сюжет. Но даже если Челеби приврал «на любимую цифру», и все умножил на восемь, то «настоящий» Змеиный остров, был пастбищем для десяти тысяч голов! Это столько же, сколько все стадо крупного рогатого скота нынешней Одесской области. Причем на Змеином это были «головы ежегодного забоя».

Но тогда откуда взялся «Змеиный на морских просторах»? Благодарить мы, очевидно, должны генуэзцев. Они появились в черноморских водах в XII веке, но первоначально центром их торговых интересов были территории восточнее Аккермана. Но картографировать Черное море они стали сразу. Очевидно, именно тогда они узнали от греков-византийцев что-то о некоем Змеином острове и, вполне естественно, дали это название единственному острову этой части Черного моря.

А генуэзцы, как мореплаватели, были в авторитете. Поэтому уже с XIV века на всех европейских картах, даже таких тщательных и скрупулезных, как карты Каталонского Атласа (1375), название острова пишется как Фидониси или Федонисси. Истина опять склонилась перед авторитетом.

А в начале третьего тысячелетия этот остров, эта «ошибка истории и картографии» стала трагедией и, даже, позором Украины. Потому что именно с этого острова румыны начали разборку с Украиной.

И началось это еще в 90-х годах прошлого века, когда румыны собрались в НАТО и Евросоюз. Но там свои правила, во всяком случае — формальные. Члены этих альянсов не должны иметь нерешенных территориальных споров с соседями. Опять-таки, формально не должны. А Румыния еще в 90-х годах, сразу после развала СССР заявила о своих претензиях на пересмотр статуса Змеиного и на делимитацию морской границы с учетом такого пересмотра.

И уж не знаю, какие аргументы использовались румынской дипломатией в отношении тогдашних президента Украины Леонида Кучмы, премьера Евгения Марчука и министра иностранных дел Геннадия Удовенко, но в июне 1997 года был подписан договор «Об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией». И в этом договоре, во второй статье, Украина «сдала» свои позиции и интересы. Там зафиксировано, что «Договаривающиеся Стороны заключат отдельный договор о режиме границы между двумя государствами и решат вопрос о делимитации их континентального шельфа и исключительных экономических зон в Черном море на основе принципов и процедур, согласованных путем обмена письмами между министрами иностранных дел, который состоится одновременно с подписанием настоящего Договора. Договоренности, согласованные путем такого обмена письмами, вступят в силу одновременно со вступлением в силу настоящего Договора». Потрясающе!

Вместо того, чтобы воспользоваться ситуацией и «обменять» признание существующих морских границ на возможность для Румынии вступить в евроальянсы, Украина признала право Румынии на пересмотр границ ее континентального шельфа (ведь делимитация это всегда коррекция границ), и перенесла этот вопрос «на будущие периоды» — министерские письма, согласования, договоренности...

Тем более, что никакого «пакета договоренностей» создано так и не было. А лишь обострился конфликт на Дунае (об этом — чуть позже). Но у Румынии «на носу» было вступление в НАТО. И они опять смогли убедить (уговорить, купить, запугать, ублажить — по выбору читателя) украинскую власть: 17 июня 2003 года в Черновцах был подписан договор «О режиме украинско-румынской границы, сотрудниче-

стве и взаимной помощи в приграничных вопросах». Этот документ детализировал правоотношения пограничных служб, но никак не решал главную проблему — делимитации границ в Черном море. Однако он снимал видимость румынских территориальных претензий к Украине. И Румыния своего добилась: 29 марта 2004 года она была принята в НАТО. И тут же отблагодарила своих «добрососедей» и «сотрудничающих» — 16 сентября 2004 года она обратилась в Международный суд справедливости ООН (Гаага, Нидерланды) с иском против Украины.

И здесь произошло то, что рационально объяснить ничем нельзя. Украина пошла на этот суд! Хотя все знают, что Гаагский суд всегда выносит компромиссные решения. Так что Украина неизбежно должна была что-то потерять, ведь не мы искали уступок у Румынии, а наоборот. Проще всего было бы отказаться от Суда ООН, полностью в соответствии со статьей 38 (часть 5) его Регламента: «никакие действия в порядке судопроизводства не осуществляются до тех пор, пока государство, против которого подается такое заявление, не признает юрисдикцию Суда по данному делу». Президент Ющенко эту юрисдикцию не то что признал, но и заранее заявил, что Украина подчинится любому решению.

Я не зря писал «интермеццо». Теоретически комедия ошибки с названием острова Змеиный давала возможность Украине поддержать Румынию в требовании определить статус этого острова (но только настоящего, того, что между Тульчей и Измаилом). Потом доказать, что острова дельты — это морской архипелаг, и потребовать проведения новых границ по линии, равноудаленной от румынского и украинского берега. Это километров на 80 вглубь Румынии. Я, кстати, спрашивал своих знакомых юристов-международников о правомерности такого хода. Самый частый ответ: «А почему бы и нет? Было бы забавно...»

Но Украина с покорностью овцы побрела в Гаагу (хотя не стоит обижать животное — овца на заклании дергается). И сейчас речь не о том, сколько и чего потеряла Украина в сентябре 2008 года в Гаагском суде. Речь о ее суверенитете. Суверенитет — это неотчуждаемое юридическое качество независимого государства. И он означает, что все правила на территории данного государства устанавливаются им самим, и только им самим.

Любое суверенное государство может и должно становиться субъектом международного права, которое, тем не менее, является всего лишь правом доброй воли. И этого не следует забывать. Ибо согласие на его изменение за счет национальных интересов страны является предательством этих интересов. Особенно если это изменение ограничивает суверенитет. И именно это произошло в Гааге.

Ведь в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года во второй ее статье прямо сказано, что «суверенитет прибрежного государства распространяется за пределы его сухопутной территории и внутренних вод» и «указанный суверенитет распространяется на воздушное пространство над территориальным морем, равно как на его дно и недра».

Причем ширина территориального моря не должна превышать 12 миль (статья 3) от линии «наибольшего отлива вдоль берега» (статья 5), указанной на морских картах крупного масштаба. А на 200 миль от этой линии (статья 57) простирается в

море «исключительная экономическая зона» государства, в которой оно имеет «суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов... а также в целях управления этими ресурсами» (статья 56). Эта же территория определяется как «континентальный шельф государств». Следовательно, если Змеиный — это принадлежащий Украине остров, то линия ее континентального шельфа должна исчисляться от его берегов. Примерно так, как показано синей стрелкой на карте (за которую спасибо Федору Сумкину из форума «Oday», Илл. 27):

Украина и доказывала, что Змеиный — это остров. То есть «естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе» (статья 121, пункт 3). Согласно Конвенции, остров имеет и «зону», и «шельф».

А румыны доказывали, что Змеиный — всего лишь скала, которая, согласно 121-й статье Конвенции, не имеет ни исключительной экономической зоны, ни континентального шельфа. И значит, не включается в береговую линию Украины, не становится «точкой отсчета» территориального моря и исключительной экономической зоны. И тогда бы граница континентальных шельфов шла бы по красной стрелке.

Бедняжка Розалин Хиггинс, которая председательствовала на слушании этого юбилейного, сотого в истории Гаагского суда, дела! В географической преамбуле вердикта суда она извивалась ужом на сковородке. Но, все-таки, не зря она командор ордена Британской Империи, королевский адвокат (Q.C.), почетный доктор права Оксфорда и множества других британских и французских университетов. Вывернулась... И написала, что в северо-западной части Черного моря, примерно в 20 морских милях к востоку от дельты Дуная, «расположена природная деталь, называемая Змеиным островом». Во всяком случае, я не смог по-другому перевести: *is situated a natural feature called Serpents' Island*. И уже в следующей фразе отмечается, что *Serpents' Island is above water at high tide* («Змеиный остров выше уровня воды при приливе»).

Значит, Змеиный — остров? Нет, «природная деталь», которая не имеет континентального шельфа. Так посчитала судья, и с этим согласился украинский МИД. Граница прошла по фиолетовой стрелке. В результате Румыния получила 79,34% площади оспариваемой зоны (9 700 км²), а Украина 2 300 км².

На этих тысячах километров мы потеряли одно из трех уже открытых и несколько выявленных месторождений газа. Плюс нерестилища глубоководного калкана. Но не это главное: никто не знает, сколько там газа, да и добывать его из-под воды никто не умеет. Да и пытаться пока не надо. Вон «BP plc» добывала нефть в Мексиканском заливе на нефтяной платформе *Deerwater Horizon*: так после взрыва 20.04.2010 нефтяное пятно там достигало площади 75 тысяч км² и сейчас никому не говорят, продолжается ли под водой выброс нефти (для справки: площадь Черного моря всего 422 000 км²).

Но «инцидент со Змеиным» — это действительно змеиный укус не только самолюбия Украины, но и ее державообразующих принципов. Он создает прецедент пересмотра украинского суверенного пространства. Ведь для сухой науки геополитики что степь, что горы, что море — все едино, это одно «пространство». А еще он

показал потенциал украинской власти по защите своего территориального суверенитета. Его не оказалось как такового. И это теперь, когда все знают, что Киев сам позволил поставить под сомнение границы, доставшиеся ему в наследство от Советского Союза. А значит, и свой суверенитет.

Поэтому когда МИД Украины отрапортовал о разрешении территориальных претензий с соседним государством, все дружно посмеялись. И уже на следующий день поставили совсем другой диагноз: «Решение суда ООН по острову Змеиный, по сути, является первым международным юридическим актом, положившим начало разделу Украины, инициированному Румынией... Официальный Киев зря испытывает радость по поводу этого решения. «Отделавшись» от Бухареста этим «клочком» земли, который однако полон ресурсов и имеет стратегическое значение, Украина не только не приблизила свое членство в НАТО, но отдала тот самый «палец», за которым последует потеря «руки», а следом и прочих «конечностей» (Олесь Стан, политолог, Молдавия).

Так что — все только начинается. И рассчитывать на защиту международного права не стоит. Потому что гаагское решение по Змеиному доказало еще одно: международное право перестало быть универсальным. Оно стало ситуативным и политизированным. То есть его решение зависит от того, какую Бог создаст политическую ситуацию на момент принятия решения. А ведь еще Вольтер когда-то заметил, что «Бог на стороне больших батальонов».

Кстати, с этим сейчас у румын проблем тоже нет...

Не доставайся же ты никому!

Олесь Стан как в воду смотрел.

15–18 декабря 2009 года в Редуце проводилось заседание смешанной украино-румынской пограничной группы, связанное с обновлением на малом дунайском острове Майкан (площадь — 60 га) пограничных знаков № 1409 и № 1410, пришедших в негодность еще при СССР. Румыны представили туда ортофотокарту (карту с комбинированным графическим и фотографическим изображением местности) украино-румынской границы. Украинцы с изумлением увидели, что остров Майкан на ней обозначен как румынский.

На естественный вопрос «почему?» румыны ответили, не мудрствуя лукаво: «Потому что изменился главный навигационный фарватер на Дунае». Потом оказалось, что такая же судьба назначена украинским островам Ермаков (2,5 тыс. га), Малый Татару (74 га), Большой Даллер (370 га) и Малый Даллер (260 га).

Через полгода Украина отреагировала: «Сразу хочу подчеркнуть, что Киев не намерен пересматривать линию прохождения» (Константин Грищенко, министр иностранных дел Украины, май 2010). Против этого, еще через полтора года, не возражал и румынский коллега Грищенко, Теодор Баконски: «Хочу однозначно ответить на этот вопрос. Румыния является сторонником неприкосновенности границ стран.

Мы не предъявляли никаких территориальных претензий в отношении территориальной целостности других стран». Но тут же он заметил, что «защищает территориальную целостность своей страны в качестве стороны Европейского Союза и члена НАТО». То есть, отсигналил украинской власти о том, на чьей стороне будут европейские боссы.

В чем суть румынской точки зрения (Илл. 28)? Согласно общепринятым нормам международного права речная граница между двумя странами проходит по фарватеру, если стороны не договорились об ином. Однако фарватер — штука переменчивая, потому что река несет ил. Если русло не чистить, то глубины реки падают, и проход судов становится невозможен. Так заилился и фарватер, проходящий между крупным румынским островом Бабин и украинским островом Майкан. Судходная часть реки оказалась между украинским островом и украинским же берегом. На этом основании румынская сторона заявила о необходимости перенести границу с Украиной, после чего Майкан становится румынским островом. Дополнительная аргументация румын — на Майкане никто не живет и хозяйственная деятельность там не ведется.

Однако возникает вопрос: а отчего заилился фарватер? Поиск ответа опять заставил зашкалить мой «гражданский комплекс неполноценности». Потому что ситуация оказалась такова: румыны уничтожают украинскую часть дунайского русла, а наше государство, по привычке, спит. Или бьется в очередном приступе евроидиотизма. Если под «евроидиотизмом» понимать, вслед за Виталием Куликом, «сдачу национальных интересов за умозрительные перспективы членства в ЕС».

Румыны ведут многовекторную политическую игру, и территориальные претензии — это лишь одно из направлений активности. Другое — это уничтожение конкурента. В данном случае «конкурент» — это украинская часть дунайского русла. И началось это давно...

Еще при короле Кароле I, в 1857–1881 годах, был достроен и открыт Сулинский канал. Это искусственно спрямленное Сулинское русло (устье, гирло — выходы Дуная в море называют по-разному) дунайской дельты, длиной в 63 километра, шириной 60 и глубиной 7,5 метров, и сейчас оно является одним из основных проходов, позволяющих проводить корабли из Черного моря в порты нижнего Дуная. Но для судходного канала нужно много воды.

И Кароль провел блестящую, для интересов своей страны, акцию. В 80 километрах от устья Дуная основное течение реки распадается на два основных русла, или гирла (Килийское и Тульчинское). Тульчинское гирло сейчас полностью принадлежит Румынии, левый же берег Килийского является украинской территорией.

И именно там, где раздваивается русло, Кароль в 1902 году начал строительство струенаправляющей дамбы на мысе Измаильский Чатал.

Дело в том, что в Тульчинское русло, от которого отходит Сулинский рукав, в 1893 году попадало только 27,2 % стока дунайских вод. Для обустройства более глубоководного судходного канала это маловато. Строительство дамбы частично изменило направление течения Дуная, что позволило увеличить сток по Тульчинскому руслу

до 33 % уже в 1905 году. Далее пошел «нарастающий эффект», и следующая таблица показывает, что сотворила дамба Измаильского Чатала с соотношением стоков основных дунайских гирл чуть более, чем за 100 лет:

Год	Гирла	
	Килийское гирло (Украина), % стока	Тульчинское гирло (Румыния), % стока
1895	70	30
1921	68	32
1928	66	34
1943	64	36
1960	63	37
1970	61	39
1980	59	41
1990	56	44
2000	53	47
2003	49	51

Русские, кстати, не возражали против строительства дамбы — все-таки, «свой», шеф русского 18-го пехотного Вологодского полка, кавалер российского ордена святого Георгия 3 и 2 степени, в будущем — фельдмаршал Империи. Хотя после русско-турецкой войны 1877–1878 годов к Российской Империи отошла территория так называемой «Вторичной Килийской дельты» (Илл. 29), то есть левый берег Килийского русла.

А там есть свои хорошие выходы в море (Рис. 31) — гирла Старостамбульское, Новостамбульское (или Быстрое), Очаковское, Цыганка и другие. Но устье Дуная интересовало царское правительство, очевидно, только как источник поставки очень вкусной рыбы, а также недорогого и неплохого вина. Логистическую ценность территории в соединении «река — море» в России до Октябрьской революции осознать не успели.

Зато осознали в Советском Союзе. После Великой Отечественной войны, заключая с румынами протокол (23 мая 1948 г.), а затем и договор (25 декабря 1949 г.) о режиме советско-румынской государственной границы, Сталин добавил к территории СССР крохотный кусочек, который называется «острова на Дунае и в Черном море». Румыны и в мыслях не имели возражений — «себе дороже».

Рис. 31. Современное устье Дуная с его гирлами и каналами

Мал золотник, да дорог. Этот кусочек земли находился на правом берегу Килийского рукава. Таким образом, СССР получил возможность «запереть» килийское устье вообще. При этом на удобство торговых перевозок по Килийскому устью, особенно Новостамбульским гирлом, или гирлом Быстрое, внимания не обращалось. Хотя судоходство торговых судов по Быстрому началось еще в начале XIX века и продолжалось после Великой Отечественной войны (до 1957 года). Причем показало свою эффективность. Так, в 1950–1957 годах по Сулинскому каналу было перевезено 6 123 000 тонн грузов. По Быстрому — 3 929 000 тонн (соотношение — 61:39).

Но торговлю на Быстром погубило предчувствие новой войны. С 1958 года Быстрое предполагалось использовать как возможный «секретный фарватер» для легких морских кораблей Дунайского Черноморского флота. Войдя в Дунай, такая эскадра, в случае необходимости, в течение трех суток могла оказаться в Вене. Сердце Европы...

Для подунайской же торговли СССР реконструировал Измаил, фактически построил новый порт Рени, а также обновил железнодорожные и автомобильные подъездные пути к порту. Проход морских судов Дунайского пароходства к этим советским дунайским портам осуществлялся в основном по Сулинскому устью из Румынии. Попытки строительства «своего» канала «Дунай — море» оказались неудачными: само название этого канала — «Прорва», намекает, сколько туда было выброшено средств.

Да, советское руководство было убеждено, что Советский Союз и мир социализма — это всерьез и надолго. Поэтому в условиях существования социалистического лагеря он эксклюзивно оставлял за собой только военные преимущества. Торговыми и прочими преференциями он делился, не жадничая. В том числе и оказывая финансовое содействие и техническую помощь при строительстве новых румынских каналов «Дунай — море». Иными словами, без помощи СССР каналы «Черновода — Констанца» и «Меджидия — Новодари» никогда не были бы построены. Благодарности не дождался ни Союз, ни его правопреемница в дунайской дельте — суверенная Украина.

Зато Украина дождалась очень грамотных действий по уничтожению своего потенциала в Нижнем Подунавье. В 2011 году был отмечен рекордно низкий уровень воды в Килийском гирле — **на 1,5 метра ниже обычного**. Причины искались разные: жара, малоснежная зима в Европе и иные.

Но причину следует искать в ином. В многолетнем и постоянном сбросе в Килийское гирло того грунта, который румынские землечерпалки вынимают при углублении Тульчинского гирла.

Судя по попавшим мне документам, в 2002–2003 годах сброс проходил так: румынское землечерпальное судно «Дунария» (Илл. 30) заходило в Килийское гирло за дамбой в районе Измаильского Чатала, а через 8–12 минут его осадка уменьшалась на 1–1,3 метра. На палубе признаков активности не наблюдалось, поскольку аппарели для сброса грунта размещены в днище судна. Но румыны и не скрывали своих действий и, в ответ на запрос в 2003 году, начальник уездного инспектората пограничной полиции Румынии К. Рогожан вальежно уведомил, что сбросы имели место, поскольку румынской стороной проводятся плановые работы по углублению судоходной часть Тульчинского гирла. И цинично добавил, что «не было выброса вредных веществ».

Вот спасибо-то!!! Хотя не отравили!!! Но ведь выброс песка и ила ведет к обмелению русла реки. И только за пять месяцев 2003 года «Дунария» осуществила 96 сбросов грунта! А это около 300 000 кубометров песка и ила!!! А в 2009 году «Дунария» вообще с цепи сорвалась: в сентябре она заходила в Килийское гирло около пяти раз в сутки.

Все это напоминает бытовую ситуацию, когда кто-то чистит канализацию, а дерьмо выбрасывает в унитаз соседа.

В быту за такое бьют морду, но украинская сторона ограничилась дипломатической перепиской. Но на нашу ноту протеста румыны заявили, что очистка Тульчинского гирла проводится с целью «обеспечения и удержания навигационных глубин на Дунае, в соответствии с международными обязательствами Румынии по Белградской конвенции 1948 года и рекомендациями Дунайской комиссии».

Интересно, а Дунайская комиссия, членом которой, кстати, Украина тоже является, рекомендовала засорять Килийское гирло? Или Украина, по определению, стала «мусорным ведром» при осуществлении евrorешений?

Но, чем бы там не была Украина, все эти действия румын (сохранение и наращивание дамы Измаильского Чатала плюс искусственное заиливание Килийского гирла) ведут, по экспертизе «Укрводопроекта», к следующим последствиям:

Перераспределению стока Дуная в пользу Тульчинского гирла до пропорции: 58–62 % в Тульчинское, 42–38 % в Килийское гирло.

Интенсификации отложений донных наносов в судоходной системе Килийского гирла (Украина), при создании благоприятного промывного режима в Тульчинском, Георгиевском и Сулинском рукавах.

Существенному снижению в килийском гирле скорости движения воды, вплоть до заиливающих отметок.

То есть — до состояния болота.

А что касается «не отравили», то я бы не торопился. Украина постоянно регистрирует экологические проблемы, возникающие усилиями Румынии. Вот только два примера:

— Ночью с 30 на 31 января 2002 года на румыно-австралийском золотодобывающем предприятии «AURUL» (Байя-Маре, Румыния) произошел выброс в реку Лапош цианидов, с максимальной концентрацией 7,8 мг/л, в количестве 100 тыс. м³. Загрязненная вода достигла Украины уже 2 февраля.

— 18 марта 2004 года в городе Фелтичень (Румыния) произошло вытекание ацетониангидрина из резервуаров коммерческого общества «Metadet» в реку Сирет. Там вообще получился анекдот. Посольство Украины запросило информацию, и им ответили, что выброс отравляющих веществ незначителен и не представляет угрозы для населения и окружающей среды. Поэтому, мол, официальная информация и не представлялась. И это при том, что в ту ночь в реку попало около 10 тонн химических веществ, в результате чего концентрация цианида в воде составляла три миллиграмма на литр (при допустимой, установленной Евросоюзом, норме в 0,005 миллиграмма).

Самое обидное, что все это делается даже не в рамках конкурентной борьбы с существующими украинскими логистическими схемами. Скорее — по историческому принципу «Добивай слабого». Потому что сторона Дуная, противоположная румынской, представляет собой

Берег гибнущих портов

Советский Союз создал на Черном море и в устьях черноморских рек мощную портовую сеть (Рис. 32).

В том числе и на Дунае. «Заход» из моря был, действительно, отдан на откуп румынам: Союз был убежден в своей вечности и нетленности. Но транспортную инфраструктуру он формировал железно, и дунайские порты Рени, Измаил и Усть-Дунайск (с портопунктами в Вилково и Килие) превратились из мелких городков в опорные пункты восточно-европейской логистической сети. СССР пропал, а сейчас благополучно догнивает и сеть.

Рис. 32. Черноморо-азовская портоавя сеть Советского Союза

Тому две причины.

Во-первых, постсоветская геоэкономика. Развал Союза, бегство стран социалистического лагеря в объятия объединенной Европы и приступ «братской любви Украины и России» привели к переориентировке товарных потоков. Центральная Европа начала ориентироваться не на дунайские, а на адриатические порты. А Россия сделала ставку на собственные силы. За период 1994–2010 года перевалка грузов в морских портах России увеличилась в 4,7 раза. В Черном море ставка сделана на порты Туапсе и Новороссийск. Так дунайские порты Украины потеряли торговый поток железнорудных концентратов, поскольку тот же Новороссийск увеличил их перевалку в 14,2 раза.

Во-вторых — Югославия. Сначала эмбарго, потом война. Украинские порты потеряли поток фосфатов и зерна. А потом грузопоток по Дунаю вообще остановился, поскольку в Сербии разбомбили мосты (Рис. 33).

Причем мосты «заваливали» так, чтобы их обломками забить фарватер, сделав его непроходимым для судов. Случайно, наверно...

Украинское государство на все эти вещи не реагировало. А ведь грузопоток для предприятия или транспортной сети — что кровь для человека: что с ним будет, если откачать литра три? Человек «затихнет». Так же «затихла» и украинская логистика Нижнего Дуная.

Сейчас в более или менее «живом» состоянии находится только один из трех дунайских портов Украины — Измаил. Он может круглогодично принимать любые суда длиной до 150 м, шириной до 30 м и осадкой до 7,5 м.

Проектные мощности Измаильского порта были разработаны с учетом возможности ежегодно обрабатывать около 8,5 млн тонн грузов. На 2012 год планируемый объем грузооборота в Измаиле — 6,2 млн тонн. И это — «за счастье». И зовут это счастье Константин Жеваго. Принадлежащая ему горнорудная компания Фергехро, которая контролирует Полтавский горно-обогатительный комбинат. Основную продукцию ГОКа, окатыши (рудный материал, полученный из пылевидной руды или из тонкоизмельченных

Рис. 33. «Привет от НАТО». Разбитые мосты Дуная

концентратов в виде шарообразных гранул), Ferrexpo поставляет в Европу. Например, в 2009 году объем такой поставки составил 8,34 миллиона тонн. Около трех миллионов тонн транспортировалось через Измаил и далее — баржами по Дунаю.

Вторым «счастьем Измаила» является то обстоятельство, что есть возможность эти грузы доставить в порт. Ветка «Одесса — Измаил» — это единственный железнодорожный путь, связывающий территорию Украины с дунайскими портами. Она способна перевозить до 7 миллионов тонн грузов в год, что удовлетворяет потребности Измаильского порта, но ставит в жесткие рамки потенциал его развития.

Другим портам украинской дунайской дельты «измаильское счастье» не привалило.

Взять Рени, место, о котором еще в конце XIX с романтическим восхищением писал даже сухой «Путеводитель по юго-западной железной дороге»: «восхищенный взор путешественника обнимает цветущую картину Дунайской долины у ног своих со сверкающими вдали волнами мощного Дуная, оживляемого массой зеленых островков; а далее уже различаются суда, пароходы, лодки, виднеется пристань у города Рени».

Именно здесь, после войны, Советский Союз создал порт-противовес активно развивающимся на румынском берегу портам Сулина, Тульча, Исакча, Браила. По местным меркам это был гигант: 94 гектара площади, 1 500 работников, 4 километра причальных линий, 37 причалов, три грузовых района, два нефтетерминала, возможность обрабатывать любой груз — от контейнеров до металлолома. И даже эксклюзивный — только здесь могут переваливать химический газ винилхлорид.

В своем лучшем, 1984 году, ренийский порт перевалил 13 миллионов тонн грузов. Это были лучшие годы не только порта, но и города. Город, кстати, называли «джинсовым». Старшее поколение помнит, что такое было в 70–80-х — «достать джинсы». В Рени с этим проблем не было — все-таки порт.

А сейчас, при всем этом богатстве — ни одного корабля у причалов, во всяком случае — в тот день, когда мне довелось там побывать. Нет груза!

Ренийский порт «убивают» два обстоятельства — глупость и отсутствие дороги. Хотя какая это глупость! Это просто предательство национальных интересов. Наверно, многие помнят этот «monkey business» 1999 года, когда произошел обмен территориями: Украина отдала Молдавии 480 метров дунайского берега, а Молдавия — 7 километров дороги между Маяками и Удобным, там где молдавская территория выходила к северной оконечности Днестровского лимана, отсекая Буджак от Одесской области. Хотели «как лучше»: улучшить условия проезда в Буджак.

Получилось «как всегда». Молдавия успела построить в Джурджулештах вполне приличный порт, а статус дороги до сих пор не ясен, он скрывается под таинственным названием «собственность Украины на территории Молдовы». Да и для этого оказалось необходимым провести 41 (!!!) заседание общей Украинско-Молдавской демаркационной комиссии, чтобы в июне 2011 года уточнить и утвердить места установления новых пограничных знаков.

Порт Джурджулешты позволил Молдавии стать «дунайской страной» и убил Ренийский порт. Во-первых, он отобрал у Рени значительный грузовой поток. Только в 2011 году через Джурджулешты прошло около 350 000 тонн зерна, которые раньше обрабатывал Рени. А каждая тонна зерна — это 5 долларов в кассу порта.

Во-вторых, молдавский порт сделал Рени заложником. СССР, формируя свою территорию, «сшивал» регионы экономическими связями и транспортными коммуникациями. Поэтому железная дорога из Украины в Рени была проложена через территорию Молдавии.

«Швы» не выдержали напора амбиций региональных элит и Союз развалился. А Ренийский порт стал единственным портом в Украине, который обслуживается железной дорогой соседнего государства — Республики Молдова. Молдавское обслуживание, мягко говоря, «нестабильно»: то мятежное Приднестровье перекроет движение по железке, то молдаване резко поднимут тарифы. А после того, как была ударными темпами построена железнодорожная ветка Кагул — Джурджулешты, остается только мучительно ломать голову в поисках ответа на вопрос: интересы какого порта будут приоритетными для «Молдавских железных дорог» — украинского Рени или молдавских Джурджулешт?

В таких условиях не стоит рассчитывать, что в Рени, как в Измаил, придет гарантированный грузовладелец — на года и года. Поэтому приходится перебиваться. Или, по словам начальника порта Сергея Строи, «ориентироваться на грузопотоки, которые другим неудобны, неприятны, невыгодны». Но это не стало выходом. Порт деградировал, и в прошлом году перевалил менее 1,5 миллиона тонн грузов. То есть — работал на 10 % от запроектированной мощности.

Основная надежда портовиков — что в Подунавье вернуться российские грузы. Я задал вопрос: «А что, на европейские потоки надежд нет?» С расстановкой, как маленькому, мне объяснили, что у Роттердама (а это конечный пункт Трансевропейского водного пути) заключен прямой договор с портом в Констанце (Румыния), и делиться его выгодами никто не собирается. И вообще, «Евросоюз будет работать только со страной Евросоюза». Тогда я сознательно сморозил глупость: «А если вступим в ЕС?» В ответ получил совсем изумленный взгляд и упоминание старой украинской пословицы о том, что «доки товстий схудне, худий — здохне». После этого я, и мои сто десять килограммов живого веса, предпочли замолчать.

И уехать посмотреть на Усть-Дунайский порт. Точнее — на то, что от него осталось. Когда-то это была жемчужина: и Дунайской дельты и технического решения.

Усть-Дунайск — это был самым глубоководный советский черноморский порт, способный принимать корабли грузоподъемностью до 80 000 тонн и осадкой до 14,5 метров. В Советском Союзе, в печальные времена закупок зерна в Канаде и Америке, этот порт был одним из ключевых в решении проблемы обеспечения питанием юга страны. Туда подходили крупнотоннажные океанские зерновозы, становились в Жебрияновской бухте на швартовные бочки и груз, самым эффективным способом «борт в борт», перебрасывался на более мелкие суда, которые уже и бегали по рекам, подкармливая «советский народ».

А еще Усть-Дунайск был основным портом мощной международной лихтерной программы. Это особая баллада, которую мне со злостью «спел» начальник порта Владимир Швидченко. Я попытаюсь ее «перепеть» в последней главе, слегка «приглажив» лексику. Хотя понимаю моряка — на его месте я и не так бы матерился.

На централизованных программах не останавливались. Усть-Дунайск пытался привлечь на себя какую-то часть экспорта. Например, металл «Укрподшипника» завозился в Измаил, там грузился на баржи, спускался к порту, и там перегружался на крупнотоннажные суда. Это было выгодно, поскольку к Измаилу могут подойти суда с осадкой не более 4,5 метров. Это 3–5 тысяч тонн. А в Усть-Дунайске стояли суда в пятнадцать раз больше, до восьмидесяти тысяч. Пиком славы порта был 1989 год, когда перевалили 4,5 миллиона тонн грузов.

Но глубина, 14,5 метров, была и гордостью, и головной болью порта. Дунай — дитя капризное, и несет с собой Бог весть что. Поэтому основной проблемой Усть-Дунайска были очень большие илистые наносы на акваторию порта — до полутора миллионов кубометров в год. Но, в свои лучшие времена, порт мог позволить себе самостоятельно производить донноуглубительные работы, поддерживая глубины. Те времена миновали, и порт заилился. Сейчас там не более 8 метров.

А еще у Усть-Дунайска тот же диагноз, что и у Рени — отсутствие транспортной инфраструктуры. То есть, железнодорожного подъезда нет. Нет подъезда — нет грузов для погрузки. Нет централизованных программ и «эксклюзивных глубин» — нет грузов для выгрузки и перевалки. Нет грузов — нет денег для поддержки глубин. Поэтому порт если не «убит», то «смертельно ранен». В 2011 году объем перевалки там составил немногим более 20 000 тонн. Полпроцента от 1989 года!!! А государство молчит...

Когда-то студенты моего отца втихую калымили: играли на сельских свадьбах. Благо музыкальных инструментов (уж и не знаю, откуда) на историческом факультете было полно. Кстати, Пундик, насколько я помню, подрабатывал конферансом: «лучше пары в мире нету, чем сегодняшняя эту!» — это его перл. На свадьбах маленько приплачивали и уж кормили, естественно, «от пуза». Однажды перекормленные игруны не успели вернуть к утру инструменты в каптерку. Отец собрал факультетское собрание и толкнул самый короткий в истории института «деканский спич»: «Всі ви знаєте, що на факультеті був джяз! НЕМА ДЖЯЗУ!!!».

Так же можно сказать и сейчас: «НЕМА ПОРТІВ!!!».

Сделаем это по Быстрому

Итак, как ни печально мне это говорить, но конкуренции румынским портам на украинском берегу Дуная нет. Тогда вопрос: зачем Румыния «добивает» Килийское русло? Опять-таки, к сожалению, но ответ напрашивается один: чтобы ее и не было, этой конкуренции.

Потому что спасти порты и украинскую логистику на Дунае может только развитие транспортной сети Бюджака и создание единого судового хода — от моря и до Ренийского порта. Что до дорог, то это в следующей главе, а вот созданием собственного суверенного канала украинская власть было озадачилась всерьез. И 13.10.2003 года Кабмин Украины издал Распоряжение № 598-Р «Об утверждении рабочего проекта и титула строительства ГСХ».

Глубоководный судовый ход (ГСХ, или просто Канал) «Дунай — Черное море» (Рис. 34) является монументальным гидротехническим проектом. Трассу канала проложили по естественным руслам, по маршруту: порт Рени — мыс Измаильский Чатал (44,1 км), мыс Измаильский Чатал — порт Вилково (98 км), порт Вилково — Черное море (17 км). От Вилково Канал прошел по дунайскому гирлу Быстрому, тому самому, по которому Советский Союз рассчитывал направить, в случае необходимости, свои речные военные флотилии в Вену.

Самым сложным в проекте был сам выход в море. Для этого необходимо было прорубить канал через дунайский устьевый бар (песчаную подводную отмель, образовавшуюся в результате осаждения речных и морских наносов). А для того, что бы воспрепятствовать дальнейшему заливанию и обмелению канала, необходимо было соорудить дамбу (Рис. 35, Илл. 31), защищающей канал от течения с севера.

Рис. 34. Просто Канал

Рис. 35. Дамба по руслу Быстрое

Начали резово. Уже к началу 2005 года морская часть Канала, протяженностью 3,43 км, и часть защитной дамбы были построены. По ГСХ пошли суда с осадкой до 5,5 метра, 664 выпела в течение года. А дальше началась эпопея с дамбой.

Выглядит она очень солидно, гранитная гряда длиной 2730 метров, выступающая от берега далеко в море. Защищая прорытый в песке бара канал от ила, выносимого Дунаем из Килийского русла.

Правда возникает вопрос: зачем? Экологи считают, что дамба около берега не должна с ним соединяться, а должна была с самого начала его возведения иметь проран на максимально мелководном участке. Это естественно, такой проран (разрыв) сохраняет естественное течение, защищая берег от заболачивания и засоления и сохраняя структуру Дунайского заповедника. Пока не могу сказать, правы ли экологи, но птиц там — на стыке дамбы с берегом, с внутренней стороны — не меряно. Красиво до головокружения, но тревожно. Ведь это означает, что там создается микрозона микроклимата с более теплой и более стоялой водой.

Кроме того, судя по рассказам, дамба строилась «пионерным способом», когда с берега в воду забрасывается неимоверное количество камня и стоимость работ подсчитать практически невозможно. Хотя, по современным технологиям, дамба строится с морской стороны. Причем сначала укладывается слой песка или щебня, поверх которого накладывается мелкий камень. И лишь сверху все это укрепляется камнем крупным. Это естественно. Вспомните себя на пляже: что бывает, когда в прибойную волну укладывают крупный валун? Правильно: вода его подмывает и уносит в море волновым отбоем. А что бывает, когда в прибой бросается горсть щебня? Правильно: он плотно ложится на песок, создавая дренажный слой. Метод постройки дамбы «с моря» позволяет дифференцировано подвезти к месту укладки сначала щебень, потом мелкий камень, потом валуны — и создать структуру дамбы, соответствующую современным принципам.

В общем, сооружение красивое, но с тревожными ощущениями. Особенно если учесть, что она «сдавалась» дважды: в 2009 году ее принял оранжевый президент Ющенко, а в 2010-м — уже «региональный» министр транспорта Ефименко. А между Ющенко и Ефименко дамба чинилась 12 (двенадцать) раз. За год! После каждого толкового шторма.

Строительство неоднократно останавливалось: то по причине румынского противодействия, то из-за отсутствия денег, то из-за борьбы за директорское кресло в предприятии-заказчике, Государственном Объединении «Дельта-Лоцман». Но, тем не менее, морской канал построили, и сейчас там могут пройти суда осадкой до 5,85 метра.

Но лучше не ходить. Потому что пока мы возились с дамбой, румыны сбрасывали песок и ил в Килийское гирло Дуная. А там, между Вилково и Рени, одиннадцать мелей-перекатов. Их надо регулярно прочищать. Но этим не занимались ни мы, ни румыны. Мы — из-за отсутствия средств и желания, румыны — чтобы окончательно обмелить фарватер и сделать его практически несудоходным. А заодно — предъявить претензии на Майкан и другие острова дельты. В любом случае, ситуация сейчас такова: по Килийскому гирлу могут ходить суда осадкой только до 5,0 метра.

Поэтому абсолютно не радуют бравурные рапорты, что «за 10 месяцев 2010 года выполнено 1253 судопрохода — на 202 больше, чем удалось осуществить нашему главному конкуренту, Румынии, через Сулинский канал. Туше!» (так писал нынешний директор «Дельта-Лоцмана» Александр Голодницкий в статье «Дамба — имя существительное»).

В борьбе «туше» — это касание борца лопатками к коврику. То есть поражение. Но в данном случае на лопатках Украина. Румыны уже смеются над нами. Да и все засмеются, если ознакомятся с перечнем судопроходов в 2010 году. Или заплачут.

Можно, конечно, с гордостью рапортовать о дне, когда через канал прошли 19 судов. Особенно если рассматривать как судно любое корыто.

Пример: в начале ноября, за 2 дня через ГСХ прошли 15 судов. Но из них — ШЕСТЬ БУКСИРНЫХ ПРОХОДОК. Это когда буксиры «Адмирал Нахимов» и «Могучий» выбегали на «открытую воду» и тянули по каналу суда. Да, формально — это судопроход. Но грузоподъемность буксира — ноль, и, что главное, он ничего не платит. Зато количество судопроходов увеличилось на шесть в месяц. Президент и министр — в восторге: они убеждены, что «украинский глубоководный судовой ход уже сейчас бьет рекорды по количеству судопроходов: не только собственные с момента возобновления судоходства, но и Сулинского канала. За предыдущий год через ГСХ прошло почти на треть больше судов, чем через румынский Сулинский канал» (эксперт-министр транспорта К. Ефименко, 2010 год).

А румыны смеются. Потому что эффективность использования канала определяется не количеством судопроходов, а объемом того груза, которые суда перевезли. Здесь результаты печальные. За 2010 год через ГСК «Дунай — Черное море» перевезли 1 586 000 тонн грузов. А через Сулинский канал, который мы, по Голодницкому, «туше» — 10 000 000 тонн.

Цифры говорят сами за себя, хотя далеко не отражают цинизм знатоков «туше». Особо трогательно в Перечне судопроходов выглядит некий танкер «Varkan Ege» грузоподъемностью, внимание!, 838 тонн!!!

Господа! Это не танкер, это обычный бункеровщик, который заправляет суда дизтопливом на открытой воде. Он тоже не платит канальных и лоцманских сборов. Зато как солидно выглядит в Перечне судопроходов: ТАНКЕР!!! В общем — румыны уже насмешили.

Но все это — мелочь по сравнению с тем, что вытворяла с проектом Канала центральная власть. Призванная, по идее, защищать его на самом высоком уровне. Ведь Румыния прекрасно осознает конкурентную опасность ГСХ «Дунай — Черное море». Планируемый Канал представляет возможность встречного движения судов и их движения в ночное время — чего не может представить Сулинский канал в Румынии. А, кроме того, украинские тарифы на 40–60 % ниже румынских. Надеяться на то, что глупость и внутренние разборки у украинцев будут продолжаться вечно, румыны тоже не решаются. Поэтому атакуют саму идею канала со всех сторон, даже с самых высоких позиций.

У них есть очень удобная позиция — экологическая. В современной Европе основной документ, регламентирующий процедуру оценки воздействия на окружающую

среду потенциально опасных проектов, это Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспоо), международное соглашение, инициированное Европейской экономической комиссией ООН и подписанное в городе Эспоо, Финляндия, в 1991 году (вступила в силу в 1997 году). На Четвертой Встрече Сторон Конвенции Эспоо, происходившей в Бухаресте, в 2008 году, Румыния предприняла атаку.

Причем — что интересно. Румыния сама наносит экологии Дуная вред, несравнимый с украинским (выбросы цианидов, ацетонов и т. д.). Украинцам, собственно, и «выбрасывать» нечего, промышленности в Буджаке практически нет. Но, тем не менее, Бухарест постоянно педалирует именно экологические вопросы, жалуясь во все международные европейские органы мониторинга. И, при этом, «наши неоднократные обращения к румынской стороне с просьбой организовать и вести совместный мониторинг, к сожалению, поддержки не получили» (Александр Васенко, профессор, эколог).

Так что «бухарестская атака» неожиданностью не была. Уже в проекте решения «Встречи Сторон» Украине грозили пальчиком: «...Украина находится в состоянии несоблюдения своих обязательств по Конвенции», «просит Правительство Украины полностью выполнить положения Конвенции, и доложить по этому вопросу...», «просит Правительство Украины обеспечить, чтобы законодательство страны... обеспечивали необходимые возможности для осуществления в полной мере положения Конвенции...». Но на самой встрече Румыния внесла неожиданное предложение: «Конвенция принимает решение о вынесении предупреждения Правительству Украины».

Что это такое — никто не знает. «Предупреждений» еще никому не выносили. Но зная нравы Евросоюза последних полутора десятков лет, лично я не исключаю бомбардировок. Они это любят.

Украинская сторона не сделала ничего, чтобы смягчить удар. Она сдалась, очевидно, в припадке уже упомянутого «евроидиотизма». На свет появилось письма тогдашнего вице-преьера Григория Немыри, согласованные с В. Огрызко (МИД), И. Винским (Минтранс) и Г. Филипчуком (Минприроды) о том, что Украина «готова пересмотреть Окончательное Решение по проекту ГСХ» и «могут быть назначены и проведены дополнительные консультации со сторонами, на которые влияет проект».

«Окончательное Решение» — это итоговый отчет по проекту. «Отозвать» его — это означает отказаться от данного варианта проекта и начать все сначала. Фактически, такими письмами было признано, что Украина не выполнила положений Конвенции, что могло перечеркнуть всю предыдущую деятельность по проекту.

В результате на 4-й Встрече было принято такое решение: во-первых — приостановить работы, во-вторых — отозвать Окончательное Решение и в-третьих — выполнить соответствующие положения Конвенции. В общем — с такими защитниками и врагов не надо (Рис. 36).

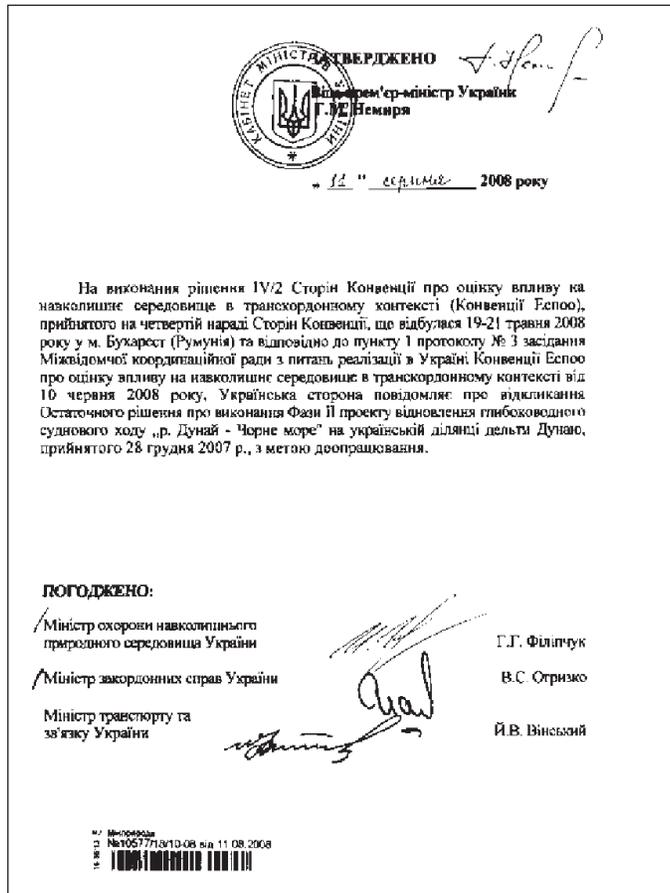

Рис. 36. Так сдавали интересы Канала

Нет, я не сомневаюсь, что спустя какое-то время суда по Быстрому, все-таки, пойдут. Но приближаться это время будет очень медленно. А румыны не спят. Я повторюсь, но это необходимо: румынские каналы очень несовершенны. Канал «Сулинский рукав», построенный в 1857–1881 годах по естественному гирлу Дуная, длиной в 63 километра, шириной 60 и глубиной 7,5 метров, является сейчас основным выходом в Черное море. Но у Сулинского свои недостатки. В первую очередь, тот, что канал обеспечивает исключительно одностороннее движение судов и только в светлое время суток. А это — значительные и безнадежные потери от простоев и потери времени.

Искусственные каналы («Черновода — Констанца» и «Меджиция — Новодари»), введенные в строй в 1984 и 1988 годах, хороши, но они шлюзованные. Там перепад высот от уровня основного русла Дуная до уровня Черного моря составляет 55 метров, поэтому на каждом канале по два шлюза. А шлюзы — это значительное удорожание прохода судна, во-первых, и, что более важно, малая пропускная способность

самых каналов. Кстати, эти искусственные каналы тоже отбирают в год около 2 кубокилометров дунайского стока, что способствует дальнейшей деградации Килийского русла. Украина могла бы поставить вопрос о компенсации ущерба, но Украина молчит.

Поэтому Румыния лихорадочно пытается достроить новый «канал святого Георгия» по естественному Георгиевскому рукаву в дельте Дуная. В проекте — инфраструктура, строительство портов и 20 мостов в дельте реки. Но это вряд ли получится быстро. Канал начали строить еще при Чаушеску, и только он, с его диктаторски-административными возможностями мобилизации всех сил страны, был способен это сделать. Да и денег не хватает, хотя в 2008 году Румыния получила под этот проект финансирование Евросоюза, 200 миллионов евро. По комментариям специалистов — это 15 % от необходимого. Но на ближайшее время этот источник финансирования иссяк: у Европы полно своих проблем. То есть шанс у Украины хотя бы не опоздать в гонке еще сохраняется. А для Бужака это вообще вопрос выживания. Потому что это его основной «излом». Не будет участия в дунайской торговле — и Дунайско-Днестровское междуречье так и останется самым депрессивным и дотационным регионом страны.

«По факту» ситуация эпохи украинской суверенности начиналась так — Украина является владельцем входа в Килийский рукав Дуная, нескольких гирл, выходящих в море, и ряда мощных морских портов на Дунае.

Сейчас украинские придунайские порты гибнут, каналы и гирла заиливаются и приходят в негодность, судостроительные и судоремонтные заводы практически не работают, а проекты участия в паневропейском транспортном коридоре № 7 стали ареной ожесточенных столкновений амбиций, политиков и казнокрадов. Простите — директоров, министров и чиновников-исполнителей. Украина имеет шанс лишиться устья Дуная так же, как она лишилась куска черноморского шельфа в районе острова Змеиный. Мы стоим на входе в седьмой коридор, держим в руках ключи от него, но гордо стоим: голодные, без штанов и без денег. А Румыния пинками пытается погнать нас с порога. И мимо текут золотые воды украинской части Дуная. «Золотые» в коммерческом смысле.

Когда я был еще юным, один старый мудрый прожигатель жизни меня просветил: самое выгодное место работы в ресторане — это не официант, даже не бармен, а швейцар. Там чаевые всегда.

Такое сравнение может быть ущербным для чувства собственного достоинства, но оно абсолютно верное. Украина должна быть «швейцаром Дуная», организующим, не без пользы для себя, вход и выход из места, куда стремятся состоятельные клиенты. Но мы сейчас даже не швейцары. Так — привратники непутевые.

Глава 6

Автобаны и акведуки

В этой главе, совсем как у О’Генри в «Королях и капусте», точно не будет двух вещей: автобанов и акведуков. Потому что в Буджаке их просто нет. Ну или почти нет. А то, что есть — это совсем не автобаны. Это порой даже дорогой назвать язык не поворачивается.

А без них у района нет шанса выжить, выжить не как кусок дикой татарской степи, а как полноценный современный социально-экономический объект. Потому что географическое положение транспортного узла — это «фишка» экономики Буджака. Достаточно посмотреть на карту (Илл. 32): дельта Дуная находится практически в перекрестье трех паневропейских транспортных коридоров — 4-го (Дрезден — Стамбул), 7-го (Дунайского, Северо-Запад — Юго-Восток) и 9-го (Хельсинки — Александрополис).

А ведь есть еще трансконтинентальный евразийский проект TRACECA (Транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия), который хочет соединить Западную Европу через Черное море, Кавказ и Каспийское море, с Центральной Азией.

Но, при всей этой благодати, нынешний Буджак похож на «мертвую зону» — все проходит рядом, но мимо, мимо, мимо... Поэтому: какие там автобаны и акведуки? В настоящей главе речь пойдет о дорогах и воде.

Интермодальный Выход

С точки зрения экономической теории, оптимальным, если не единственно возможным, выходом для Буджака является превращение региона в интермодальный объект.

Интермодальные перевозки представляют собой систему доставки грузов в международном сообщении (с использованием международных транспортных коридоров) по единому перевозочному документу и передачей груза с одного вида

транспорта на другой в единой грузовой единице. Это примерно как с багажом в самолете: сдаешь его в аэропорту «Борисполь» (Киев, Украина) и, выпив чашечку кофе при посадке в аэропорту «Ататюрк» (Стамбул, Турция), получаешь чемодан в аэропорту «Манас» (Бишкек, Киргизия). Если получаешь, конечно. Потому что груз может улететь куда угодно: хоть в «Шоуду» (Пекин, Китай), хоть в «Галеан» (Рио-де-Жанейро, Бразилия). Тогда начинаешь очень сожалеть, что ты не оказался на месте груза. Но это все равно удобнее, чем мучиться с перерегистрацией багажа на каждой перевалочной станции.

У Буджака есть колоссальный интермодальный потенциал. Загрузив груз в Измаиле или Рени, можно осуществлять вход в 12 стран, не считая выхода в Северное море и Балтику через систему европейских каналов. А ведь есть еще и «циркумпонтийский проект» (кольцевая дорога вокруг Черного моря), в котором заинтересованы Болгария, Украина, Россия, Грузия, но больше других — Украина и Турция.

Однако для формирования некоей территории как интермодального объекта необходимо два обязательных условия. В первую очередь — наличие самого груза. И, обязательно, наличие развитой транспортной системы, обеспечивающей доставку груза до перевалочных узлов и возможность, в случае необходимости, их мобильной переброски от одного узла к другому. В случае Буджака — между дунайскими портами.

Проблемы грузов я уже коснулся выше. Уход российских грузовых потоков из украинской транспортной сети — это основная причина того, что дунайские порты если не «убиты», то «тяжело ранены». Разве что Измаильский порт дышит более или менее ровно благодаря постоянному потоку продукции Полтавского горно-обогатительного комбината от горнорудной компании Фергехро. Однако это «счастье, висящее на волоске». Сейчас владелец Фергехро Константин Жеваго ведет отчаянную и не совсем удачную борьбу за контроль над Измаильским портом. И даже готовит себе запасной путь. Не так давно он купил компанию Helogistics Holdings GmbH, крупного дунайского перевозчика из Австрии. Плавающий парк «Геологистика» — 253 судна.

И теперь ничто не может помешать Константину Валентиновичу своими силами организовать транспортировку руды судами «река — море» прямо из Комсомольска, Полтавской области, где расположен ГОК. Сначала вниз, по Днепру, потом морем до Дуная — и к услугам юного (38 лет) олигарха вся европейская логистика.

Но где, при таком сценарии, будет Измаильский порт? Да примерно там, где сейчас Ренийский, где с января этого года начались увольнения работников, а долги порта по зарплате взял на себя одесский областной бюджет. Так что: «на Жеваго надейся, да сам не плошай». Грузопоток в Буджаке надо восстанавливать. Причем так, чтобы транспортники не устраивали «гонку преследования» олигархов, а имели бы возможность выбора клиента.

Такое возможно при одном условии: если восстановить российские грузопотоки.

Легко ли это? Нет, Россия уже давно их переориентировала на северные порты, железную дорогу и в Новороссийск.

Возможно ли это? Да! Ведь железная дорога — это дело такое: там только смена колесных пар на границе (из-за разницы между европейскими и российскими стан-

дартами колеи) вылетает в та-а-акую копеечку! А Новороссийский морской торговый порт — не резиновый. Еще в 2009 году, когда его грузооборот составлял 154,3 миллиона тонн, загрузка портовых мощностей там составляла 73,2 %. А ведь известно, что загруженность таковых на 80 % является предельным значением, при превышении которого считается, что порт перегружен. Осталось совсем немного, особенно если учесть, что объемы перевалки в Новороссийске растут. В январе 2012 года они выросли на 6,9 % к уровню января 2011 года — до 13 758 тысяч тонн. И это при том, что в общей сложности, в течение месяца 8 раз объявлялось штормовое предупреждение суммарной продолжительностью более 12 суток! Так что — «куда россияне денутся»? При условии, конечно, что украинцам хватит ума и политической воли.

А именно Новороссийский порт за последние полтора десятилетия увеличил перевалку железорудных грузов (того, с чем искони работали украинские дунайские порты) в 14,2 раза. Вот куда ушли «бывшие наши» грузы. А вот откуда их надо вернуть.

Но для этого необходимо выполнение второго условия формирования территории, как интермодального объекта — создание коммуникативной системы для транспортировки грузов. Короче — больше дорог, хороших и разных!

Причем, нельзя сказать, что дорог в Дунайско-Днестровском междуречье мало. Общая протяженность дорог общего пользования (это те, что заасфальтированные) — 1073 километров. Щебенкам и грунтовкам — несть числа. Но, как оказалось, «заасфальтированные» — это совсем не означает «покрытые асфальтом».

Вообще-то, я приехал в Буджак, явно, в состоянии избыточной самоуверенности. Еще бы, после четверти века археологических экспедиций, я был уверен, что знаю о плохих дорогах все. Пацан сопливый!!! Я просто не видел автодороги между Рени и Измаилом: «немного асфальта между ямами и колдобинами».

Дороги трудны, но хуже без дорог

Дунайско-Днестровское междуречье Украины — это особый регион в составе Одесской области. Да простят меня ревнителю скрупулезности использования геополитических понятий, но я бы Буджак назвал «эксклавом», регионом, отделенным от основной территории страны и окруженным более чем одним государством. Потому что принадлежащие Украине воды Днестровского лимана не соединяют эти степи с остальной областью, а еще больше отдаляют их.

Соединяют же три тоненькие ниточки: две автомобильные и железная дорога. Хотя — какие это дороги: слезы одни.

Наиболее известная из них — это трасса «Одесса — Рени», проходящая через северную оконечность Днестровского лимана. Та самая, ради обладания которой Украина сделала Молдавию дунайской и морской страной, уступив кусок земли в Джурджулештах. Молдаване оказались умнее: дорогу они нам уступили, а землю, по которой она проложена — зась. Так что теперь трасса «Одесса — Рени», от поселка Маяки до поселка Удобное, это «украинская собственность на территории Молдовы».

Эта «собственность» носит гордое название «Автомобильная дорога государственного значения М-15». Да уж, «значения»...

Сама дорога была построена в 50–60-е годы прошлого века, а в 70–80-е ее реконструировали. С тех пор — все! — только текущий ремонт. Хотя на некотором своем протяжении эта дорога является дамбой правого берега Днестра. А эта речка — с норовом. Ежегодные ее весенние, и периодические дождевые, паводки ведут к подтоплениям гордой М-15. А подтопления приводят к переувлажнению и разрушению земляного полотна, повреждением дорожного покрытия и водопропусков. А уж обочинам во время паводков — вообще хана.

А тут еще мост через днестровский проток на 52-м километре. По-моему, молдаване ехидно ухмыляются, глядя как «братья-хохлы» мучаются с собственностью, к обладанию которой они так долго стремились. Мост не то что аварийный: он просто рушится. В мае 2011-го там было выявлено разрушение железобетонной плиты мостового полотна. Дорожники были вынуждены на 10 дней приостановить движение автотранспорта. Но, слава Богу, что хоть так, что дефект обнаружили, а не он сам дал о себе знать, отправив в Днестр какую-нибудь большегрузную фуру.

В одесском «Облавтодоре» дороге через Маяки — Удобное прочат почетную старость. Ее собираются капитально отремонтировать (если деньги будут), но — не реконструировать. Потому что она по своим параметрам не отвечает существующей интенсивности движения и не может в полной мере обеспечить скорость, безопасность и комфортность перевозок. Кроме того, она проходит по территории Молдовы, да и соседство заповедного урочища «Днестровские плавни», в условиях современного влияния экологов, не воодушевляет дорожников. И, если вдруг Украина, все-таки, сподобится на давно обещанную программу строительства новой автомобильной дороги «Одесса — Рени (на Бухарест)», по новому направлению (через Днестровский лиман, о котором — чуть ниже), основной поток транспорта будет перенаправлен на новую магистраль, а существующая дорога будет выполнять вспомогательную функцию.

Рис. 37. Выход из Днестровского лимана на Специальной карте Западной части Российской Империи Федора Шуберта (1821 год)

Во всем этом спиче ключевым словом является слово «если». Часто ли в истории суверенной Украины можно встретить эпизод, когда деньги «если есть»? Так что, судя по опыту развития, трудиться старушке-дороге М-15 придется еще долго-долго. Конечно, дай Бог ей здоровья, но каково от этого потенциалу буджакской «интермодальности»? Кто пошлет свой груз, даже если он очень-очень хочет помочь, например, Ренийскому порту, если из моста на дороге шпалы высыпаются?

Второй ниточкой, связывающей Буджак с «материком» Одесской области (Рис. 37) является коса Бугаз («сыпучий песок», по-татарски), отделяющая Днестровский лиман от Черного моря. В XIX веке это был длинный и узкий песчаный остров, «выросший» из наносов Днестра. Он носил имя Каролины, возможно — в честь Каролины Собаньской (Рис. 38), женщины «с головкой Дафны на божественной шее», правнучки французской королевы, шпионки и куртизанки, мимолетным любовником которой был Пушкин.

Именно в ее карнэ он записал:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Красивая сказка былого... А вот былины сегодняшнего дня вызывают гораздо меньше восторга. И именно по косе Бугаза, после исчезновения Очаковского гирла, прошла вторая транспортная артерия в Буджак. Остров фактически превратился в дамбу, потому что над Царьградским гирлом, около поселка Затока, построили железнодорожно-автомобильный мост. Да не простой, а подъемный. Его средний пролет поднимается вертикально, по направляющим стойкам, освобождая судам путь в лиман. Очень красиво (Рис. 39), но мост уже давно признан находящимся в аварийном состоянии.

Потому что строилось все это, страшно сказать, в середине 50-х годов. Тогда, может быть, это и было мощное звено в цепи буджакского транспорта. Но мощность любой цепи определяется крепостью самого слабого ее звена **на момент использования цепи**. О какой мощности может идти речь в этом случае, когда весь транспортный узел (Рис. 40) — это четыре полосы автомобильной дороги и одна железнодорожная колея!!! И с 50-х годов изменился только настил моста: из деревянного он стал асфальтобетонным.

Рис. 38. Каролина Собаньская, рисунок Пушкина

Рис. 39. Мост косы Бугаз

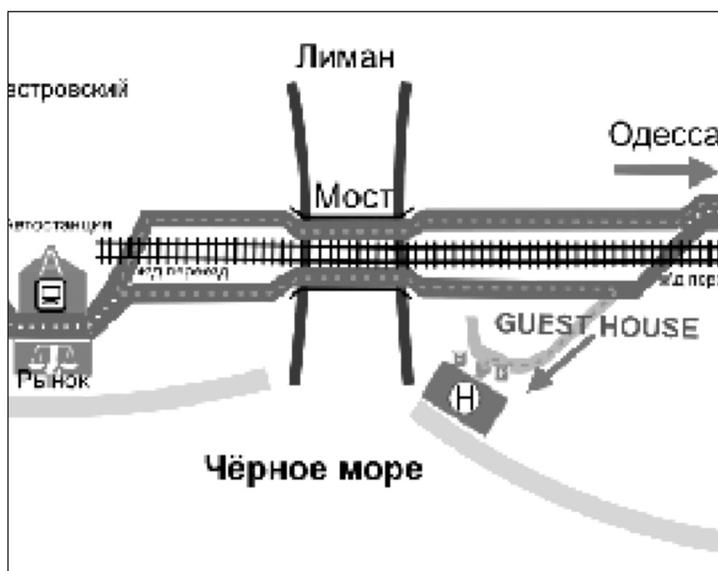

Рис. 40. Схема моста над Царьградским гирлом

И до настоящего времени это все. Все логистическое богатство, которым обладает Буджак, в том числе — и для загрузки своих дунайских портов. Называется эта беда автомобильная дорога местного значения «Одеса — Затока — Белгород-Днестровский — Монаши» (М-15), общей протяжностью 104,57 километра. «Местного»-то она местного, но интенсивность движения по ней составляет 17545

автомобилей в сутки. И это при том, что там регулярно поднимается мост. Нужно ли какое-либо другое свидетельство востребованности такой дороги?

Однако просто расширить ее, даже если бы кто-то этого и захотел, не получится. Потому что существующая застройка не дает возможность выполнить ее реконструкцию по старому направлению. Все-таки Бугаз — это популярная и недорогая курортная зона.

В поисках иного пути, сначала в 2004, потом в 2008 году была принята «Комплексная Программа развития Украинского Придунавья», которая до 2011 года была призвана решить большинство проблем региона. Сейчас деликатно утверждают, что она, в силу политических причин, выполнялась лишь частично. Возможно, где-то и выполнялась. Но там был четко определен ключевой вопрос — строительство новой качественной и современной автострады Одесса — Рени, и к его решению даже не приступали.

Помнится, в феврале 2008 года газета «Сегодня» с восторгом писала, что «в скором времени, года через 4 минимум, Днестровский лиман можно будет пересечь намного быстрее». Потому что Президент Украины подписал Указ «О безотлагательных мероприятиях по развитию юго-западной части Одесской области» где на высшем уровне обещалось строительство новой автомобильной дороги государственного значения Одесса — Рени (на Бухарест), которая рассматривалась как дополнение к сети международных транспортных коридоров «Европа — Азия».

И, в первую очередь, дороги на участке «Одесса — Овидиополь — Белгород-Днестровский — Монаши» (1-й категории, общей протяженностью 81,0 км с мостовым переходом через Днестровский лиман длиной 5,709 км). Той дороги, которая должна отправить на давно заслуженный отдых старушку, бредущую через Маяки — Удобное.

Газета «Сегодня» тогда писала о мосте через Днестровский лиман (Рис. 41) как об «Аккерманском чуде».

Рис. 41. Мост через Днестровский лиман — отложенное «Аккерманское чудо»

Но чудес, жаль, не бывает, да и обещанного три года ждут. Вот уже прошел год четвертый. Ни единой опоры моста так и не подвезено на берег лимана.

Хотя одесские дорожники с триумфом мне рассказали, что институт «Укрگیпродор» разработал технико-экономическое обоснование строительства автомобильной дороги государственного значения «Одесса — Рени (на Бухарест)», по направлению «Одесса — Овидиополь — Белгород-Днестровский — Монаши». Этот документ был одобрен распоряжением Кабмина Украины (№ 690-р от 20.07.2011) с утверждением стоимости строительства в 8,2 миллиарда гривен (в ценах 2008 года). Последние слова очень трогательные, потому что тот роковой год кризиса гривна начала с курсом 5,05 за доллар, летнее солнцестояние встретила на отметке 4,85, а Новый Год встретила дешевой по 7,70. И теперь интересно: в КАКОЙ гривне определена стоимость «аккерманского чуда»? И, уж, тем более не ясно: откуда возьмутся деньги. Хотя уже на многое согласны, и Кабмин в 2009 году включил эту гипотетическую дорогу в «Перечень объектов права государственной собственности», которые могут предоставляться в концессию.

Концедентом должна выступить Государственная служба автомобильных дорог Украины. Остается «убедить королеву», и найти того, кто готов вложить два миллиарда баксов в государство Украина.

Но, собственно, какая сейчас разница? Авторы восторженной статьи 2008 года в газете «Сегодня» (Надежда Маркевич и Александр Сибирцев) уже в этом году надеялись прогуляться по мосту через лиман. Ребята, придется вплавь... А грузы, как воздух необходимые дунайским портам, пока покатаются через красивые, но дохлые мосты около лимана.

Длинной белой ниткой стопаиных дорог. Штопаем...

Но если даже повезет, и машина прорвется через днестровские мосты, то приключения только начинаются. Нет, старушка М-15 до Измаила доведет. Но любой «шаг влево, шаг вправо» может привести ко встрече с тем самым «немного асфальта между ямами и колдобинами», о котором я уже говорил. Потому что дороги в самом Бюджаке — это рукотворная катастрофа.

Их там много: протяженность автодорог общего пользования 1073 км. Но, по деликатной оценке специалистов «Облавтодора», «в целом опорная сеть дорог общего пользования сформирована и обеспечивает транспортное соединение между населенными пунктами, но нуждается в значительных капиталовложениях на реализацию мероприятий по их сохранению, развитию, повышению уровня безопасности дорожного движения и комфортабельности перевозок».

Нельзя сказать, что денег вообще не дают. В прошлом году из областного бюджета было выделено «на дороги» 49,054 миллиона гривен. Да и субвенция из госу-

дарственного бюджета составила 215 миллионов. Но беда в том, что это менее 10 % от необходимого. Дорожники мне рассказывали, что ежегодно в Одесской области необходимо производить капитальный ремонт 954 и текущий ремонт 1755 км автомобильных дорог общего пользования. Для поддержания в соответствующем эксплуатационном состоянии этих дорог необходимо каждые 3–6 лет производить текущий ремонт. Под такие объемы необходимо, ориентировочно, три миллиарда гривен на год.

Дорожники, конечно, прибедряются, задирают цены и делают все то, чем испокон веков занимались у нас люди, живущие на содержании бюджета. Но ведь не в 10 раз прибедряются!!!

Поэтому если заглянуть хотя бы краешком глаза во всякие отчетные документы, то нетрудно сделать вывод, что дороги не ремонтируются, их латают. «Штопают»...

Причем штопают только в пределах населенных пунктов. Например, из 1,3 миллиона гривен, выделенных в 2010 году областным бюджетом на дороги Килийского района, средства были направлены на текущий и капитальный ремонт кусков улиц в 13 населенных пунктах. Ну, типа: 50 000 — на текущий ремонт улицы Приозерная от дома 19 до дома 51 в селе Васильевка. Или: 175 000 — на капитальный ремонт улицы Курортной в селе Приморское.

Может оно и правильно — в селах люди живут. Но, между прочим, между селами люди ездят. И эти дороги, во всяком случае — создается такое впечатление, не принадлежат никому. Или: за них никто не несет ответственности. В лучшем случае на выбоины накладывается «латка», которая улетит дальше, чем видно, под колесами если не первого, то второго большегруза. Во всех остальных случаях — пересчитываешь выбоины своей задницей.

Все это вызывает только одну метафору: именно так замазывают косметикой «дырки» на венозных «дорогах» вместо того, чтобы лечить наркотическую зависимость.

Но все, даже мои метафоры, можно было бы перетерпеть, во имя светлого будущего Бужака. Но это будущее возможно только при увязывании всех трех портов в единую логистическую схему. А при переезде из Измаила в Рени можно только душу к ребрам привязывать: иначе вылетит.

Автомобильная дорога Р-33 «Рени — Орловка — Измаил» — это 59,5 километра дорожного мучения, хотя она и системообразующая ось региона. Ее назначение сегодня — обеспечение транспортной связи трех «портовых» районов области (Ренийского, Измаильского и Килийского) с Одессой и между собой. Но она была проложена в 60-х годах и предназначалась преимущественно для перевозки товаров и сельскохозяйственных продуктов.

Ехал я по этой дороге... Страшновато... Она идет вдоль защитной дамбы реки Дунай. Дамба тоже была построена «местными силами» добрых полвека назад, и сейчас уже никто не знает: как, из чего и на что она способна. Только редкие таблички по ее вершине: «Увага! Державний кордон України!» Этот «кордон» осыпается и протекает. А за дамбой плещется Дунай, причем трасса находится на одном уровне с зеркалом дунайской воды. Хороший паводок — и вся местность превратится в одно

большое болото. И тогда 2 790 автомобилям в сутки (а такова интенсивность движения по дороге) делать на ней будет нечего. А автомобили сейчас не те, что в 60-х. В основном это большегрузный транспорт.

В Одессе сейчас подготовили проект реконструкции участков дороги вдоль дамбы и капитального ремонта участка в районе с. Новосельское Ренийского района, который был вообще разрушен из-за значительного поднятия уровня грунтовых вод. Но это — 260 миллионов гривен. Больше, чем сейчас выделяется на всю область.

Стук колес громнее, поезд дальше мчится

Ни у кого, кто живет и работает западнее Днестровского лимана, нет сомнений — региону нужны автомобильные дороги. Если он хочет выжить. Но практически все убеждены и в другом — этого мало. Нужна еще и железная дорога.

Потому что то, что есть, это одноколеечное несчастье, форсирующее, каждый раз — как последний, подъемный мост над Царьградским гирлом, уже ангажированное. Даже с точки зрения грузов, практически весь потенциал ветки «Одесса — Измаил» работает на Измаильский порт. Interfergo гоняет туда руду. Остальным почти ничего не остается. В том числе и самому крупному порту Нижнего Дуная, Рени. А то, что остается, возить нечем. Ну не автомобильной же дорогой М-33?

В свое время, при советской власти, грузы туда шли из украинской Раздельной, через Тирасполь — Басарабяску — Болград. После распада СССР это стало удивительно «удобно» — четыре раза пересекать границу.

И молдаване явно «ребята не промах». С 2005 по 2007 год стоимость перевозки угля и руды выросла с 3,05 долларов за тонну до 4,5, минеральных удобрений — с 4,09 до 6,0, светлых нефтепродуктов — с 5,4 до 7,0. К тому же там возник такой «подарок» для дунайских портов, как независимое Приднестровье, которое быстренько создало свое государственное унитарное предприятие «Железная дорога Приднестровья» (станции Тирасполь, Бендеры и Рыбница), и начало брать за уголь и руду — 1,08, за минеральные удобрения — 1,19, за светлые нефтепродукты — 2,16 долларов. Немудрено, что в первый же год этого «нового порядка» грузопоток в сторону Рени сократился на четверть.

Естественно, поднялся вопрос о строительстве железной дороги по территории Украины. И если не, простите за столь высокий стиль, «трансбюджакской», то, хотя бы, соединяющей Измаил и Рени, основные порты региона.

Но в новейшей истории Украины для меня есть одна неразрешимая загадка. Что имел в виду министр транспорта-2007 Николай Рудьковский, когда авторитетно заявил: «Мы проанализировали экономическую целесообразность вложения миллиарда долларов в строительство 50 км пути от Измаила до Рени по болотистой местности. И это в то время, когда мы имеем хорошую магистраль для железнодорожного сообщения с Рени, в которую уже вложены большие деньги. Нет смысла этого делать?»

Какая «хорошая магистраль»? Всяко — не молдавская. Она, во-первых, не особо хорошая, а во-вторых, «оставляет без штанов». После того, как молдаване протянули новую железнодорожную ветку «Кагул — Джурджулешты», обслуживание порта Рени им просто не выгодно: кто же подкармливает конкурента своего порта? Так неужели Рудьковский имел в виду ту железку, которая существовала в Буджаке во второй половине второго тысячелетия: «Арциз — Березино — Басарабьяска»?

Если «да», то я чего-то не догоняю: либо в истории, либо в министрах. Потому что железнодорожный участок Бессарабка — Березино протяженностью 22,7 километра в первом году третьего тысячелетия был демонтирован из-за отсутствия движения по нему. В общем — такое ощущение, что Рудьковский просто не понимал, о чем идет речь.

Так что порт Рени можно считать полностью отрезанным от рационального железнодорожного сообщения. А ведь «порт Рени» концептуально был неотделим от «железнодорожного комплекса Рени» еще при их строительстве. И комплекс этот был очень мощным, достаточно посмотреть на его структуру — несколько терминалов железной дороги, растянутых на 20 километров: «Рени-пассажирский», «Рени-порт» (где сыпучие грузы перегружались на баржи), «Рени-заливка» (где обрабатывались нефтяные цистерны), «Рени-локомотивное депо», «Рени-вагонного депо», три вспомогательных мощности, а также ряд специальных инфраструктур. Все это сейчас — мертвый груз на шее города.

А порт, градообразующее предприятие Рени, простаивает идохнет. В 2010 году тогдашний министр транспорта и связи Константин Ефименко так прокомментировал состояние дел: «Анализ объемов перевозок железнодорожным транспортом внешнеторговых грузов за период с 2006 по 2010 год показывает, что через порт Рени транзитные перевозки уменьшились с 2 млн тонн в 2006 году до 1,2 млн тонн в 2009 году, а за первый квартал 2010 года составили 146,3 тыс. тонн, что на 47,7 процентов меньше, чем за соответствующий период прошлого года. Прогноз роста объемов транзитных перевозок на перспективу не превышает 2 процентов в год».

Что же, ни слова лжи. С тех пор стало еще хуже: дело дошло до массовых увольнений и невыплаты зарплаты. Но министр здесь явно спутал причину и следствие. Кризис Ренийского порта — это следствие отсутствия железнодорожной коммуникации с «Большой Украиной». Ефименко же использовал его как причину для отказа от проекта протягивания туда транспортной ветки. Основной аргумент: дорого!

«В результате проведенных расчетов выбора вариантов трассы рекомендован вариант протяженностью 55,3 км. Нормативный срок строительства — 69 месяцев, стоимость — 727 млн долларов США, сроки окупаемости — от 107 до 49 лет в зависимости от объемов перевозок на этом направлении... Для обеспечения перевозок необходимо также осуществить модернизацию направления Одесса—Измаил. Общая стоимость этих работ составит 875 млн гривен» (из ответа Министерства транспорта и связи на запрос одесского губернатора Эдуарда Матвейчука, октябрь 2010 года). Уже легче! Версия Ефименко почти в 10 раз «дешевле», чем цифра, озвученная «министром транспорта-2007». Хотя и она вызывает сомнения.

Не знаю, как в Украине (наши чиновники ревностно охраняют свою информацию), но о российском аналоге мне рассказали подробно. Там существуют **Федеральные Единичные Расценки (ФЕР)**. Это сметные нормативы, содержащие расценки на выполнение единичных строительных работ. Так вот, стоимость строительства 1 километра железнодорожного пути категории «сложный объект» составляла (на первый квартал 2009 года) 7 354 тысячи рублей.

«Сложный объект» — это двухметровая насыпь и двухметровая выемка вдоль дороги (на протяжении 500 метров в каждом километре), устройство железобетонных водоотводных лотков, устройство двух переездов из железобетонных плит, укладка 1,7 километра пути на деревянных шпалах (1 км — основной путь и 0,7 — путевое развитие), прокладка водоотводной трубы (12 метров на каждый километр) и так далее. Такое, очевидно, выдержит все сложности буджакского рельефа и даже угрозу прорыва дунайской дамбы.

А 7 354 000 — это, даже по курсу на 16.07.2008 (день максимального падения курса доллара относительно денонмированного рубля образца 1998 года: 23,148 руб./\$) — это 317 700 долларов. Умножаем на расстояние от Измаила до Рени и получаем (317 700 x 55,3) **семнадцать миллионов пятьсот шестьдесят девять тысяч долларов.**

Константин Ефименко «засветил» 727 миллионов гривен. Или **девяносто миллионов восемьсот семьдесят пять тысяч долларов!!!**

Мои российские знакомые железнодорожники рассказывали, что «коррупционная составляющая» (часть бюджета, предназначенная к «распилу») закладывается не в цифры ФЭРов, а в индексы и коэффициенты к ним. В Московской области (самой дорогой в России) этот индекс в совокупности составляет 5,585. Наше министерство транспорта «заложило индекс» 5,172. Почти догнали москалей...

Так что, простите, но как человек, учивший арифметику, я не могу поверить цифрам, показанным Минтрансом. Министр, очевидно, верил, поэтому письмо одесскому губернатору заканчивалось словами: «На сегодняшний день все разработки приостановлены... Учитывая изложенное, Минтрансвязи не может быть инициатором строительства железнодорожной линии Измаил — Рени. С уважением, министр К. Ефименко».

Нет, это похоже не на «уважение», а на смачный плевок в могилу проекта железнодорожной ветки. А, может быть, и в могилу Буджака, как самодостаточной экономической единицы.

И вообще, Рени — это какое-то «проклятое место» европейской экономической интеграции. Чего там только не собирались делать! И дорогу Рени — Галац. И паром Рени — Бургас. И «социополис Рени — Долинская — Лиманское». И проект «Рени-лес» И даже Особую Экономическую Зону в марте 2000 года открыли, но одним из первых действий, предпринятых новым руководством Украины в 2005 году, было решение президента Ющенко об отмене специальных экономических зон вообще.

И вот итог. В 2010–2011 годах Ренийская райгосадминистрация провела анализ нынешней мощности Ренийского порта. Выяснилось, что имеющаяся в наличии перегрузочная техника и прочие средства производства позволяют порту перера-

батывать в лучшем случае 7 миллионов тонн грузов в год. И этот показатель продолжает снижаться. Таким образом, за «суверенный период» истории Украины производственный потенциал порта Рени сократился в 2 раза.

Я писал эту главу с очень тяжелым чувством. С ощущением какой-то безнадежности, отсутствия будущего у искренне любимого мной Буджака. Транспорт, точнее, его отсутствие — это уже не «излом» региона, это просто «разрыв» его будущего. И такое чувство не только у меня. В одном из аналитических обзоров Евросоюза я нашел любопытный диагноз состояния дел: «Украинская политическая элита видит трансграничное сотрудничество в Украинской Бессарабии, скорее, как головную боль или, даже, потенциальную угрозу для целостности страны, вместо того, чтобы рассматривать его как возможность для экономического развития».

Что же остается? Только то, что оставалось у Александра Македонского перед походом на Персию. Он тогда возвратил все долги отца и раздал все свое имущество. Друзья спросили: «А что же ты оставляешь себе?» Великий македонец ответил: «Надежду».

Я долго пытался сдерживать неподобающий моему возрасту романтизм, но — больше не могу. Любители бардовской песни и «профессионалы полевых экспедиций» наверняка заметили, что названия всех предыдущих разделов этой главы (кроме первого) — это строки из песен Юрия Визбора. Так вот, одна из лучших его песен, «Ночная дорога», заканчивается словами:

***За тобою остаются два твоих следа,
Значит, не напрасно ты живешь.***

Напоить землю...

Без интермодальной транспортной структуры многие в украинском Нижнем Подунавье потеряют работу и либо сбегут, либо вернуться к натуральному хозяйству. Как когда-то татары (правда, возникает вопрос — а зачем тогда в 1812 году отсюда выгнали татар?). Все равно, получится хуже, чем у них. Во-первых, буджаки XVII века чуть что — ушли в набег, да и там подкормились. Во-вторых, они все-таки в основном были скотоводами. Их преемники — земледельцы. А землю надо поить...

Буджак, с первого взгляда, производит странное впечатление. Большие реки (Дунай и Днестр), огромное количество пресных озер (в том числе и крупнейшее природное озеро Украины Ялпуг), невероятное количество малых болот — это с одной стороны. И закритическая проблема воды — с другой. Но так есть, и так было всегда.

Еще в XVIII веке Иоган Тунманн восхищался: «почва (Буджака. — А. Г.) чрезвычайно плодородна и производит прекрасного качества и во множестве всякого рода зерно». И тут же: «В жаркие месяцы ощущается большой недостаток воды... и часто вслед-

ствие недостатка воды скот буджакских татар гибнет от жажды». А ведь тогда еще было все почти хорошо. По степи текли, пусть и пересыхающие, но реки: «Когыльник или Кундук, прежде Белая река («Аспрос потамос»), теряющаяся в морском заливе Сасык; Ботна или Каушан, впадающая в Днестр; оба Ялпуга, которые вместе с Кугной, двумя Салкузами и др., протекая озеро Ялпуш, впадают в Дунай. В эту же реку впадают Катлаууга, протекающая через озеро того же названия, и оба Ташлыка через озеро Таш», и везде были «вырыты повсюду очень глубокие колодцы. У буджаков, как на востоке, рытье колодцев сделалось религиозным актом и делом чести». Пересыхающие реки еще текут, а вот сакральное искусство рытья колодцев практически исчезло.

А воды по-прежнему требуют все — и люди, и земля. Но эти естественные желания сегодня, на двадцать первом году существования суверенной Украины, являются невыполнимыми.

В настоящее время в Одесской области 500 000 гектаров земли требуют орошения. Причем большинство из них — на юге, то есть в Буджаке. Сейчас из этих тысяч могут поливаться только 150 000. Но — только «могут», потому что реально орошается только шестьдесят тысяч гектар. Тому причиной, во всяком случае в Буджаке, — печальное фиаско Дунайско-Днестровской оросительной системы.

Советской власти нельзя отказать в величии замыслов. Она величаво задумывалась о повороте сибирских рек, например, хотя и не очень задумывалась о последствиях. И так же величаво творила реки рукотворные. В 60-х годах был задуман очередной грандиозный проект — переброска дунайской воды к Днепру и далее — в жаждущие области Восточной Украины. Этот замысел «не прошел», но имел свой результат — создание рукотворной реки, способной напоить поля юга Одесской области. Так возникла Дунайско-Днестровская оросительная система, которая строилась и вводилась в эксплуатацию с 1978 по 1991 год. Теоретически она должна была орошать земли Арцизского, Белгород-Днестровского, Татарбунарского и Саратовского районов. Для сохранения поливочной воды было «назначено» естественное водохранилище, лиман Сасык. Туда решили перебросить дунайскую воду. Морской, а значит — соленый Сасыкский лиман отгородили от Черного моря 14-километровой дамбой (и шириной в 150 метров) и начали откачивать соленую морскую воду, надеясь заменить ее пресной дунайской.

Такова официальная версия. Но у меня, как у историка, она вызывает крайние сомнения. Дело в том, что на картах первой половины-середины XIX века Сасык изображен как именно пресноводное озеро, отделенное от моря песчаной косой (Рис. 42). Причем по косе проходили две дороги — почтовая и проселочная, соединяющие селения Шаганы и Жебриены.

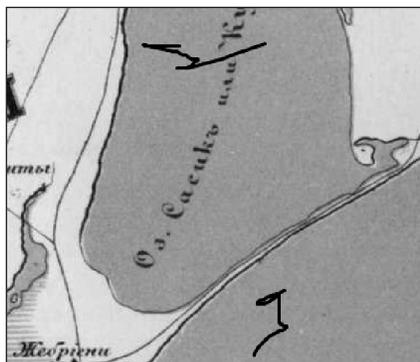

Рис. 42. Озеро Сасык на «Специальной карте Европейской России» Стрельбицкого (лист 19)

И не доверять авторитету и скрупулезности Ивана Афанасьевича Стрельбицкого (Рис. 43) — генерал-лейтенанта Генерального штаба — у меня нет ни оснований, ни желания.

Но это все — былое. А в XX веке из Сасыка получился, опять-таки теоретически, неплохой резервуар, способный вместить около 220 миллионов кубометров воды. Да и сам проект был экономным: воду туда не перекачивали из Дуная, а она текла «самоходом», по каналу, берущему свое начало в Килийском районе. А из Сасыка воду планировалось закачивать (Илл. 33) в поливальные машины и далее — на поля.

Но древо жизни оказалось гораздо зеленей сухой теории, и Сасык не захотел полностью опресняться. И сейчас соленость озера находится в пределах 1,2–2,5 промилле, то балансируя на верхней границе допустимых технологических норм, то превышая их. Началось засоление почв, в котором «обвинили» сасыкскую воду: хотя вторичное засоление грунтов и почв — это практически неизбежное негативное экологическое последствие оросительного земледелия. В СССР эта проблема решалась внесением в почву гипсосодержащих веществ, «связывавших» соли. Однако сейчас денег не хватает даже на гипс, поэтому в 2003 году орошение сельскохозяйственных угодий четырех буджакских районов было прекращено, а сама Днестро-Дунайская оросительная система законсервирована. Но «консервация» не означает «прекращение деятельности», и дунайская вода по-прежнему течет в Сасык: ведь функционирование системы следует поддерживать. Тем более, что в озере уже сформировался пресноводный биоценоз: рыбы, водоросли, моллюски и т. д.

Все это создало экологический кризис. Природоохранительные организации начали деятельность по «возвращению Сасыку морского статуса» и потребовали снести часть дамбы, отделяющей озеро от моря. В 2008 году около 500 жителей прибрежных сел съехались в Татарбунары и прорыли мини-канал между озером и морем.

Жителей можно понять: они испуганы. По данным Татарбунарской СЭС «детская смертность в присасыкских селах в 2–2,5 раза выше, чем средний уровень детской смертности по области, высокий уровень онкологических заболеваний, заболеваний дыхательных органов». Это озвучила Ирина Выхрыстюк, председатель Татарбунарской районной общественной экологической организации «Возрождение». Я бы тоже испугался, если бы она не добавила: «Сасык — это радиоактивное болото в ближайшем будущем, если его не соединить с морем. Либо нужно уже предоставить этой территории статус «чрезвычайной территории». Это уже явный перебор, откуда радиация? Да и вообще, Сасык был пресноводным озером столетиями. Во всяком случае — согласно старым картам Стрельбицкого, Фишера и других.

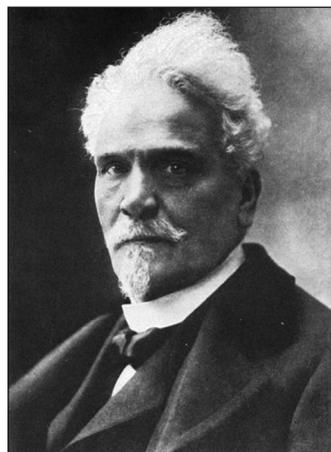

Рис. 43. Иван Стрельбицкий (1828–1900)

О «сасыкском кризисе» можно писать бесконечно долго: стороны спорят, не слышат друг друга и достигать не то, чтобы консенсуса — даже компромисса — явно не собираются. Экологи обвиняют водников в рвачестве и отсутствии любви к Родине, водники экологов — в политическом заказе и, тоже, отсутствии любви к Родине.

Не желая следовать формуле «Доктора Живаго»: я не читал, но гневно осуждаю Бориса Пастернака» — я поехал на эту дамбу. Среди местных жителей единодушия я не нашел, зато нашел свою версию ответа. Очень неприятную для характеристики украинских нравов, но многократно подтвержденную украинской историей.

Сасыкская дамба в настоящее время находится в государственной собственности, и никакой приватизации не подлежит. Но стоит ее «прорвать», прорыть хотя бы канаву между озером и морем — то из стратегического объекта она станет просто песчаной косой. То есть землей несельскохозяйственного назначения, самим Богом предназначенной для земельно-финансовых, а значит — коррупционных, спекуляций.

Потому что дамба это более двух квадратных километров рекреационной земли, 14 километров прекрасного песчаного пляжа с морской стороны и проезжей дороги с озерной. 14 километров пляжа! В три раза длиннее, чем легендарные пляжи Копакобаны и всего вчетверо короче, чем самый длинный пляж мира — Вирджиния-Бич (США). И у меня нет сомнения, что стоит разрушить дамбу, и земля на этой косе будет вмиг распродана. Но, как говаривал Михал Михалыч Жванецкий, «на всех рассчитано не было, только на узкий круг интеллигентов». Поэтому, в отличие от Вирджинии-Бич, там не будет построено 147 отелей и 2323 кемпинга. Землю быстренько продадут и там появятся очередные «хатынки на море» этих самых «интеллигентов», огражденные, по нашей традиции, высокими заборами от завистливых взглядов «пересичных украинцев». Это, конечно, версия, но, черт возьми, насколько она правдоподобна!

Однако от версий пора переходить к выводам. Которые, в отношении жаждущей глотка воды земли Буджака, сделать можно: орошаемые земли четырех районов, площадью 47 209 тысяч гектаров, ранее входившие в Дунайско-Днестровскую оросительную систему, остались предоставлены на милость природы.

И вообще, в Буджаке сложилась ситуация, когда развитие сельского хозяйства определяется не техникой, не мелиорацией и даже не желанием. А — как в первобытности — географическими условиями, близостью к воде. Если район рядом с Дунаем, или Ялпугом, или Днестром, где даже хиленький насос может поднять воду на поля, то ему повезло. Для того, что бы выправить ситуацию, Буджаку необходимо около 96 миллионов кубометров воды в год. В Дунае воды много. Для полного решения буджакских проблем достаточно 0,046 % годового стока этой реки. Но как эту воду доставить в центральные степные районы?

А уж если этого не сделать — что же, земледелие в таких районах опять становится богарным, т. е. возделыванием сельскохозяйственных культур без полива. Нет, на богаре тоже можно высевать засухоустойчивые культуры: пшеницу, ячмень, просо, бахчевые. Тот же Тунманн с изумлением писал об урожаях проса в Буджаке:

сам-сто!!! Но в современном мире богар распространен главным образом в предгорьях и на окраинах оазисов Афганистана, Ирана, Китая, Индии, Пакистана, Судана, Турции. В Буджаке, сколько ни смотри, гор и оазисов не заметишь.

Кроме того, отказ от орошения — это неизбежное сведение к минимуму животноводства, поскольку больше всего воды потребляют именно кормовые культуры. Так что если у буджакских татар стада падали из-за жажды, то в украинском Буджаке они будутдохнуть от голода. Если только они будут, эти стада.

Кстати, можно задать вопрос: а как же татары? Ведь жили они без орошения? Ну, во-первых, их было, судя по количеству выставляемых воинов, около 150–200 тысяч человек. Сейчас — более полумиллиона. И, во-вторых, татарам было хорошо: чуть что — собрались скопом и побежали грабить молдаван, украинцев или русских. А сейчас куда бежать? В гастарбайтеры или в бордели? Так ведь и бегут...

Глотокъ воды в жаркый полдень

Тот, у кого хотя бы раз в жизни язык распухал от жары и шершавой башмачной подметкой норовил вывалиться изо рта, знает, что такое настоящее счастье. Это именно глоток воды. Жарких полдней в Буджаке бывает много (считается, что 300 солнечных дней в году), а вот воды — не всегда и не везде. Причем это не только в Буджаке, но и во всей Одесской области. Страшная цифра: из 1135 сел Одесщины СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ не имеют питьевой воды. В обладминистрации, как особенно проблемные, выделяют восемь районов — все буджакские.

Колодцы не помогают, потому что в этом регионе подземные воды хорошего качества залегают достаточно глубоко, а верхние горизонты содержат высокоминерализованные воды. А это — не «Живой Источник» или «Лужанская», это сильно изменившиеся рассолы древних мелководных морей (во всяком случае, есть такая версия). Спасаются кто как может: воду завозят, пьют поверхностную воду водоемов (в этом отношении Украина осталась последней страной Европы), пропустив ее через уже изрядно одряхлевшие очистные сети, например, Болграда.

В 80-х годах в СССР намечалась попытка качественного изменения ситуации. Была принята программа «Групповые водопроводы», призванная обеспечить подачу питьевой воды из крупных поверхностных водоисточников — Дунай, Днепр, Южный Буг и др. — от одного населенного пункта к следующему, по принципу «ожерелья». И так на сотни километров.

Гордостью Одесского «Облводхоза» сейчас являются очистные сооружения Кийского группового водопровода. Его проектирование было начато еще в 80-х годах, а процесс строительства был остановлен в 90-х, при развале СССР, на уровне 80-процентной готовности. А дальше произошел тот редкий случай, когда современная Украина не угробила наследие своих отцов.

В 1999 году в Украине была принята Государственная программа «Обеспечение сельских населенных пунктов южных и восточных областей Украины качественной питьевой водой». И килийский объект был достроен. К концу 2006 года была запущена первая очередь водопровода производительностью до 300 кубометров питьевой воды в час.

Неплохой объект. Василий Потоп, директор «Облводхоза», рассказал мне, что групповых водопроводов такого качества и оборудования в Украине только три: где-то в Донецке, в Белой Церкви, что под Киевом, и у него, в Килие. Оборудование новое, технология — современная. Вода чистится не отстаиванием, коагулянтами, фильтрованием и хлорированием, а бактериями и, затем, поваренной солью (точнее — гипохлоридом натрия, который тут же и производится).

Благодарить! Но не для всех, даже «предназначенных к благодати». Потому что по проекту воду из Килии должны были подавать в 90 сел Татарбунарского и Килийского районов. Однако сейчас подают только в шестнадцать. В остальных селах нет внутренних водопроводов, поэтому они просто не готовы принять воду Килийского группового водопровода. Так что о второй очереди водопровода речи пока не идет. Хотя проект уже готов.

И, в результате, значительная часть прекрасно обработанной питьевой воды уходит на полив. Это при том, что в десятки сел воду возят по старинке, в бочках. В принципе, все правильно: не выливать же ее обратно в Дунай. Но когда подумаешь, что воды хотят еще семьдесят пять сел, то в голове только одна мысль: «Господи, да когда у нас хотя бы что-нибудь получится «по уму», а не через задницу?»

В общем, кому-то в Килийском и Татарбунарском районах повезло. Остальные пьют что получается. В основном — плохо очищенную воду из Дуная или Ялпуга, текущую по водопроводным сетям 50–60-летней давности. Например, глава Саратовской райадминистрации Анатолий Коротный так характеризовал «свой» водопровод: «Сама система водообеспечения райцентра строилась 60 лет назад. Реконструкция и модернизация не проводилась. Она сегодня требует больших средств, которых нет в местном бюджете. Чтобы кардинально изменить ситуацию, необходимо на первое время единоразово около 5 миллионов гривен: чтобы обновить самые проблемные участки водопроводной сети Сараты, да и как минимум пять километров водопровода нужно вообще поменять. Сегодня в нашей изношенной водопроводной сети фиксируется до 5 прорывов в день. Нет схемы водопровода — он делался давно и бессистемно. И тех людей, которые его делали, уже не найти».

Анатолий Семенович знает, о чем говорит, потому что это его реальная головная боль. Именно в Сарате, более года назад, произошел инцидент, который мог бы показаться смешным, если бы не был столь неприятным и вонючим. В новогоднюю ночь 2010–2011 из некоторых кранов городка потек натуральный канализационный сток. И более двух десятков людей, уж не знаю, что там подействовало на их новогоднее обоняние, эту воду пили. И попали в больницу.

Версий причин такого «подарка» было много — перепад давления, протек из дырявой трубы, инфильтрация канализации в воду. Хотя наиболее реалистичное объяснение мне предложили технари: это была несанкционированная и ошибочная

«врезка». Кто-то хотел присоединиться к централизованной канализации, но, по ошибке, попал в водопроводную сеть. Все-таки — канун Нового года.

Вот так, трагифарсно, закончился для райцентра Сараты первый год реализации региональной программы «Питьевая вода Одесской области на 2010–2014 годы». Но я не стал бы особо наезжать на одесских чиновников. Во всяком случае, в 2011 году воду получили 22 села, в 2012-м получит еще 21. И в 2012 году 73 миллиона гривен на водоснабжение выделили, хотя это всего лишь 30–40 % от необходимого.

И это «миролюбие» совсем не от того, что я являюсь фанатом украинской бюрократии. Но в извечной борьбе «народ против власти» нет «белокурых друзей и рыжих врагов». Все в крапинку. Ну не верю я в инфильтрацию дерьма сквозь пусть и ветхую, но металлическую трубу водопровода. А вот в несанкционированную врезку — верю. Поскольку вся жизнь человека — это «бизнес», то есть свершение определенных «дел» на благо окружающей среды и, естественно, на благо себя, любимого.

Природа бизнеса не терпит пустоты

И если некий ресурс не используется по назначению, для общественного блага, то он обязательно будет использован с другими целями. Это аксиома, блестяще подтвержденная в Бужаке.

При Советском Союзе бюджет платил за весь процесс орошения — от момента «забора» воды и до момента ее попадания в почву. Сейчас господствует иная стратегия: «деньги надо зарабатывать», или «плати за все». Государство оплачивает доставку воды только до «точки выделения», до того места, где водой может заправиться оросительная техника. Дальше за все платит производитель сельхозпродукции.

В принципе — правильно, если бы не одно «но». После того, как «раздерибанили» колхозы, разграбили и машинный парк. Поливочной техники сейчас осталось не более 15 % от того количества, которое было при СССР. Но и эту технику заправлять водой стало очень дорого. Стоимость одного кубометра поливочной воды в Бужаке от тридцати копеек до 1,8 гривны (в зависимости от уровня ее подъема). При этом сами водники совсем не жируют, в этой цене более 80 % составляет оплата электроэнергии.

А производителям стало совсем туго, потому что нынешнее правительство прекратило практику «бюджетного пряника», когда государство компенсировало 50–70 % затрат на орошение. В 2010 году такую компенсацию сняли. Теперь производители считают каждый куб и не имеют возможности обновления парка поливальной техники. И надеются на возвращение «пряника».

В определенной мере такое соблюдение принципа экономической эффективности — это хорошо. Меньше расходуется воды, а то «при Советах» уж если орошали, так до создания болота. Целые села подтапливало: в управлении агропромышленного развития Одесской области мне рассказывали, как из-за подъема грунтовых

вод в свое время в Днестр чуть было не «съехали» некоторые села Беляевского района.

Внедряются новые технологии, типа капельного орошения, когда вода малыми порциями вносится в корневую систему растений.

Но когда идея экономической целесообразности трансформируется в принцип «вечноразумной экономии» — тогда жди беды. С оросительными сетями именно так «наэкономили». Раньше вся система принадлежала государству. В 2002 году Кабинет принял решение, в соответствии с которым объекты социальной сферы передавались местным общинам. Ну, хорошо, когда дело касается клубов, общежитий или чего еще — это понятно. Но зачем к социальной сфере отнесли оросительные и водопроводные сети? Ведь теперь получается, что оросительная система до «точки водовыделения» (каналы, магистральные трубопроводы, насосные станции, водохранилища) принадлежит государству, а трубы, отводящие воду на пашни (внутрихозяйственные сети) — это коммунальная собственность местных советов. Смешно получается! Все энергетические сети — у одного хозяина (энергетиков), газовые — у газовиков, дорожные у дорожников, а внутрихозяйственные оросительные трубы отдали «бабе Мане из сельсовета».

А что такое эти трубы? Одесский журналист Иван Данилевский подсчитал, что «в Дунай-Днестровской оросительной системе под землей находится пятьсот восемьдесят семь километров труб большого диаметра внутрихозяйственных оросительных систем и еще триста двадцать километров их зарыто на территории Татарбунарской оросительной системы» (независимая газета «Юг»). Вес одного погонного метра такой трубы, в зависимости от ее диаметра, от 400 до 800 килограммов. Считаем по минимуму и понимаем, что в бюджетской земле закопано не менее 371 000 тонн металла. При цене металлолома в 2 гривны за килограмм — более 700 миллионов гривен.

Догадываетесь, что дальше? Правильно, уже несколько лет по Одесской области ездят «наводчики» (в основном из Киева), обладающие очень точной информацией — где проложены трубы оросительных систем. Эти наводчики особой церемонностью не отличались: входили в самые высокие кабинеты. Анатолий Новаковский, начальник Главного управления агропромышленного комплекса Одесской области, рассказывал мне, что, в его бытность вице-губернатором Одесщины, одна такая дамочка проникла даже к нему. Анатолий Григорьевич, по своему генеральскому статусу, мог себе позволить удовольствие шугануть эту барышню-металлоискательницу, но что делать простым сельским труженикам? Тем более, что искатели, по единодушному мнению, «крышуются силовыми структурами». Так что отказывать — себе дороже.

Поэтому в селах подписывали акты о том, что сеть пришла в негодность, трубы выкапывали — и на металлолом. Причем все это делалось организованно, централизованно и под хорошей крышей. Недостатка в технике такие старатели не испытывали. И сейчас, когда ходят упорные слухи о готовящемся постановлении, возвращающем внутрихозяйственные оросительные сети водхозам, никто не знает, сколько их осталось, тех труб.

Скандал, в конце концов, грохнул. Аккурат к реальному началу предвыборной кампании-2012. В адрес народного депутата Москаля пришло письмо от восьми жителей сел Дивизия и Безыменка, Татарбунарского района (Рис. 44), где сообщалось, что за два месяца было выкопано и вывезено 15 километров стальных труб диаметром 530–1020 миллиметров (а 1020 мм — это уже 800 килограммов/погонный метр).

Хотя это история совсем не новая. Все началось в 1986 году, когда там была заложена система для подачи воды из Днестра в Белгород-Днестровский район и Татарбунарский район, в направлении Староказачье — Дивизия. Но насосная находилась на территории Молдавии, поэтому, когда распался Союз, стройку в Украине заморозили. А в 2011 году там выкопали не 15, а 35 километров трубы. Обидно, потому что если бы достроили еще 1,5 километра, то жители шести сел Белгород-Днестровского района получили бы воду для полива и технических нужд. После того, как выкопали эту трубу, на самом проекте можно было ставить крест: население осталось без воды. Но разве это остановит искателей. А три обращения областного «Водхоза» в Генеральную прокуратуру результатов не дали. Что поделать — «крыша»!

Удивляет только одно. В письме написано, что вынули трубы «из межхозяйственной и внутрихозяйственной сети». Это означает, что тащат металл не только у сельсоветов, но, уже, и государственную собственность. Хотя кто сейчас государственную собственность только не тащит?

И если подводить итог «водяной проблеме» Буджака, то получается, что сломано все: водохранилища нет, машин нет, труб, похоже, тоже нет. Зато есть перспектива социального взрыва. Ведь «кризис орошения» делает никчемным то, что так близко хозяйственной украинской душе — принцип имущественного раздела. Когда распаивали земли колхозов, использовался такой принцип: если земля орошаемая — пай составлял один гектар. Если богарная — полтора. И вот теперь, когда система полива практически сломана, а земля, после отмены моратория на продажу, станет товаром, у владельцев орошаемой (но только на бумаге) земли неизбежно возникнет вопрос: «А где мои полгектара? Ведь у меня тот же богар». А где местной власти найти массу таких «полгектаров»?

Сельское хозяйство в Буджаке без орошения НЕМОЗЖНО!!! Именно так, с акцентированием, мне говорили везде — и в сельских домах, и в кабинетах областной администрации. Оно и понятно: возмущенный народ — это неприятно, а возмущенный голодный народ — это просто страшно. Но именно таким может быть результат буджакского «водного излома».

Глава 7

Қулуйсқие балларғы

Я, может быть, и родился романтиком, но годы заставили стать циником. Хотя последние два дня поездки по Буджаку вернули давно забытые образ и чувства. А как может быть иначе, если стоишь на причальных мостках на острове Шабаш в дельте Дуная: стоишь — куришь. Напротив, через протоку шириной каких-то метров пятнадцать остров Прорвин и островная тропинка, выходящая прямо к срезу воды.

И вдруг на тропинке появляется мустанг. Соловый...

Как-то свысока, надменно посмотрел на меня и встряхнул гривой цвета платиновой блондинки. Некрашенной... Вышли кобылицы с жеребятами. Медленно напились и, с достоинством, удалились. Я очень дискомфортно почувствовал себя — назойливым гостем, подглядывающим за хозяевами.

А это настоящие мустанги, то есть — одичавшие лошади. Откуда они взялись на островах — сколько людей, столько и версий. Слышал даже очень романтическую: о том, что в 1944 году, когда русские уже гнали румын под бомбардировки Яско-Кишиневской операции, кто-то выпустил на острова дельты элиту конской дунайской породы, выведенной в 20-х годах путем скрещивания английских рысистых Родстеров и нормандских упряжных Кобов. Для того, чтобы спасти лошадей от уничтожения.

Если это правда, то этот «кто-то» сделал большое дело: лошади спаслись в болотах дельты, прижились и размножились. Сейчас их насчитывают где-то около трех с половиной тысяч. Экологи их ненавидят, поскольку кони вытаптывают лесные поляны. В прошлом году газета «Le Mond» привела мнение Виорала Рошки, директора румынского природного парка «Мацин»: «Если коней где-то поселить, на следующий день место выглядит как футбольное поле после двух матчей в дождь. Есть цветы, которые здесь утверждались веками, а теперь исчезают. Вскоре этот уникальный лес будет не более, чем памятью. Для защиты дельты лошади действительно должны уйти». Я надеюсь, что Рошка уйдет скорее. Кони с цветочками общий язык как-нибудь — да найдут, лишь бы человек не мешал.

Зато как это красиво: бредущий к закату жаркий летний день — и мустанги у кромки дунайского берега.

Кстати, выхода искать не надо. В Америке его уже придумали. Ведь там тоже когда-то уничтожили двухмиллионное стадо мустангов. В 1970 году их оставалось менее 17 000 голов. В 1971 г. Конгресс принял защитный «Акт о диких лошадях» и уже через несколько лет актуальным стал вопрос ограничения популяции. Но там

«ограничивают» не нашими методами: жаканом под левую лопатку — и на мясокомбинат. Неприятно об этом писать, но до 2008 года именно так разбирались с мустангами дунайской дельты. Потом у лошадей нашли инфекционную анемию и мясо запретили брать. Мясокомбинаты и не берут... Вроде бы не берут...

Мустангов от человеческого сволочизма спасает легочная инфекция... Нет, мир, все-таки, сошел с ума.

В Штатах сделали по-другому. Там в 1973 году в Монтане стартовала программа «Усыновите лошадь». Мустангов продавали на аукционе по цене 125 долларов за голову. Но не на убой. Еще один год и один день владельцем животного было государство. И только через год, при условии надлежащего ухода, лошадь получала нового хозяина. Штрафы за вред, причиненный мустангу, были заоблачными.

Да что лошади! На островах дунайской дельты есть и дикие коровы (Илл. 34). Остатки колхозных стад, которые во время победного шествия демократии стало негде содержать и нечем кормить. Их разогнали из коровников, и буренки ушли на острова. Меня предупредили, что если окажусь рядом с таким «дунайским бизоном» — лучше отойти подальше. В отличие от мустангов они агрессивны. Очевидно, генетическая память так напоминает, как по-сволочному поступил с ними «Ното Сарпент» (Человек Разумный), что при виде одного корова не может сдерживать эмоций. И я ее понимаю. Во всяком случае, когда на следующий день мы увидели таких коров с борта катера, высаживаться на берег, почему-то, очень не захотелось. Причем не только мне, но и людям, прожившим в этой дельте десятки лет.

И, естественно, отдельная сказка дунайской дельты — это рыба. Я бесконечно благодарен Владимиру Швидченко, директору Усть-Дунайского порта, который привез меня на Шабаш-остров. Как и, в очередной раз, своему соавтору Николаю Пундику, который взял меня с собой в поездку по Бужаку. Они мне рассказали и показали немало интересного. Но даже такому знатоку ненормативной лексики, каковым я себя считаю, пришлось бы узнать много новых фразеологизмов, если бы я смог однажды прочесть их мысли. А дело было так...

Читатель, если Вы еще в состоянии чему-то верить — поверьте на слово. Я не рыбак и не имею повода (да и опыта) травить рыбацкие байки. Но когда мне выдали спиннинг, то с пяти забросов я взял двух сазанов: восьми и пяти с половиной килограммов! Большой — с икрой! У меня и доказательства есть — Илл. 35!

Мужики, которые в это время профессионально колдовали над блеснами и прочими воблерами, а поэтому были еще «пустые», обалдели, разъярились и пробормотали что-то типа того, что это — вообще «малек», которого они обычно выпускают подрасти. Но держать этого «малька» посоветовали за глаза: если ухватить под жабры — вырвется. О чем, и в каких выражениях они в это время думали — могу только догадываться.

А вечером, когда мы жарили моих «недомерков», сказка закончилась. Потому что оказалось, что и Килия, и Вилково, эти места, похожие на рай на земле (если бы только не комары!) — это сплошная проблема. Менее чем за два часа я услышал четыре рассказа, которых иначе как «балладами» назвать не могу. Потому что настоящая баллада — это всегда трагично. Я приведу эти рассказы, практически, в прямой речи.

Баллада о вине

Разделявая рыбу, мы попивали сухое вино очень насыщенного вкуса:

«Ну как, нравится? Это наша фишка, вилковский «новак». Новак — это местное название изабельного сорта винограда, адаптированного к этому району. Но эта «Изабелла», если ее сравнить даже с крымской, она намного вкуснее. Это виноград такой, между столовым и винным. Гроны у нее красивые, большие. Очень большие гроздья сизо-голубоватого цвета и ягоды с ароматом земляники. Виноград — ну просто красавец.

Когда-то на его основе здесь сделали вино, которое гремело по всей стране. У нас в Килие есть винзавод. После развала Союза он работал так, «через пень — колода», до тех пор, пока там не появился новый директор, который горел своей работой. Андрей Лозовой звали парня.

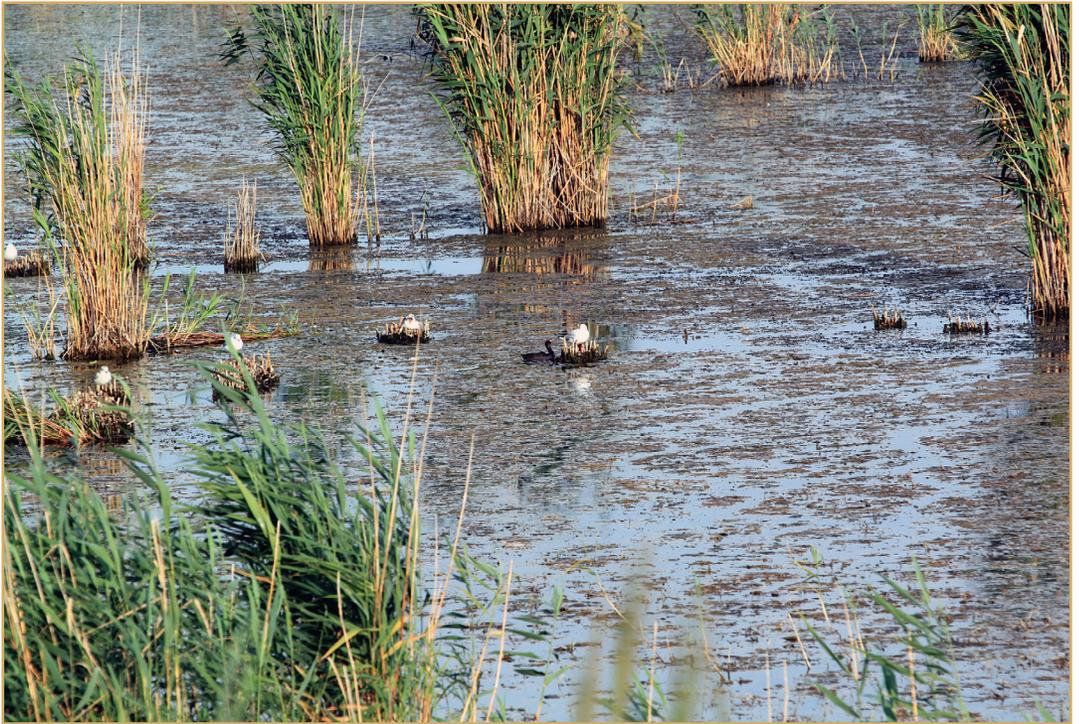
Он понимал, что вино, которое можно здесь производить, будет слабоконкурентным по сравнению с крымскими, кавказскими или молдавскими винами. Хотя виноград и виноматериалы здесь неплохие, но рынок в 90-х годах был заполнен. Но он придумывает вино «Венок Дуная», полусладкое, заказывает оригинальную бутылку, красивую цветную этикетку, и делает свое эксклюзивное вино «Венок Дуная». Фишкой вина был именно вилковский «новак», как основа. И вот он начал выпускать это вино. Завод поднялся, завод работал, завод был локомотивом местной экономики и лидером по поступлению налогов в бюджет Килийского района. И что самое важное — славно помогал бюджетам местных жителей: ведь «новак» выращивают только в садах и приусадебных участках Вилково, Килии и прилегающих районов.

Потом начинаются процессы приватизации, к Лозовому подводят каких-то непонятных ребят из Киева. А сам он, что можно сказать: директором он был, конечно, эффективным, но эти моменты с приватизацией, ну, там — с акционированием и прочими делами — это было не его, во взаимоотношениях с людьми он был менеджер наивный. Вот как профессионал своего дела — он был художник. А как капиталист — просто никуда.

В результате его вывели из состава администрации завода. И парень этот застрелился, а, может, и застрелили. Завод захватили пришлые, и завод сегодня не работает. По-моему, там уже даже виноматериала нет, а оборудование порезано на лом. А те, кто создавал «Венок Дуная», это произведение искусства, потеряли работу и возможность не то что достойного — просто существования. Вот так миновала слава килийского вина. Нет завода! Потому что в Новониколаевке, под Килией, это даже не завод, а винцех.

Причем это было не сознательное уничтожение конкурента. Это история нашей глупости или, может быть, глупость нашей истории. В те «буремные» 90-е, когда предприятие зарабатывало невероятные деньги, работало на полную катушку. А тут — приватизация. А у тебя, к примеру, есть административная возможность в ней поучаствовать.

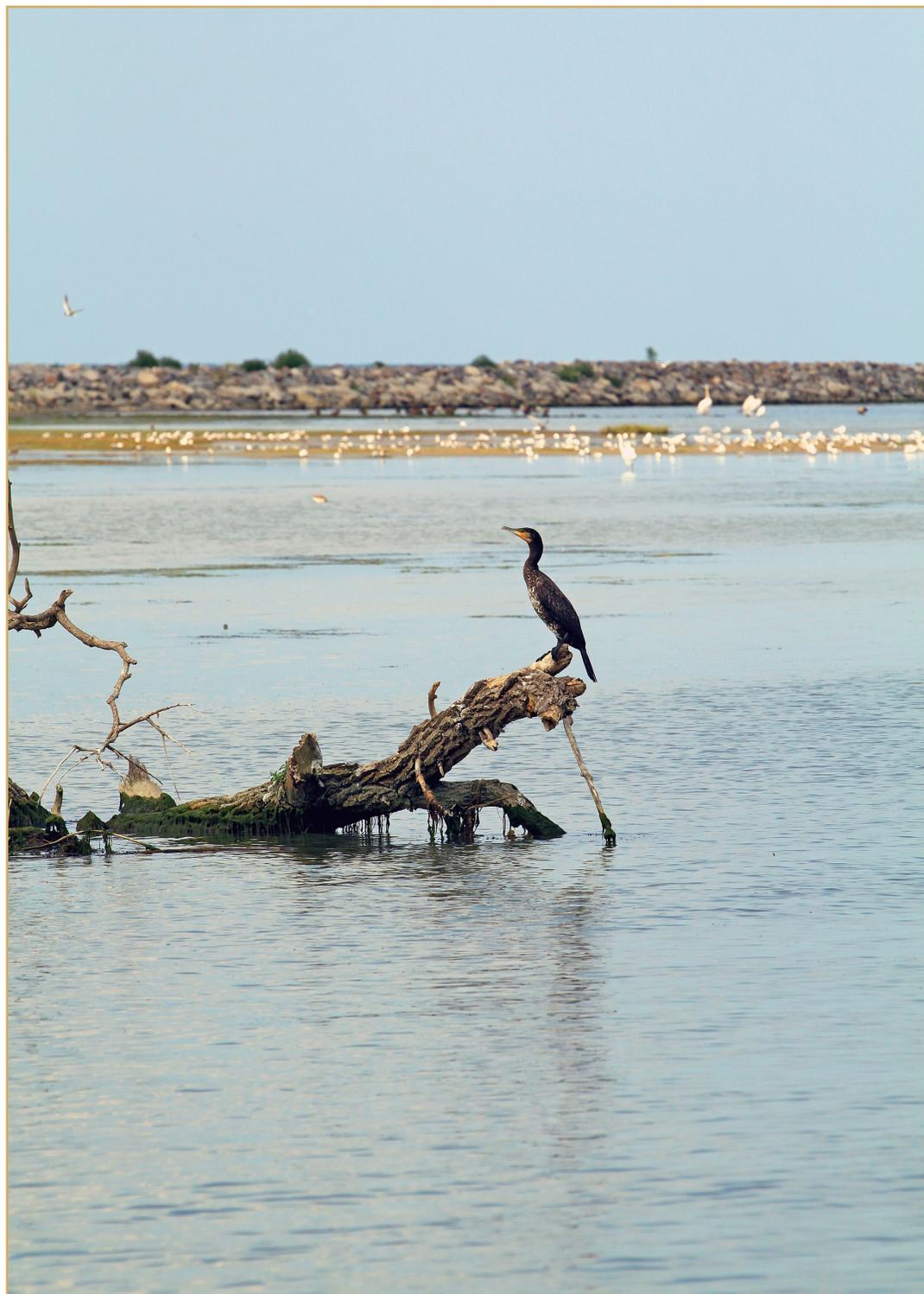

А дальше — психология. Если ты это предприятие захватил, то тебе кажется, что ты сможешь им и эффективно управлять. Как же: ты же умнее, ты же со связями, ты депутат. Даже если на самом деле ты — дурак дураком в профессии».

Что я мог сказать? Что от глупости и непрофессионализма мы потеряли гораздо большее, чем маленький килийский завод: военно-промышленный комплекс, экологию, черноморский шельф, подрастающее поколение? Что сейчас под «знаком вопроса» суверенитет? Но разве от этого легче? И разве это вернет «Венок Дуная»?

Баллада о рисе

Потом мы готовили гарнир к тому невероятному количеству сазанятины, которое «у нас было». Все очень простенько — зелень и рис. Рис меня удивил: и своим видом, и, потом, на вкус. Удивление заметили...

«Это наш, килийский рис. Тоже — своего рода «история глупости». Почему? Ну, смотри. Если ты закладываешь, по технологии, соответствующего качества рисовое зерно, путь даже не элитное, но — первой репродукции, закладываешь сколько положено воды на полив, закладываешь все минеральные удобрения и гербициды, то ты можешь спрогнозировать урожай с точностью до пяти центнеров с гектара.

А местный рис — очень урожайный и невероятно вкусный. Но, сам видишь — некрасивый. Это не лощеные, один к одному, импортные палочки-зернышки. Наш рис круглый, «кабанистый». Но какой вкусный...

Поэтому сбыт его — только местный рынок. Его кушают только те, кто знают. Зато те, кто знают, приезжают издалека и грузят себе в машину пару-тройку мешков. Потому что попробовав этот рис — другого не захочется.

Но грузят только «для себя». Ведь на других рынках он «не прокатит», поскольку некрасивый. А рекламу делать не умеют, да и не на что. Ты же знаешь, что реклама товара часто стоит дороже, чем его технология. Кто из крестьян будет вкладывать деньги?

Поэтому при 134 тысячах гектаров килийской посевной земли под рисом только десять тысяч гектаров. И это при том, что даже если ничего не делать, просто не заниматься фигней, да вовремя закачать воду, то 60 центнеров с гектара — это как получить 20 центнеров пшеницы где-нибудь в Винницкой области. А уж здесь поливной воды — целый Дунай рядом.

Но рис-то дороже, чем пшеница. Однако под ним — меньше 10 % посевных площадей района... Вот как-то так у нас получается с аграрной экономикой. Сидим на рисовом золоте и воюем с мышами за последнюю пшеницу».

Я не успел даже поспорить на эту тему. Потому что идея «сказителя баллады» мне не особо понравилась. Ну что, государство должно заниматься еще и рекламой риса местных сортов? А на что местный «бизнес-люд»? Или районное начальство?

На последний вопрос я получил ответ немного погодя, а в тот момент мы начали пробовать рыбу, рис, новак и другие, более традиционные, напитки.

И тут хозяина «прорвало». Он рассказал историю, которую я не могу назвать иначе, чем

Баллада о лихтерах

«В 1978 году СССР, Болгария, Венгрия и Чехословакия создали международное хозрасчетное предприятие по перевозке грузов под названием «ИнтерЛихтер». Под это все были построены два больших лихтеровоза (Илл. 36). Построены Советами, но назвали в честь венгра и чеха: «Тибор Самуэли» и «Юлиус Фучик». Это такие огромные суда, 260-ти метров длиной, с высотой борта 22,9 метра и дедвейтом (водоизмещением) в 36 000 тонн. Каждый такой красавец принимал к себе на борт 26 самоходных барж-лихтеров по тысяче тонн.

Эти баржи можно было таскать хоть по одной, хоть караваном, по самой мелкой воде, ко всем причалам дунайской системы. Потом их выводили на буксире в море, через заднюю аппарель лихтеровоза целиком заводили на синхролифт, поднимали на 12 или сколько там метров на верхнюю палубу или на более нижние уровни. Ну, «шпиговали» судно, как письменный стол ящичками. Интенсивность грузовых операций была фантастическая — до двух с половиной тысяч тонн в час. Причем — не у причала, а прямо на рейде.

А потом вся эта красота со скоростью 17–19 узлов просто «летела» в любую точку шарика. Чаще всего — в Индостан или к дельте Меконга. Это во Вьетнаме.

В общем — уникальное техническое сооружение. Интересно, но там был главный механик и был старший механик. Один не справлялся: машинное отделение было напичкано суперавтоматикой, два винта, подруливающее устройство. Зарплата и снабжение там были немеряные, попасть на лихтеровоз было за счастье. Но и отбор был — будь здоров. Одно слово — элита.

Тогда еще была морока — получить разрешение от Администрации США и Пентагона, который был автором идеи лихтерных перевозок. У них тогда лихтеровозы были стратегическими перевозчиками военных грузов во Вьетнам. Похоже, Штаты тогда перепугались: ведь всю болгарскую десантную или любую танковую дивизию можно был «кинуть» на лихтеровоз, и через две недели она была бы в Юго-Восточной Азии.

Но ничего, получили и даже разработали совершенно новый тип лихтера (Дунай — море), который мог бегать и по Дунаю, в составе толкаемых или буксируемых караванов, и по морю. Тогда Дунайское пароходство создало свою лихтеровозную систему: работали «Павел Антокольский», «Борис Полевой», «Анатолий Железняков» и «Анатолий Маркин». Они работали на Ближний Восток, Персидский залив и Северную Африку. Эти лихтеровозы были поменьше, по шесть лихтеров, 6 000 тонн.

Обслуживание лихтеровоза обходилось в миллион долларов в год. Но зато они были очень прибыльны. И, естественно, возникали разногласия между Дунайским пароходством и ИнтерЛихтером по поводу стоимости чартера, ну и по другим поводам. И где-то в 1996 году Дунайское пароходство, по-моему — переоценив свои силы и значение, сказало: «Все, ребята, мы выходим из «ИнтерЛихтера». Украинское правительство, как преемник союзного (России в ИнтерЛихтере не было), подает ноту о выходе из ИнтерЛихтера, а Дунайское пароходство говорит: «Мы сами загрузим лихтеровозы». После того, как это объявили, лихтеровозы сделали только один рейс. И все... Их поставили в отстой.

Там их продержали несколько лет, да и продали, примерно за 10 % от номинальной стоимости. Сейчас их эксплуатируют американцы — обслуживают буровые вышки. Малые лихтеровозы тоже вскоре перестали существовать и Дунайское пароходство постепенно потеряло всю свою морскую часть: универсалы, балкеры, малые суда (по 5–6 тысяч тонн). Для Вилково это была настоящая беда — ведь на обслуживании работали наши жители».

Да, уж, здесь крыть было нечем. Ведь действительно, лихтерный проект — это был тот редкий случай международной программы, где Украина, по определению, играла ведущую роль: ведь лихтеровозы-то были её. И что «самое обидное»: а ведь не пропал без нас «ИнтерЛихтер». Вместо нас туда вошли россияне, **ОАО «Северо-Западное пароходство» (Санкт-Петербург)**, и резко возросли возможности «Интерлихтера» в организации транзитных перевозок через Волгу и Дон на Дунай и обратно. Так что теперь традиционные экспортные сырьевые грузы из России: цемент, уголь, лес, окатыши, нефтеналивные, сжиженный газ — идут, увы, не через украинский порт.

А что до самого порта... А сам порт Усть-Дунайск (о котором я так мало писал в главе о портах, потому что слезы наворачивались на глаза) и был построен для обслуживания лихтерного международного проекта и работы с зерновым потоком, который шел из СССР из США и Канады. И сейчас его называют «забытый порт», «потерянный порт». Да и есть ли он? Швидченко, с ностальгией в голосе, припомнил, что в 1989 году он вывел грузооборот Усть-Дунайска на цифру 4,5 миллиона тонн. Миллиона! А сегодня он, по данным Морского Рейтинга, за 9 месяцев рубежа 2010/2011 годов перевалил 22 000 тонн. Тысячи!

А ведь суть не поменялась. Усть-Дунайск — это самый глубоководный порт Украины. Потому что выше по реке, к Измаилу могут подойти суда с осадкой не более 4,5 метров. Это 3–4 тысячи тонн. Ну, 5 000. А в Усть-Дунайске стояли суда в пятнадцать раз больше, до восьмидесяти тысяч. Ведь там проектная глубина 14,5 метров. Была.

А ведь есть старая геополитическая мудрость: «Кто владеет устьем, тот владеет рекой». Усть-Дунайск — ключ к Дунаю. И на следующий день я попросил показать, как выглядит нынешний «ключ Украины к Дунаю»?

Что я увидел? Красивая Жебрияновская бухта, в которой уныло качаются на волнах бочки, поставленные на якоря. К ним когда-то швартовались многотонники. И полузатопленная, «севшая на корму» баржа-лихтер, фаллическим символом торчащая носом в небо. Символом нашей, простите, рачительности.

А порт даже некрасив. Он страшен, как «остров обреченных кораблей». Акватория забита десятками судов, ждущих своей очереди для того, чтобы быть порезанными на металлолом (Илл. 37). Этим порт сейчас и живет. А что делать? Грузов нет...

Но все это похоже на страшную сцену казни: красивые и гордые суда превращаются в груды металлолома (по 2 гривны за килограмм)...

Но все это было «завтра». А тот, «сазаний» вечер закончился вечными вопросами мятущейся славянской души.

Что виноват и что делать?

Основную проблему мне назвали сразу и даже как-то «не думая»: малый профессионализм при принятии решений, неверная оценка политико-экономического процесса, проходящего в придунайских странах после развала соцлагеря и Совета Экономической Взаимопомощи. А, кроме того — сознательная сдача (за бесценок или мелкие подачки) того места и роли в мировом сообществе, которое завоевала наша страна трудом поколений наших соотечественников.

А ведь на момент развала СССР существовало немало толковых решений. Ведь даже создавали совместные экспедиторские предприятия с Веной и Будапештом! Дунайские портовики, почти единогласно, убеждали меня — это позволило бы сохранить стабильную грузовую базу и флот Дунайского пароходства. Но становление украинского чиновничества и изменение общественных ценностей парализовали процесс попыток сохранения позиций. Исчез основной компонент — эффективная поддержка государства. «Сдали» и продали, практически, все!

О какой эффективности может идти речь?! Цитирую дословно: «Ведь были такие времена, когда начальник пароходства, допустим, согласовал свои предложения в Киеве, а пока он доехал до Измаила — в столице уже новый министр. Который приходил и говорил: «Да все это фигня». Такие были, типа Жени Червонца, Оси Винского — хватало рукодельников. И все сейчас считают, что они были самыми лучшими министрами».

Но прошло не так много времени, и мои собеседники задумались: а всегда ли вмешательство государства на пользу? Ведь речники — это узкоспециализированная корпорация, ревниво охраняющая свои связи и специальные знания (помните: «Я на этой реке все мели знаю! Ой! Это первая»).

Они все знают друг друга, и все дружат друг с другом. За куском сазана с упоением вспоминали об умершем недавно бывшем начальнике Венгерского пароходства Петере Мурадине, человеке-легенде на Дунае. И только личные контакты с этой «легендой» давали Усть-Дунайскому порту 450 000 тонн навалочных и 200 000 тонн генеральных грузов. А это — около трех миллионов долларов.

Или сербское ИХП «Прахово», которое представляла Валнея Прохазка. Она могла «сутками со мной сражаться на переговорах, а потом в три ночи завалиться в гостиницу с бутылкой коньяку, вытащить меня из номера и сказать: «Ну, ладно, ладно, ни мое, ни твое, давай посредине». Мы пили по стакану и утром подписывали выгодный

договор. Правильно это или нет — не знаю, но дела обычно делаются именно так» (Владимир Швидченко). Действительно, трудно сказать, насколько это правильно, но факт — грузы югославского направления давали Усть-Дунайску транзит 600 тысяч тонн фосфатов и 250 тысяч тонн зерновых. То есть — 3,5 миллиона долларов в год. Ради такого результата можно и коньячку посреди ночи употребить.

И так — везде: на личных контактах, на старых связях. Японцы, вон, давно уже поняли, что наиболее важные решения принимаются не в залах заседаний, а за ресторанным столиком или в клубах. Именно такой неформальный клуб создали дунайские речники, клуб по-европейски уютный, со стриженными газонами и фонтанами. И случается такое, что в этот «дунайский клуб» украинская сторона сует чьего-то там племянника. Выкидывают того, кого знает весь Дунай, и говорят: «Это что будет у вас членом клуба». Ему в ответ: «Ты чё, больной? Мы же Европа, здесь так не принято». И действительно, зачем им там нужен баран, который приехал и понятия не имеет, о чем будет договариваться. Зато с амбициями и апломбом, которые во много раз превышают его интеллектуальный потенциал.

Когда я задал «сакраментальный вопрос» по поводу дунайских отношений Украины и Румынии, ответ был мгновенным и образным: «Мы сами себе наносим столько вреда, что румынам нет даже необходимости прилагать какие-либо усилия. И это не значит, что они что-то там особо модернизировали: у них там тоже бардака хватает. Но у них есть консолидация. То есть они занимаются протекционистской политикой, защищают свои интересы. И плюс к тому — их контролирует Евросоюз, у него особо не забалуешь. К тому же — с учетом вступления большинства дунайских стран в Евросоюз и НАТО, Дунай фактически стал внутренней водной артерией этого альянса. Так что они могут спокойно обходиться без наших ста сорока километров русла, особенно с нашими блохами в голове. А если уж румыны так ведут себя по отношению к Украине, то только потому, что мы им сами позволяем вести себя так. Мы в полной заднице, армии у нас нет, защищать мы себя не сможем — мы только понты колотим. Здесь, в стране, мы можем корячить друг перед другом пальцы, а дальше — ни на уровне дипломатии, ни на уровне силовых решений мы ничего не хотим и не можем».

Вот так: грубо, жестко и очень похоже на правду. Причем я заметил еще в Измаиле — никто особо не скрывает своей заинтересованности в румынском паспорте. И далеко не всегда — из высоких соображений поучиться в Европе или прильнуть к высокому искусству ее музеев. Все проще. Потому что сейчас из Измаила в Галац (дунайский порт в Румынии) поехать ближе, дешевле и практичнее, чем в Одессу. Последнее — потому что качество румынских продуктов, из-за евростандартов, сейчас не в пример выше, чем в Одессе. Да и транспорт... Буджакские дороги не могут равняться с румынскими. Наши проигрывают с треском.

А, может, так попробоватъ?

Недоверие к центру, которое отчетливо звучало в разговорах не только с местными руководителями и бизнесменами, но и так — на остановках, в пивных, на рынках, имеет под собой более, чем реальные основания. В прошлом году должна была закончиться восьмилетняя «Комплексная программа развития Придунавья», в фокусе которой было действительно необходимое — строительство новой качественной и современной автострасы Одесса — Рени, строительство берегового комплекса паромной переправы Измаил — Тулча, развитие уникальных возможностей Килийского судостроительно-судоремонтного завода. И что? Кроме скандала с нецелевым использованием средств проекта, зафиксированных Счетной палатой Украины, — практически ничего.

А ведь время идет. Европа приняла «Дунайскую стратегию», а это потенциал более чем 100 миллиардов долларов инвестиций. И получить доступ к этим ресурсам смогут те соискатели, кто имеет материальную базу и рациональные подготовленные идеи. Украина к таковым, похоже, не относится. Материальную базу она угрбила, а рассчитывать на «программы из Центра» получается как-то наивно, что ли... Киевская власть занимается своими делами — подготовкой выборов, «нежностями с оппозицией», разборками с Россией и Евросоюзом. Казалось бы: в таких условиях инициативу должны проявлять «местные». Ан нет...

Это не только бужакский диагноз, это проблема всей страны: ведь всю эпоху суверенитета Украина живет в «замороженном» состоянии нерациональной административно-территориальной системы и предельной централизации власти. Поэтому абсолютно нет механизма решения местных конфликтов и эффективного управления местной общиной. Потому что местная власть, особенно в дотационных (а Бужак сплошь дотационный) регионах, рассчитывает только на бюджет и не хочет даже шевельнуться для зарабатывания денег.

А зачем? Ведь работает система: благосостояние любой территории зависит от того, сколько в район дадут из центра. Руководителю не надо вертеться и изворачиваться «на месте», зарабатывая деньги. Ему надо «прогнуться» в Центре и вытащить оттуда максимум субвенций, дотаций и тому подобное. Да и Центру удобнее, когда на местного руководителя накинута финансовая уздечка: послушнее будет. А «собственный» заработок получается для района даже опасным — ведь на этот объем в следующем бюджетном периоде могут быть сокращены дотации. Здесь-то и стало ясно, почему некрасивый, но вкусный рис в Килие — не бизнес, а баллада. Потому что: заработаешь на продукции — лишишься части подачки.

Но в таких условиях «Центр» становится источником раздражения — люди не любят тех, кому вынуждены кланяться.

Еще большее раздражение вызывает директивная деятельность столицы. Один вилковский рыбак, не брезгующий и дичью с островов дельты, узнав, что я киевлянин, в раздражении спросил: «Почему какой-то штымп, 27 лет от роду, сидя в Киеве, на улице Артема, и понятия не имеющий, где находится Дунай даже на карте, опреде-

ляет квоты по вылову рыбы, определяет — можно ли здесь открывать охоту? Ведь мы же не будем гадить на том месте, где живем!»

Ну, на этот вопрос как раз ответить просто: **«Потому что черепашка была бы против!»**

...Мы возвращались из Жебрияновской бухты по головоломной сети протоков между островками и зарослями камыша. На одном из протоков явно пованивало, а недалеко от камышей на поверхности воды плавала маленькая черепашка. Мы подошли поближе — она была мертва. Кто-то протянул сеть не поперек, а вдоль протока. Черепашка была обречена, у нее не было шансов переплыть водный рукав, не попав в ячею. Сеть была поставлена давно и уже обросла тиной. А воняло несколько запутавшихся там рыбин. И сделал это явно не приезжий, а кто-то местный: чужие там не ходят. И после этого кто-то мне будет говорить, что «не гадят там, где живут»? Ох, и гадят!

Но это частности. А в целом вопрос выживания регионов должен сводиться к перераспределению функций. И не в том смысле, что Центр должен расширить объем полномочий, делегируемых на места. Наоборот: районы должны сами определить, какие функции им необходимы. Они сами должны определять пределы, и поверьте, эти пределы будут разумными. Никакой район не прыгнет «выше своей крыши», поскольку понимает меру ответственности, и эта мера будет уже касаться лично регионального вожака, его шкуры, его кошелек и его среды обитания — ведь в кабинете более комфортно, чем в камере.

Конечно, найти грань будет сложно, но это необходимо. Хотя здесь есть то, от чего когда-то всегда начинал зловеще заикаться президент Ющенко, элемент федерализации страны (ну или, если хотите, регионального сепаратизма).

Но кто сказал, что «федерализация» — это незаконно? Очень уважаемый мною и очень рано ушедший региональный нардеп Евгений Кушнарев когда-то заметил, что «по Конституции законом запрещены к посягательству на территориальную целостность государства и неприкосновенность его границ. Но под каким углом зрения федеративно-земельное устройство страны (а это внутреннее, административно-территориальное устройство) не касается вопроса территориальной целостности государства? Да, сегодня в Конституции записано — унитарное государство. Хотя при наличии Автономной Республики Крым мы уже не являемся в полной мере унитарными. Но если будут подготовлены изменения и они будут поддержаны, значит, Конституция будет изменена, значит, партии могут ставить это своей политической задачей». От себя добавлю: и не раз ставили. Достаточно вспомнить «галицкую ассамблею» на западе или северодонецкий съезд на востоке страны.

Или кто сказал, что «федерализация» — это плохо. Германия, не последняя страна в мире, является федеративной республикой, состоящей из 16 «земель». Причем каких!!! Имеющих, не в пример Украине, многовековую суверенную историю.

Бавария: дважды была герцогством, дважды — королевством и 180 лет — курфюршеством, правитель которой, и шесть его коллег, избирали императора Священной Римской империи. Или Тюрингия: сначала королевство, потом герцогство — маркграфство — ландграфство.

По конституционному праву Германии «земли» — это не «производные» от федерации. Наоборот, ФРГ — это «объединение земель». Там земли — субъект конституционного права и даже обладают ограниченной международной правосубъ-

ектностью. Но и несут «государственную ответственность». Вот так-то: это тебе не дотации в центре выключивать.

В этом-то и отличие от Украины. В Германии сама идея государственности строится на идее субсидиарности. Это принцип, согласно которому «задачи повседневного существования» должны решаться на самом низком, малом или удалённом от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно. Центру делегируются полномочия иного характера: внешнеполитические, оборонные, монетарные...

«Баллада о феодализме»

У нас, правда, на пути принципа субсидиарности стоит другая идея. О ней, правда, Конституция молчит, но от этого она не становится менее популярной. Это идея феодализма.

Когда, пять лет назад, я впервые написал о признаках феодального ренессанса в Украине, окружающие делали странные движения пальцем у виска. Сейчас об этом говорит всяк, кому не лень. И это объективно, поскольку в условиях надвигающегося продовольственного кризиса земля приобретает особенную ценность, как безусловная гарантия перспективного благосостояния. Поэтому неудивительно, что «владение землей» (или, если хотите, в терминах геополитики — «контроль над пространством») потихоньку становятся основной целью политической карьеры. Особенно в условиях выборов по закрытым партийным спискам и неформального императивного мандата в Раде, проявляющегося по мановению десницы Чечетова. В Средневековье это называлось «оммаж в обмен на инвестицию», то есть клятва верности сеньору в обмен на контроль над каким-либо земельным участком (от герцогства до деревни). В русском феодализме это называлось еще проще — «кормление».

То же самое получается в Украине: в обмен на политическую лояльность депутатам предоставляется негласный контроль над местностью и доходами, из этой местности исходящими. В результате и появляются бароны, гоняющие холопов по своим голованевским лесам или черновицким озерам.

Я не мог удержаться от любопытства: а есть ли опасность феодализации в одном отдельно взятом Буджаке. И услышал последнюю балладу.

«Она всегда есть. Это менталитет. Помноженный на принцип маятника, который происходит и в жизни, и в физике. Сначала мы оттянули маятник к социализму, потом он сорвался, полетел и сейчас летит в сторону феодализма. Но этот маятник нашего жизнеустройства никак не может попасть на «золотую середину» нормальных человеческих взаимоотношений и встать в равновесии. Вот сейчас они оттянут его в сторону феодализма, потом с вилами выйдут, и он полетит в другую сторону. Но опять не в ту. У нас нет середины: мы всегда либо за белых, либо за красных. Но потом правильно не получается ни у белых, ни у красных. Менять что-то надо в мировоззрении. А может — и в мироздании.

А есть ли феодализм сейчас? Да есть, конечно, это видно даже на примере начальников портов. Вот, посуди сам: начало 90-х, распался Советский Союз, на постсоветском пространстве — полное отсутствие опыта управления государ-

ством. Результатом стало ослабление влияния Центра на предприятия. В том числе — и на порты, ведь вместе с Министерством Морфлота СССР, была потеряна поддержка предприятий отрасли на внешнем рынке. Все это (плюс воровство и дурость) привело к развалу черноморского и азовского пароходств, а Дунайское пароходство перевело из роли лидера в положение аутсайдера.

Это объективная ситуация, а с точки зрения личностей вообще начался бардак. Как «пропал» Центр, то все портовые боссы стали царями. Павлюк (начальник Одесского порта) — этот, конечно, самый богатый, «одесский князь». Но и все остальные — то же самое. У них «посносило крышу». Да и эта самая «крыша» была недостаточно качественной. Начальниками портов начали становиться люди, которые понятия не имели что такое мореходное училище или Институт инженеров морского флота, которые не знали спецтерминов, имели поддельные дипломы о высшем образовании. Отраслью руководили бывшие официанты, а пароходством — специалист в области канализации, который называл себя кризис-менеджером и который вывел дунайское пароходство в место, соответствующее своей основной квалификации.

Хотя им и предлагали: «Ребята, давайте объединяться. Вы посмотрите, что делается. Ведь как шарахнет — всем будет мало места». Они ни в какую. Как говорят на Украине, они «казылися, казылися» до тех пор, пока не пришли регионалы. А как пришли, так начали их колошматить, так и колошматят до сих пор. Павлюк уже побывал за решеткой, Юра Крук из «Южного» порта слетел, Котельникова из Евпатории убрали, Лавриненко из Ильичевска в бегах. И таких много.

Причем убирают не «за факты», а «за тенденцию». Ведь должности покупалась в Киеве, но уж купив ее, человек чувствовал себя паном: хотел, чтобы Коломойский или, там, Ахметов с ним лично договаривался и брал в партнеры. «Крутым» это надоело, и они устроили «выход с вилами», через суды и силовиков Центра. И сейчас новые начальники, это уже не местечковые «паны». А обычные служащие своих хозяев в удаленных кабинетах.

Хорошо это, или нет? Трудно сказать. Скорее в плюс. Потому что появилась стабильность. Нам, в принципе все равно, кто придет — регионы, «Наша Украина» или кто еще. Нам надо работать и жить. Если Януковичу к стабильности добавить сбалансированное отношение с гражданами и своим окружением, убрать забор между западом и востоком, который, что бы мы там ни говорили, все-таки существует, то ему цены бы не было. У него есть понимание экономической стабильности. Вот у тех, предыдущих — ни хрена не было. Они продавали друг друга за три копейки».

Вот такие баллады мне пропели в Килийском районе, поставив намного больше вопросов, чем предложив ответов. Зато убедив меня в своей же правоте: Бужак — это, действительно, «излом». Потому что практически каждый вопрос вырастает здесь в практически неразрешимую проблему. Хотя я и не ставил себе целью создание рецептов лечения болезни — тут от анамнеза голова кругом идет.

Зато вывод, или, может быть, «последнее слово», напрашивался сам собой.

Вместо эпилога

И несколько слов напоследок...

...от Андрея Ганжу:

Мы уже замечали, что Бужак — это маленькая территория с широким диапазоном возможных сценариев своего исторического развития. Но это не только территория, это еще и население, граждане страны Украина. Их не так уж и мало — ...

И вот здесь — стоп! Никто не знает, сколько их. Потому что никто не знает, сколько нас, граждан Украины осталось в этой самой стране. Цифры, которые указывает Госкомстат Украины (45 633 600 человек на 01.01.2012) ничего, кроме печальной улыбки и недоуменного передергивания плечами, вызывать не могут. Какие там 46 миллионов?! Отчизна вытолкнула из своих объятий от четырехсот тысяч до семи миллионов своих сынов и дочерей, которые вынуждены носить в Европе унижительное прозвище «гастарбайтер».

Заметили диапазон количественной оценки «гастарбайтеров»? Или, если уважительно, «трудовых мигрантов»? А все потому, что никто их не считает: отсутствие информации выгодно всем. Политикам — для устройства электоральных игр с голосами трудовых мигрантов. Силовикам и на дорогах Украины на границе — с каждой мигрантской машины, пусть по 30–60 евро, но «отдай, и не грехи». Семьям, в конце концов, чем меньше об уехавших за кордон родичах будут знать, тем «от греха подальше». Сами понимаете: налоговая, менты, бандиты. Или все вместе...

И менее всего в создании реальной демографической картины страны заинтересована, по всей вероятности, именно местная власть. Открою страшную тайну чиновников: критериев для получения каким-либо регионом бюджетной помощи, дотаций и субвенций из Центра существует немало, но основным все-таки является «количество населения в районе». Поэтому местная власть всегда и по-максимуму будет завывать «свое» население, потому что, как уже отмечалось, благосостояние любой территории зависит от того, сколько в район дадут из центра. Во всяком случае — в дотационном Буджаке.

Кстати, стоит обратить внимание: по установленной практике и согласно рекомендациям ООН, переписи населения в большинстве стран мира проводятся раз в десять лет. В Украине она проводилась в 2001 году. Новая была «назначена» на 2012, но потом ее отложили на год. Обещали провести «пробную» перепись насе-

ния на Харьковщине, но, похоже, обещанного три года ждать придется. Хотелось бы ошибаться, но и всеобщей переписи ждать придется, скорее всего, долго. Поскольку слишком многим выгоден хаос количественных показателей населения Украины.

Так что сколько населения в Буджаке — сказать трудно. Считается, что где-то около 420 000 человек. Зато ясно одно: оно является заложником действующей системы абсолютного доминирования центра, когда любое проявление деловой активности районной власти может быть тут же «наказано» сокращением бюджетной помощи.

Когда я был в Татарбунарах, то пришлось несколько раз услышать от районных лидеров: «Вот, опять денег не хватает, опять из Центра не перечисляют». И во всем этом удивляет только одно: Татарбунарский район — это 50 километров еще незагаженного морского побережья. Внешне, кстати, этот берег чем-то похож на Флориду: плоская низменность, невысокий береговой клиф и далее — прекрасный пляж и плавный переход в водный простор (у нас — Черного моря, во Флориде — Мексиканского залива). Но сравните качество инфраструктуры этих берегов!!!

На одном из своих самых удачных снимков (Илл. 38) американский фотограф Джеар Хотт засек очень редкое явление: туманное цунами. Это когда туман накатывает с моря, принимая форму огромной волны. Впечатляет, правда?

Но еще больше впечатляет инфраструктура берега на пляже Панама-Сити — многоэтажные отели на километры и километры вдоль берега. Ради интереса, взял первый попавшийся отель — Holiday Inn Resort Panama City Beach. Это 340 номеров с возможностью одновременного поселения 540 человек. И на 9 миль (14 километров) пляжа таких отелей девяносто три. Фактически — город с населением более 50 000 человек.

Совсем иное — буджакская картинка (Илл. 39):

Это курорт Лебедевка в Татарбунарском районе. И что характерно: мусора от этих двух десятков машин останется не меньше, чем от флоридских небоскребов. Потому что регулярный сбор мусора и, тем более, его утилизация в Татарбунарах остается светлой сказкой будущего.

Нет, там есть три курорта (Лебедевка, Катранка и Рассейка), где отдыхать — ну, очень здорово. Зелень, птицы, прекрасный песок, которым восхищался еще Валентин Катаев, недорого, людей немного.

Вот в том-то и дело, что немного... А ведь организация настоящего рекреационного пояса на татарбунарских пляжах могла бы не только принести налоговую пользу, но и решить одну из самых животрепещущих проблем населения района: куда девать продукцию приусадебных хозяйств? Ведь сейчас как? За Дунай ее не отправишь, евростандарты не позволят. А в Одессу — смотри главу об «автобанах», там транспортные затраты не то что съедят всю прибыль, но и без штанов селянина оставят.

А теперь прикиньте, сколько продовольствия необходимо, чтобы удовлетворить желания и капризы нескольких десятков тысяч человек, приехавших на отдых и с деньгами. Желание хорошо поесть и от души выпить. Вопрос реализации приусадебной продукции решится бы вмиг.

Это лишь один из примеров возможных решений. А их должно быть очень много, потому что, повторюсь, в Буджаке «изломано» все. Но решить это в условиях нынешней деформированной системы распределения властных полномочий невозможно. Это версия местной власти.

Есть, правда, и другая. О том, что эта благодатная земля не для «свиных рыл» простонародья, а уже давно распределена и ждет своей приватизации. А что, тоже похоже на правду. Но и в том, и в другом случае «изломы» никто лечить не собирается.

Так что, возможно, и правы европейские эксперты, выдвинувшие версию о том, что украинская политическая элита рассматривает Буджак не как органическую часть украинского государства, а, скорее, как головную боль или даже потенциальную угрозу для целостности страны. В этом она абсолютно права. Если ничего не изменится, то именно с Буджака может начаться распад этой целостности. Потому что за Дунаем не спят.

Румыны очень качественно гнут свою линию. Они задействовали две вещи — религию и гражданство.

Религия — это очень серьезно. Несколько лет назад я был в Закарпатье, и тогдашний мэр Ужгорода Сергей Ратушняк с тревогой рассказывал мне о той опасности, которую несут для украинской целостности венгерские и румынские священники, направляемые в закарпатские ирреденты. Он, кстати, ими даже восхищался: «Очень развитые люди. Молодые. Лет по 27... Они там (в этнических селах. — А. Г.) имеют очень большой авторитет, и по праву. Священники ведут аскетический образ жизни. В отличие от нашей колбасни. Румынский священник здесь — это худой молящийся аскет, днем и ночью открытый для своих прихожан. Но он не знает и не хочет знать ни одного слова ни по-русски, ни по-украински. Хотя если он пойдет на что-либо, то толпа его прихожан пойдет за ним. Авторитет очень высок. Туда присылают, я бы сказал, чистых людей в своей сфере. Очень преданных идее...»

Как в воду смотрел Ратушняк. Не прошло и двух лет, как венгерская община Закарпатье выдвинула Центру очень резкие заявления относительно создания венгерской культурной автономии.

В Буджаке до этого еще не дошло, но первые ласточки уже прилетели. Как, например, летом 2011-го, когда в Камышовке Измаильского района, на территории Украины, попытались открыть церковь, канонически подлежащую Румынской автокефальной православной церкви. Тогда конфликт погасили, причем на очень высоком уровне, с участием митрополита Агафангела и президента Януковича. Но не пресекли как следовало бы: громко, открыто, с возмущением и дипломатическими нотами. А именно погасили, спустили на тормозах. Не захотели ссориться с членом Евросоюза. А фактически — пригласив этого члена ко второй попытке.

И такие попытки еще будут — можно не сомневаться. Потому что у Румынской Церкви в Буджаке уже много потенциальных прихожан. Если в качестве таковых рассматривать румынских граждан.

Румынское гражданство — это самая страшная геополитическая проблема украинского Буджака. Именно «геополитическая», если под этим понимать «науку управ-

ления пространством». Потому что она нацелена именно на изменение политического пространства. И не в пользу Украины.

О раздаче румынских паспортов (следовательно — румынского гражданства) говорят много. Часто — в самоуспокоительном тоне, мол, все это — для облегчения трудоустройства в Евросоюзе, получения там образования, шопинга, в конце концов. А получить румынское гражданство в Буджаке сейчас проще простого.

Ведь при Минюсте Румынии создана спецкомиссия, которой, по сути, нужен только один документ для оформления гражданства — свидетельство о рождении кого-либо из предков на территории Румынии «образца до 1940 года». Кстати, непонятно, а почему не до 1944-го, ведь во время войны германские нацисты позволили присоединить Буджак к Румынии.

Но даже если такого документа нет — не проблема. Наберите в любом поисковике запрос «Румынское гражданство», и обязательно выплывет что-нибудь типа: «Для тех лиц, у которых не было предков, проживавших на территории Молдавии до 1940 года, получение гражданства Румынии также возможно, но уже на других условиях. Мы **умеем находить румынские корни** даже для тех клиентов, у которых их **никогда не было** и **официально** оформляем всю процедуру восстановления румынского гражданства, **через МИД и Минюст Румынии**, до получения паспорта клиентом» (юридическая фирма «Старсвит» в Киеве, расстановка акцентов сохранена).

И нечего наезжать за это на жителей Буджака. Им так действительно удобнее. Ведь сейчас легче и выгоднее съездить за продуктами и лекарствами в Галац или Тульчу, чем в Одессу. И дорога ближе, и товар качественнее, и обслуживание не в пример...

Но где четкая грань между бытовым прагматизмом и желанием уйти из Украины?

Ведь даже те украинские граждане, которые, получая румынские гражданство и паспорт, руководствуются исключительно прагматическими соображениями, в конечном итоге оказываются на очень коротком поводке румынского государства.

Да, эти дубль-граждане получают много новых прав. Но гражданские права неотделимы от гражданских обязанностей. То есть от притязаний государства на определенное поведение своих граждан, независимо от места их нахождения. И по статье 17 румынской Конституции: «Румынские граждане пользуются за границей покровительством румынского государства и должны выполнять свои обязательства, за исключением тех, которые несовместимы с их отсутствием в стране». Я бы подчеркнул слово «ДОЛЖНЫ». А параграф первый 50-й статьи гласит, что «Верность стране священна». А украинец, получающий румынский паспорт подписывает присягу на верность румынскому государству.

Вот и возникает вопрос — что делать бедному «дублю», если события пойдут по сценарию, предложенному в четвертой главе? И не менее актуальный вопрос: а что делать бедной Украине, если все «дубли» решат, что румынский вариант для них выгоднее украинского.

И если этих «дублей» будет больше, чем «сознательных украинских граждан»? Ведь дело к тому идет... На румынских сайтах такой информации нет принципиаль-

но, СБУ оценивает количество выданных паспортов в Бессарабии и на Буковине «более чем в 50 000». Но насколько «более» — никто сказать не может.

А я не могу забыть болгарского забудыгу, который представился то ли именем, то ли погонялом «Кирия», и раскрутил меня на пиво на парапете около кафе «Эдем». Я, естественно, спросил о «румынизации» и получил мгновенный ответ: «Да здесь у всех уже есть румынские паспорта». Потом Кирия еще отхлебнул пивка и добавил: «Кроме тех, у кого уже есть паспорта болгарские». И у меня совершенно не создалось впечатления, что качество кириной оценки хоть в чем-то уступает СБУшной.

А если и остались в этих краях «сознательные украинцы», то и на них надежд не особо много. Готовя материал по румынской военной угрозе, я очень много времени провел в форумах. И начитался всякого. В том числе и такой комментарий, от человека под ником «Десантник»: «Я офіцер, та якщо буде війна з Румунією, воювати за шахти Ахметова, заводи Фірташа, землі Балогі, та інших «еліт» не піду, і хлопців своїх не поведу. А от скористатися війною, як «поштовхом» щоб перерізати «ВСЮ ЕЛІТУ» — то я — за. А тоді вже будемо із румунами розбиратися»(орфография и пунктуация сохранены. — А. Г.). Вот так-то! Но это уже совсем другая история...

Румынию можно понять. С одной стороны — чем больше граждан в государстве, тем больше мест в Европарламенте. Они расширяют там свое представительство. А с другой... Многие из нас еще помнят диалектику, в том числе и то, что количество неизбежно переходит в качество. Так и количество румынских граждан может перейти в новое качество территории.

И не следует утешаться тем, что «Румынии, исходя из ее членства в Евросоюзе и НАТО, какие-то территориальные поползновения или претензии к другим государствам попросту запрещены» (Владимир Лупашко, украинский эксперт по региональному развитию, да и не он один). Я даже не буду банальничать и вспоминать о том, куда НАТО засунула резолюцию Совета Безопасности ООН №1244, гарантировавшую территориальную целостность остатков Югославии. Я о другом...

Мы живем в трансформирующемся мире. В котором международное право давно стало «правом доброй воли», и ему следуют либо те, которым это выгодно, либо те, кто не имеет возможности и достаточного могущества для того, что бы это право игнорировать. Да и само право трансформируется. В Европе, пока еще, считается, что государственные границы, вроде бы, неприкосновенны. Но далеко на Востоке уже четверть века назад была высказана другая идея: «Эффективный контроль, осуществляемый в течение продолжительного времени над стратегическим районом, который осуществляется за пределами географических границ, в итоге ведет к переносу географических границ».

И обнаружена эта идея в газете Главного политического управления Народно-освободительной армии Китая «Цзефанцзюнь бао». А это уже серьезно: китайцы шутить не любят. Да и не умеют. И эти ребята уж чего решают, то поставленных целей, чаще всего, добиваются.

А какой контроль может быть более эффективным, чем контроль над населением? Особенно если он, как в случае с Буджаком, подкреплен шестикратным военным

превосходством и, что не менее важно, политической волей руководства одной из противоборствующих сторон. Нет, я не сомневаюсь, что Европа, в случае чего, окажет серьезное давление на Бухарест с целью заставить его умерить свои историко-территориальные комплексы и не довести дело до вооруженного конфликта. Но я сомневаюсь, что они будут рвать жилы от усердия. Поэтому уж коли вероятность такого конфликта все-таки существует, то Украина просто обязана быть готова к участию в нем. В любом аспекте...

Поскольку такая подготовка включает не только военную, но и социальную составляющую. Ведь что может, по сути, противопоставить Украина социальному, религиозному и бытовому прессингу, осуществляемому Румынией в Буджаке? Бесконечные презентации и последующие разворовывания программ развития Нижнего Подунавья, свободных экономическим зон, еврорегионов и иже с ними? Не прокатит. В данном случае эффективны реальные дела, а не обещания и сотрясения воздуха.

Так что — ДУМАЙ, ВЛАСТЬ!!!

...от Николая Пундука:

Прошлым летом я не без любопытства наблюдал за метаниями моего соавтора по буджакской степи, в поисках информации. И с нетерпением ждал своей очереди: как я зубодробительно раскритикую изыскания Ганжи и скромно опишу результаты работы нашей команды в течение последних двух лет. Напишу о 15 новых и ремонте 250 действующих школ, о ста пятидесяти автобусах для школьников. О 16 строящихся стадионах. Об энергетических и мусороперерабатывающих проектах. Да и мало ли о чем еще...

Но потом решил: всего этого не будет. Я не хочу, чтобы читатель воспринял окончание нашей книги как предвыборную или поствыборную агитацию. Во-первых, ей уже давно никто не верит. А, во-вторых, достижений всегда мало. И, в любом случае, работой власти население никогда не бывает довольным. Это естественное качество власти как таковой.

Недавно я прочитал очень интересное интервью Мэтью Фестинга, посвященное именно проблемам власти. Он заметил: «история повторяется. Конечно, действия людей отличаются, но, если Вы прочтёте документы 13–14 веков, Вы увидите, что у Великого Магистра были точно такие же проблемы, как и сегодня. Я не думаю, что ситуации сильно отличаются. Дело в том, что обстоятельства всегда одинаковы — бедность, болезни, недовольство правительством, голод». А сэр Мэтью знает, о чем говорит. Все таки Князь и Великий магистр Суверенного военного гостеприимного ордена Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты. Семьдесят девятый в 932-летней истории этого «государства без территории».

Поэтому не буду никого ни в чем убеждать, а достижения и проколы нашей команды пусть оценивает избиратель. А я вернусь к «Буджакскому излому».

Метания Андрея Ганжи не были безрезультатными. Он правильно выделил основные «болевые точки» региона. И честно преподнес их вниманию читателя. Я даже не ожидал, например, что он докопается до «дачно-приватизационной» версии событий вокруг Сасыкского лимана.

Скажу честно: я пока не знаю, что делать с Сасыком. Окончательной, «железобетонной» бумаги, по этому поводу нет. Я понимаю настроения людей, которые абсолютно искренне участвуют в проекте «Возвратим Сасык морю». Еще более я понимаю тех общественников-подвижников (перед которыми я действительно преклоняюсь), которые все свои познания и силы отдают проекту. Но хорошо... Разроем мы эту дамбу и «восстановим историко-экологическую справедливость». Хотя мой соавтор убеждал меня, что большую часть средневековья и новой истории Сасык был огражден от моря пересыпью. Убедить окончательно не смог, хотя аргументы (карты Фишера и Стрельбицкого) впечатлили.

Но, даже если разроем — что это даст? На канале, который прорыт от Дуная к Сасыку, можно будет ставить жирный крест, как и на всей идее дунайского орошения буджакских земель. И что будет с лиманом, когда в его уже опресненную гидросистему вновь поступит соленая вода? Однозначных ответов нет.

Зато, хотя об этом неприятно говорить, есть «пена», которая всегда оседает на подобном экологическом движении. Заметьте, что после того, как идею соединения лимана с морем не удалось пробить «с налета», интерес к этой теме значительно снизился — и в Интернете, и в прессе. Если использовать понятия методологии массовых акций, это означает, что спонсоры акции осознали, что быстрого «отбоя» вложенных средств не будет и на дамбе сотки и гектары пляжа приватизироваться не будут. Поэтому они ограничили (или прекратили) финансирование.

Очень интересны, хотя и очень спорны, выкладки Ганжи, посвященные перспективе силового конфликта между Украиной и Румынией. Как государственный служащий я не имею даже права предполагать наличие агрессивных устремлений у члена Евросоюза. Но как «человек читающий», я помню, что написано в «Искусстве войны» Сунь Цзы: «Кто — еще до сражения — побеждает предварительным расчетом, у того шансов много; кто — еще до сражения — не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много — побеждает; у кого шансов мало — не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе».

Так что шансы, совсем как козыри, «надо равнять». Именно поэтому было принято решение о создании в Болграде мотострелковой бригады и именно поэтому я искренне надеюсь, что она будет сформирована, полноценная и хорошо оснащенная. Потому что странные вещи происходят на Дунае. Ганжа об этом не написал, а зря. Дело в том, что украинские, и не только украинские суда в румынской части Дуная стали частыми объектами нападений и грабежей пиратов, приходящих со стороны румынского берега. Проблема обострилась настолько, что 6 июня 2012 года, на 78-й сессии Дунайской Комиссии этот вопрос: «Информация об участившихся случаях нападений и грабежей, которым подверглись украинские суда на румынском участке р. Дунай», был вынесен отдельным пунктом.

Ведь это уже не смешно: на Дунае есть участок, который специалисты называют термином, более подходящим какому-нибудь Малаккскому проливу или водам Африканского Рога: HRA (High risk area, территория высокого риска). По мнению Дунайского пароходства, это район от 240 до 350 километра Дуная, где производится перестройка толкаемых составов для прохождения рукавом Борча — Бала.

Но моя особенная боль — это дунайские порты. Тот же Рени. Его существование еще нельзя назвать предсмертной агонией, какой-то объем грузов (на уровне двух миллионов тонн в год) он переваливает. Минимально порт загружен, но только минимально, и уровня тех советских времен, когда только гражданский порт переваливал по 10 миллионов тонн (а военные грузы вообще никто не считал), — на сегодняшний день такой ситуации нет. Но и бума, желания бункероваться и перегружаться в Рени тоже не наблюдается у современных грузоотправителей.

Я не сразу пришел к такому выводу, но сейчас более чем уверен, что Ренийский и Усть-Дунайский порты должны быть выведены из собственности государства. И стать так называемым «региональными портами». Это дорогостоящие сооружения, и они не могут простаивать. Сами причальные стенки, без сомнения, следует оставить в собственности государства, хотя бы для того, чтобы государственные интересы были приоритетными для порта. Но вся инфраструктура должна быть передана в аренду или приватизирована. Потому что иначе что получается. Пока у порта есть доход, с ним проблем нет. Как, к примеру, у Белгород-Днестровского порта сейчас. Но как только порт «обваливается», все его социальные проблемы падают непереносимым грузом на местные бюджеты.

В долгосрочной перспективе переход портов в частные руки может обернуться большой выгодой как для отдельных городов и районов, так и для региона в целом. Да, эти порты лишились (поклон прошлым командам украинских политиков) огромных российских грузопотоков. Но ведь это еще не конец?! Есть и другие грузоотправители. Я встречался генеральным консулом Беларуси в Одессе Валентином Филипчиком, и он откровенно сообщил, что Одесская область интересна для них своими портами. И это естественно, ведь белорусы не имеют своего выхода к морю. Конечно, они могут воспользоваться портами Балтики, но так можно и без штанов остаться, ведь там на сегодняшний день уже действуют расценки ЕС. Наши расценки намного ниже, поэтому Беларусь заинтересована в использовании наших торговых площадок как перевалочных баз для экспорта и импорта. А ведь есть еще Китай с его глобальными евразийскими логистическими программами.

Проблемы, которые совсем неплохо Ганжа описал во второй части книги, это, действительно ключевые, «изломные» проблемы региона. Но не только они. На самом деле их гораздо больше, все гораздо сложнее, и перед властью, которую мой соавтор призывает «думать», стоят вопросы, от которых просто пухнет голова.

Из наиболее «броских» я бы выделил энергетику. Ведь у Буджака есть колоссальное преимущество — более 300 солнечных дней в году. Это определяет очень оптимистическую перспективу в строительстве солнечных электростанций. Что уже и делается. В Ренийском, Измаильском, Белгород-Днестровском районах. Сейчас есть

болгарские инвесторы в Тарутинском районе. Нам надо только создать благоприятные условия развития отрасли. Мы и создаем. Государство сейчас компенсирует разницу в тарифах, потому что пока на сегодняшний день солнечная энергия обходится значительно дороже традиционной. Но ведь когда-то и мобильный телефон стоил, как добрая машина.

Другая «изломная» проблема — это сохранение урожая. Это проблема всей Украины, но согласитесь, на наших прилавках местных сельхозпродуктов становится больше. Мы движемся в этом направлении, но существуют две проблемы, которые в Буджаке надо очень быстро решить. Это полив и овощехранилища. На плодородных, в случае полива, конечно, землях Буджака абсолютно незначительно выращивать рапс, кукурузу или подсолнечник.

Для плодородных же земель Буджака — овощи и еще раз овощи при условии капельного полива. А без государственного протекционизма это сделать невозможно. Ведь воссоздать даже ту несовершенную дунайско-днестровскую систему орошения — это огромные деньги. А отвечающая современным требованиям система точечного полива — вообще невероятные капиталовложения. Но все это очень перспективно, поскольку проблема продовольствия в мире становится все более острой. Поэтому в продовольственном плане перспективы развития Буджака можно назвать радостными. Но овощи надо не только вырастить, но и сохранить. Мы это прекрасно понимаем, и в Беляевском районе уже есть нулевой цикл очень крупного современного овощехранилища.

Отдельная проблема в регионе — это соблюдение севооборота. Она характерна для всей Украины: нельзя сеять рапс на рапс, даже если цены на него предельно высоки. Потому что несколько лет — и землю можно будет сдавать в утиль. Мы уже идем по пути государственного контроля за севооборотом. И я надеюсь, что санкции будут беспощадными, вне зависимости от формы собственности на землю. Потому что формы приходят и уходят, а земля — это вовеки наследие потомков. Это я как историк говорю.

Хотя историк Пундику часто наступает на горло Пундик-администратор. Хотелось бы выделять побольше средств на публикации «Книг Памяти», книг по истории и культурному наследию, но приходится выбирать. И выбор далеко не всегда в пользу культурного наследия. Ибо скудность бюджета ограничивает маневр.

Но самое важное. Все проекты останутся только проектами, если не будет осуществлено главное: трансформация отношений центральной и региональной власти. В ноябре 2011 года президент Янукович, выступая на международном форуме по самоуправлению, уже обозначил этот вектор: мы должны двигаться по пути децентрализации.

Но «децентрализация» не означает создания таких «полунезависимых общин». Нужна полноценная качественная административно-территориальная реформа, кто бы и что бы ни говорил о специфических особенностях «конкретно нашего района, конкретно нашего села». Это трудно объяснить, но я попробую. У меня сейчас есть головная боль: школы. Ведь согласитесь, для того, что бы получить хотя бы приблизительно «равный шанс» с другими, ребенок из самого малого села должен получить

нормальное полноценное образование. В хорошей школе, с опытными педагогами, оборудованием, Интернетом, библиотекой, бассейном, в конце концов.

А как это можно сделать в маленькой хуторской школе с двадцатью учениками и шестью преподавателями на всю школу? Я не идеалист и понимаю, что полностью «равных шансов» у выпускников сельских школ и престижных гимназий не бывает, но хотя бы как-то, в чем-то подравнивать надо!

Поэтому мы занимаемся и будем заниматься тем, что я, абсолютно без удовольствия, назвал бы «вынужденным реформатированием географии школ». Да, мы закрываем малые школы. И новых школьных зданий строим меньше, чем закрываем старых. Зато в области уже выполнена специальная программа «Школьный автобус» и ВСЕ, повторяю, ВСЕ сельские школьники обеспечены подвозом к месту обучения. А это, между прочим, ежедневные рейсы более чем ста пятидесяти автобусов.

И что-то надо делать с самими районами и сельскими радами. Ведь провозглашая новую систему административных отношений мы, не можем находиться в рамках той, старой советской территориальной системы.

Ведь представьте себе, в Одесской области, и не только в ней, существуют районы, где государственных служащих (налоговиков, милиционеров, чиновников) больше, чем всех остальных работающих в производстве, вместе взятых. Представляете себе, какую сумму тратит государство для содержания этого аппарата?

Или, того похлеще, представьте себе район, где из 20 000 жителей — восемнадцать тысяч избирателей. То есть — нет детей и молодежи!

Показательный пример несовершенства и затратности нашей современной системы местного управления. Украина — это страна с территорией 603 700 км², населением (статистическим, реальное гораздо меньше из-за вынужденной трудовой миграции) 45 562 000 человек и плотностью населения 75,5 чел/км².

Польша — 312 679 км², 38 501 000 человек и 123 чел/км². При таком соотношении у нас в стране 10278 сельских советов, в Польше — 2 478 гмин. И это при том, что они — на 20 месте в мире по паритету покупательной способности, а мы — только на 39-м. Надо ли еще что-то доказывать?

Один мой хороший знакомый, председатель сельсовета, рассказывал мне о своем рабочем дне (цитирую по памяти, но почти дословно): «С утра пришел в сельраду, почитав вчорашню прессу, якщо вона есть, після цього — зайшов на почту, подывився в школу, що там. А тут вже и обед. Після обиди ще два часа покругтився, посмотрел — може яки листи прийшли, вот! Если зателефонували з району, то може на якусь нараду поехал». Все, рабочий день закончен!

Почему так? Во-первых, потому что их, председателей, слишком много. А, во-вторых, потому что у него, председателя, нет оперативных денег.

Ведь человеку, у которого есть в управлении деньги, поступающие в местный бюджет не из Центра, как дотация, а по «праву заработанного общиной», всегда есть чем заняться. Особенно, когда он понимает, что отчет придется держать не перед «народом», некой, по Белинскому, «обезличенной ответственностью», а перед реальными соседями, расхлебывающими за забором плоды его компетентности или отсутствия оной.

Поэтому необходимо, чтобы часть денег, которые зарабатываются на данной территории, оставалась на месте. Сейчас, конечно, часть остается — налог на землю и часть подоходного налога. Но общая сумма постоянно уменьшается, потому что основной источник наполнения местных бюджетов — подоходный налог. А сейчас кризис, растет безработица, уменьшается фонд оплаты труда и, следовательно, подоходный налог.

Вот такие проблемы мучают власть, которую историк, политолог и журналист Ганжа призывает «ДУМАТЬ». Хотя, вообще-то я очень благодарен тому дню, когда, «между чашкой кофе и Одесским археологическим музеем», мы решили написать эту книгу. С одной стороны, я вновь почувствовал себя молодым студентом-историком, над которым стоит сердитый Иван Фомич Ганжа и скептически на тебя смотрит: «Ну-ну, посмотрим, молодой, как ты справишься с этим заданием». А с другой, такой поиск заставил несколько по-новому взглянуть на Бужак: изнутри, что ли.

Я даже не знаю, как закончить свой спич. Пообещать, что все будет хорошо — по меньшей мере, неосторожно, если не просто глупо. Призвать «всем миром» навальтаться на решение общих задач — так ведь сколько таких призывов раздавалось в течение последних двух десятилетий? Да и раньше.

Но, как уж совсем «последнее слово», еще раз подчеркну: говоря о самом наболевшем — административно-территориальной реформе — я говорил о проблеме. Пути ее решения, как и вся административная реформа, это прерогатива государства. И я, государственный служащий, сейчас не могу говорить за все государство. Ганже было легче формировать свои идеи и выводы — он вольный историк.

Но зато я точно знаю: понимание этой проблемы и поиск путей ее решения давно находятся в фокусе внимания на самой верхушке государственного управления. Как и понимание того, что такая реформа — невероятно дорогая и опасная игрушка. Наверно, самая дорогая и опасная в истории страны. Ибо без создания близкой к идеалу инфраструктуры проводить эту реформу невозможно. Причем под «инфраструктурой» я понимаю не только дороги и связь, но и медицину, образование, демографию и все остальное, не менее важное. Я понимаю и то, что снижение поступлений в центр сделает ненужными массу чиновников, а они и их семьи — это значительная часть украинского социума. Очевидно, следует предлагать какие-то компенсаторные меры, но реформу проводить все равно нужно. Иначе — давайте жить так, как мы живем сейчас.

Эпизод

Меня часто спрашивают: «Почему ты так влюбился в Бужак». Как можно ответить? Может, словами старой еврейки из одесского анекдота? Когда ее спросили, зачем обрезают еврейских мальчиков восьми дней отроду, она ответила: «Во-первых, это красиво».

Вот так и Бужак... Это очень красиво.

И закончить книгу мы хотели бы не стенаниями по поводу проблем и неизбежности потерь, а просто небольшой фотогалереей Николая Пундика «Птицы Дельты». Он сделал эти фото в течение тех нескольких часов, пока мы блуждали протоками в районе Жебрияновской бухты.

Поэтому, на прощание, просто откройте последнюю цветную вкладку книги...

Андрей Ганжа

Содержание

От авторов.....5

**Часть 1. Исторические этюды,
или «Дела веков минувших...»** 11

Глава 1. Они почти сделали ЭТО!!! 13

Крепость Бастарнских Альп..... 14
Страшный сон римской пехоты..... 16
Начало проблем..... 19
Мраморная книга дакских войн 21
О том, как они почти сделали ЭТО!!! 22
Еще один монумент 27

Глава 2. Когда Буджак был ЦЕНТРОМ 31

Поднимаясь из безвестности к вершинам 32
На вершинах (1) 37
Интермеццо 38
На вершинах (2) 39
Падение гиганта 44

Глава 3. Приз переходящий..... 50

В это время, где-то на востоке... 51
Лесник дома!!! 56
Возвращение наследников Ногая..... 57
«Козы отпущения» 59
«Ужас из Буджака» 61
Несколько неожиданно..... 63

**Часть 2. Буджак: анамнез,
или «...и беды дней нынешних»** 67

Глава 4. В тени романских знамен 72

Простая человеческая благодарность «железного канцлера» 74
«Люби сильного и добивай слабейшего!» 76
А есть ли угроза со стороны румын?..... 81

А козыри-то надо равнять!	85
И маленький козырь в рукаве.....	89
Настоящая жизнь в городе начинается тогда, когда в него входят военные	91
Глава 5. Привратники непутевые.....	93
Без штанов на золотых берегах.....	93
Часть суши, со всех сторон окруженная проблемами	95
Не доставайся же ты никому!.....	103
Берег гибнущих портов	108
Сделаем это по Быстрому.....	113
Глава 6. Автобаны и акведуки	120
Интермодальный выход	120
Дороги трудны, но хуже без дорог	122
Длинной белой ниткой стоптанных дорог. Штопаем.....	127
Стук колес подробнее, поезд дальше мчится.....	129
Напоить землю.....	132
Глоток воды в жаркий полдень.....	136
Природа бизнеса не терпит пустоты	138
Глава 7. Килийские баллады	142
Баллада о вине.....	144
Баллада о рисе.....	145
Баллада о лихтерах	146
Кто виноват и что делать?	148
А, может, так попробовать?	149
«Баллада о феодализме»	152
Вместо эпилога	
...от Андрея Ганжи:	154
...от Николая Пундика:	159
Эпилог	165

Книга присвячена історії і сьогоденню Буджаку, території між устям Дунаю та Дністровським лиманом. Зараз це депресивний і дотаційний куток України: а колись тут вершилися великі справи...

Літературно-художнє видання

ГАНЖА Андрій Іванович
ПУНДИК Микола Володимирович

БУДЖАЦЬКИЙ ЗЛАМ

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*
Головний редактор *Н. Я. Рихтік*
Дизайнер обкладинки *В. І. Костецький*
Технічний редактор *Н. С. Жукова*
Коректор *І. В. Шепельська*

Підписано до друку 13.03.2013. Формат 70×100/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Newton». Друк офсетний. Ум. друк. арк. 13,65+1,30. Тираж 1000 прим.
Вид. № 6 Зам. № 488.

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003